

Комитет по культуре Курской области
Курская областная научная библиотека им. Н. Н. Асеева

АСЕЕВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ

130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА АСЕЕВА

СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ

9 ИЮЛЯ 2019 ГОДА

*Комитет по культуре Курской области
Курская областная научная библиотека им. Н. Н. Асеева*

АСЕЕВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЧТЕНИЯ

*130 лет со дня рождения
Николая Николаевича Асеева*

**СБОРНИК
МАТЕРИАЛОВ**

9 июля 2019 года

Курск 2019

ББК 83.3(2Рос-4Кус)6-8я431

А 90

Составитель: Е. В. Мазнева, заведующий отделом краеведческой литературы Курской областной научной библиотеки им. Н. Н. Асеева.

Редактор: Н. В. Кондратьева, зам. директора по библиотечной работе Курской областной научной библиотеки им. Н. Н. Асеева.

Ответственный за выпуск: Г. В. Ветрова, директор Курской областной научной библиотеки им. Н. Н. Асеева.

Асеевские литературные чтения [Текст] : 130 лет со дня рождения Николая Николаевича Асеева : сборник материалов, 9 июля 2019 года, [г. Курск] / Ком. по культуре Курской обл., Курская обл. науч. б-ка им. Н. Н. Асеева ; [сост.: Е. В. Мазнева ; ред. кол.: Г. В. Ветрова (рук. проекта), Н. В. Кондратьева]. – Курск, 2019. – 130 с.

Знак информационной продукции: 12+

В сборник вошли тексты выступлений участников Асеевских литературных чтений, прошедших 9 июля 2019 года в Курской областной научной библиотеке им. Н. Н. Асеева в рамках празднования 130-летия со дня рождения русского поэта, переводчика, сценариста Николая Николаевича Асеева.

Содержание

От составителя	4
Рябинин В. Н. Асеев (отрывок из поэмы)	6
Аниканова И. В. Памяти Николая Асеева	14
Пахомов Н. Д. Сын Руси	15
Беляева Н. В. «И что мы оставим ... на нынешнем свете?» (Н. Н. Асеев и В. В. Маяковский)	22
Сидоренко В. М. Поэма Н. Н. Асеева «Маяковский начинается»	30
Романов С. С. Николай Асеев о Евгении Баратынском	37
Белошапкина Е. А. «Ты – всему была заказчица, что в строке отозвалось»	42
Савчук И. В. «Великая Океания» Николая Асеева (тема революции в творчестве Н. Н. Асеева)	49
Саушкина Э. И. «Простые строки» Николая Николаевича Асеева	53
Доценко Н. В. Творчество Николая Асеева в области детской литературы	59
Антипенко Т. Н. Асеев продолжается	67
Грачев А. А. Творческий портрет и поэтическое мастерство Николая Асеева	73
Бубнов А. В. Буквология и высокие игры в стихотворении Николая Асеева «Объявление»	82
Лагутич М. С. «Я лирик по складу своей души...»	90
Хаипова Т. В. «Спасибо тебе, городок на Каме». Чистопольские страницы Николая Асеева	104
Григорьевич В. Г. Поэзия Н. Асеева – поэзия, полная человечности, борьбы, оптимизма, счастья	109
Соколова Т. М. Издание аудиокниги «СТИХия Николая Асеева» в рамках проекта Курской специальной библиотеки имени В. С. Алехина «Перечитаем вместе»	113
Малыхина Н. А. Сохранение, изучение и популяризация творчества курского незрячего писателя В. С. Алехина в Курской областной специальной библиотеке для слепых	116
Курашова С. В. Музей писателей Гомельщины как форма сохранения и изучения литературной истории	121
Ильченко Д. В. Творчество поэта и прозаика Виктора Шутова в литературном пространстве Донбасса	125
Сведения об авторах	129

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Уроженец города Льгова Курской губернии Николай Николаевич Асеев (09.07.1889-16.07.1963) – один из ярких представителей советской поэзии. Стихи Асеева многогранны и разнообразны, как и эпоха, в которой он жил. Революции и войны не могли не оставить след в творчестве поэта. «Я лирик по складу своей души, по самой строчечной сути», – писал Николай Асеев, и эти слова как нельзя лучше определяют природу его поэтического дарования. Николай Асеев был стихотворцем с собственным уникальным голосом, отличным прозаиком, точным мемуаристом. Стихотворения Н. Н. Асеева получили народное признание, его книги издавались большими тиражами в нашей стране и за ее пределами, его произведения были переведены на многие языки мира. За выдающиеся заслуги в развитии советской литературы поэт был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени. Он – лауреат Сталинской премии первой степени.

Куряне чтут память своего земляка, поэта Н. Асеева, пронесшего через всю жизнь любовь к малой родине, посвятившего ей цикл стихотворений «Курские края». В городе Льгове действует Литературно-мемориальный музей Н. Н. Асеева. Имя Асеева носят улицы в городе Курске и в городе Льгове, Курская областная научная библиотека, перед зданием которой установлен его бюст. На здании профессионального лицея № 1 (г. Курск, ул. Серафима Саровского) установлена мемориальная доска, посвященная поэту.

В Курской области проводятся юбилейные литературные праздники, чтения, посвященные творчеству поэта.

В июле 1989 года состоялся литературный праздник, посвященный 100-летию со дня рождения Н. Н. Асеева, в котором участвовали ученые и писатели из разных городов страны, в том числе поэты Виктор Боков, Виктор Завадский, Владимир Голобородько, Игорь Чернухин, доктор филологических наук, поэт Лев Озеров, автор книги о творчестве Н. Н. Асеева «В содружестве светил» Игорь Шайтанов, автор книги «Литературный портрет Николая Асеева» Сергей Гиндин, критик Станислав Лесневский.

В 1990 году Союз писателей СССР, Союз писателей РСФСР, Институт мировой литературы им. М. Горького, Курская писательская

организация, Литературно-мемориальный музей Н. Н. Асеева приняли участие в организации научной конференции «Жизнь и творчество Н. Асеева» во Льгове.

Традиционно, с 2015 года, в день рождения Н. Н. Асеева у бюста поэта проводится Открытый поэтический микрофон «Я дом построил из стихов».

9 июля 2019 года исполнилось 130 лет со дня рождения Николая Николаевича Асеева. Эта знаменательная дата была отмечена литературными чтениями в Курской областной научной библиотеке.

В данный сборник включены материалы *Асеевских литературных чтений*, раскрывающие особенности творчества и многогранность таланта Николая Николаевича Асеева, а также информация о сохранении и популяризации его творчества в учреждениях культуры Курской области и других регионах страны.

**АСЕЕВ
(ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ)**

*«И горжусь я и веселюсь,
пусть и в сердце старостью ранен,
что сильна моя новая Русь
и что я её сын – курянин»*

Н. Асеев. «Богатырская поэма»

*Эх, Россия, моя Россия,
Сколько славных дала мужей,
Кто тебя спасал от бессилья,
От разврата и от цепей.*

*Кто любил тебя всей душою,
Кто до смерти болел тобой,
Кто не мог тебя видеть больною,
Называя своей судьбой.*

1

*«О, республика детских лет,
государство, великое в малом!
Ты навек оставляешь след
отшумевшим своим снеготалом»*

Н. Асеев «Город Курск»

*Эх, Рассея, моя Рассея,
В перезвоне колоколов...
Здесь родился поэт Асеев,
Прославляя свой город Льгов.*

*Город не был судьбой обласкан,
Был сожжён не один он раз,
Но как Феникс из старой сказки
Возрождался он в добрый час.*

*И уездные сивки трусили,
Увозя девятнадцатый век,
Девятнадцатый век России
В серебре поэтических рек.*

И, впитавший и ширь, и сини,
Соловьиных мелодий звень,
Рос поэт молодой России
Под приглядами деревень.

Там, где деда его рассказы
Небылицами проросли,
Где его «лебедя»* без отказа
Зверя гнула до самой земли.

Где под бабкины песни-сказы,
Не умевшей писать пером,
Удивляясь былинам разным,
Засыпал сладким детским сном.

А с утра всё опять по новой:
Сейма-батюшки берега,
Ежевичных кустов хоромы,
Росяные лугов жемчуга.

И на взгорье – базаров говор,
С мягкой курскою буквой «Ге» –
Будет помниться Ольгов-город
На широкой реки дуге.

2

***«Суджа, Рыльск, Обоянь, Путивль,
вы мне верную службу служили.
Вы мне в жизнь показали пути,
вы мне звук свой в сердце вложили»***

Н. Асеев «Детство»

Память – лучшая из подружек,
Память крепче любых оков
Охмурит, заведёт, закружит
В наше прошлое, в глубь веков.

Детских лет вспоминая замять,
Будет сердце щемить всегда,
И хранить его будет память
Малой Родины города.

Окоёмы и Льгова, и Курска
Лягут в строчки его стихов.
От крутого до Тускари спуска
До Москвы-реки берегов

Будет Родина им воспета,
И воспет будет новый строй.
А пока он каждое лето
На каникулы ездит домой.

Между Курском и Льговом – сотня
Вёрст звенящих стальных путей.
Вдоль дороги – полей лохмотья,
И лохмотья рабов-людей.

И не может Асеев Коля
Не задуматься: «Почему?».
Почему у народа доля
Не завидная никому?

3

***«Не захлопнуть ли вновь урок,
сухомяткой не лезущий в глотку?
Не пойти ль провести вечерок
на товарищескую сходку?»***

Н. Асеев «Город Курск»

От столицы и до уездов
Вырастал вольнодумства дух.
Гимназисты по манифестам
Изучали букварь разрух.

Революции первой проба
Силы царского кулака
Разбудила в народе злобу –
Не хватило лишь сил пока

Сбросить гнёта самодержавья
В тело врезавшийся хомут,
И без всякого состраданья
Изломать деспотизма кнут.

И, на тайные сходки вхожий
И мужающий, Николай
Льгова воздух родной тревожит
«Марсельезой»: «Вставай, вставай!».**

Эх, Рассея, моя Рассея –
Захолустный уездный быт –
Гимназист Николай Асеев
В каталажке опять сидит.

4

*«Детство. Мальчик. Пенал. Урок...
За плечами - телячий ранец...
День ещё без конца широк,
бесконечен зари румянец»*

Н. Асеев. «Детство»

Аттестата бумажный глянец
Возвестил окончанье дней,
Где он с книгами толстый ранец
Десять лет носил на спине.

Был красив он в мечтах... И молод...
Только в знаниях не был сыт,
И Москва, утоляя голод,
Голод знаний – пред ним лежит.

О, Москва, «сын твоих окраин»***
Восхищён алтарём веков –
Стен Кремля красноту окалин –
В строчки первых своих стихов.

В двадцать лет покорял столицу,
Непокорную на веках –
За страницей писал страницу,
Прославляя её в стихах.

Символизмом огранку строчек
В поэтической новизне
Шлифовал, создавая почерк
Самобытный, живой вполне.

Первых сборников голос звонкий
Медью врезался в шум Москвы,
Напрягая ушей перепонки,
Обывателей руша сны.

5

*«Насилье родит насилье,
И ложь умножает ложь,
Когда нас берут за горло,
Естественно братья за нож»*

Н. Асеев «Надежда»

«Бился пульс нараставшего горя»****
От Ла-Манша до самых Курил,
Жаждал мир на земле перекроя
Под напором военных ветрил.

И, ломая границы и судьбы,
Красоту убивая земли,
Мира кровью залитые будни
Снова взрывами расцвели.

Год пятнадцатый под прицелы
Брал студентов, рабочих, крестьян,
Наполняя траншей пределы
Недовольством простых мирян.

Эх, Рассея, моя Рассея –
Поле брани опять в крови.
И солдат Николай Асеев –
На твоей покрасневшей груди.

6

*«Я каждый день, проснувшись, долго думаю
при утреннем рассыпчатом огне,
как должен я любить тебя, звезду мою,
упавшую в объятия ко мне!»*

Н. Асеев «Пять сестёр»

Как случилось – никто не скажет,
Пролетело годов-то сколько.

Но под Харьков, в село однажды
Прикатил вдруг Асеев Колька.

По снегам, по раскисшим хлябям,
Февраля проклиная пыл,
Прикатил, на войну не глядя,
К той единственной, что любил.

К той, которую берегиней
Назовёт много лет спустя,
И кто станет его княгиней
До последнего судного дня.

В деревенской церквушке спьяну
Поп венчал их своей рукой,
Чтоб любил он свою Оксану...
И увез он её с собой...

7

***«Красные зори,
Красный восход,
Красные речи
У Красных ворот»***

Н. Асеев «Кумач»

Красный цвет всё сильнее и сильнее,
Заливая просторы страны,
Становился врагов страшнее
И страшнее самой войны.

Там и тут, на фронтах, разрывая
Заграждений колючих строй,
Шло братанье солдат, облакая
Недовольство людей войной.

Полковые везде Советы
Забирали всю власть к рукам.
Год семнадцатый – полпланеты
Предоставлено мужикам.

Полк стрелковый тридцать четвертый,
Где Асеев читал декрет,
В боевых мясорубках тёртый,
Выбирает его в Совет.

И, как книжного грамотея,
В школу прапорщиков послать
Вдруг кому-то пришла идея,
Чтоб он мог командиром стать.

Боль израненных, наполняя
Тесноту эшелонных нар,
Расползлась по стране, склоняя
Люд простой на святой пожар.

И в Иркутске уже Асеев
С молодой Оксаной-женой
От свободы шальной хмелея,
Революции пьёт настой.

8

*«Революция – это рёвы улиц,
это топот толп, прочтённый вслух.
Только в революцию можно стать под пули,
грудью их отвеяв, словно пух»*

Н. Асеев «Это революция»

Век двадцатый на войны скорый,
В продолжении катаклизм
Грянул залпом стальной «Авроры»,
Убивая капитализм.

«Некрасивое старое Время,
Потерявшее голос, рыдало». *****
Цвета красного, красному веря,
Время новое наступало.

И, столкнувшись в смертельной битве,
Старина с новизной начала
Всю Россию, подобно бритве,
На два лагеря разрезала.

И рвались человечьи души,
Холодела людская плоть
На шестой части нашей суши,
Чтобы старое побороть.

В этой битве кровавой, жестокой
Для людей от станка и сохи
Зазвучали над Дальним Востоком
Огневые стальные стихи.

Гимназист из уездного Льгова,
Поражённый людской нищетой,
Революции красное слово
Называет своею судьбой.

9

*«Время ложится на плечи, как бремя,
но отошедшее далеко
ленинское неповторимое время
помнится радостно и легко»*

Н. Асеев «Время Ленина»

И поэта молодого сердце,
Напоённое новизной,
С частотою свободы в герцах
Бьётся в ритме со всей страной.

И Москва вновь его встречает
Краснотою кремлёвских стен,
На волнах новизны качает
Парус жизненных перемен.

Над брусчаткой московских улиц
Революции краснослов
Зазвучал так, что вдруг проснулись
Миллионы простых голов.

Миллионы до знаний жадных,
Презирающих старый строй,
Новых строчек, душе отрадных,
Ожидали, как грома бой.

Каждой строчке и каждой песне,
Прославляющей новизну,
От Кремля – и до Красной Пресни,
А оттуда – на всю страну

Люд безграмотный рад был родам...
И звучали по городам
Песни, славящие свободу,
Неприятные господам.

**«Лебеда» – ружье известного чешского оружейника А. В. Лебеды (1795-1857).*

***«Марсельеза» – самая знаменитая песня Великой французской революции. В России она называлась «Рабочей Марсельезой» и пелась в переводе русского революционера народника П. Лаврова. Слова песни не имели ничего общего с оригинальным текстом «Марсельезы».*

****Из стихотворения Н. Асеева «Москва».*

*****Из стихотворения Н. Асеева «Внезапье».*

******Из стихотворения Н. Асеева «Воззвание».*

Аниканова И. В.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АСЕЕВА

Я на рассвете рано поднимусь,
Когда прохладный ветер дует в сени,
И тропкою прибрежную пройду
Туда, где так любил гулять Асеев.
 Где домик с покосившимся крыльцом
 И тропка от него ведет под гору.
 Там Николай с Оксаной за столом
 Гостей встречали в молодую пору.
В тени старинных княжеских дубрав
Он песни соловья, забывшись, слушал,
На белый лист бумаги изливал
Любовью переполненную душу.

А Сейм был также неприметно тих,
И ивы были так скромны по-русски!
Поэт слагал свой незабвенный стих,
Шагая утром по тропинке узкой.

Мне так спокойно по его следам
Идти босыми мокрыми ногами,
И кланяться ромашкам, василькам,
И любоваться пёстрыми лугами.

Я в свежесть трав июньских упаду,
Всей грудью аромат цветов вдыхая,
И тропкою асеевской пройду
Всю Русь мою от края и до края.

Пахомов Н. Д.

СЫН РУСИ

Аннотация: Статья посвящена жизненному и творческому пути нашего земляка, уроженца г. Льгова Курской губернии, известного русского поэта Н. Н. Асеева. Творчество поэта рассматривается неразрывно с его биографией и с людьми, которые окружали поэта.

Ключевые слова: Русский поэт, литературовед, творчество, сборники стихов.

Известный русский, советский поэт и литературовед Николай Николаевич Асеев (27.06/09.07.1889-16.07.1963) родился в городе Льгове Курской губернии, в семье страхового агента, работавшего в Курске. Здесь, в доме деда по материнской линии – Пинского Николая Павловича, прошло его детство. Когда Николаю было 6 лет, заболела его мать Елена Николаевна Асеева (Пинская), а когда мальчику исполнилось 8 лет, она умерла. Главными воспитателями Коли Асеева стали дед Николай Павлович и бабушка Варвара Степановна. Они научили юного Колю не только читать и писать, но и привили ему трогательную любовь к образному, меткому языку народных песен и сказок.

В 1899 году десятилетним мальчиком Николай Асеев был привезен в Курск и стал проживать в доме брата отца – Василия Николаевича (ул. 2-я Сергиевская, 34). Но, поступив в Курское реальное училище, он из-за сварливости и деспотичности супруги дяди переходит жить на квартиру к своему классному наставнику [1, с. 105]. И вскоре, как и многие молодые люди того времени, его ровесники, увлекся

революционными идеями. А в 1905 году, когда в Курске проходили революционные волнения студентов и рабочих, принял в них участие и даже был разыскиваем полицией. Приходилось скрываться у родственников. В этот раз все обошлось. Но в 1909 году, согласно исследованиям А. А. Грачева, за революционную деятельность он все же подвергся недолгому аресту в г. Льгове [2, с. 64].

В Курске во время учебы в реальном училище Николай Асеев начал писать стихи и, возможно, уже пробовал публиковаться в местных газетах и в сборниках студенческой молодежи. А такие сборники в столице соловьиного края уже имелись. Например, бывший выпускник церковно-приходской школы Илья Дмитриевич Стрельский еще в 1903 году организовал группу начинающих литераторов и выпустил два сборника стихов и рассказов: «Отражения» и «Проблески». Был подготовлен и третий – «Лучи». И кто знает, не были ли стихи Николая Асеева в каком-нибудь из подобных сборников, не дошедших до потомков?..

В 1909 году после окончания училища Асеев едет в Москву и поступает в Московский коммерческий институт. Параллельно с этим вскоре начинает слушать курс лекций на филологических факультетах Московского и Харьковского университетов. В 1911 году, находясь в Харькове, знакомится с сестрами Синяковыми и через какое-то время женится на Ксении Михайловне Синяковой.

Учась в институте, Асеев продолжает поэтические упражнения. И в 1911 году его стихи уже были опубликованы в журнале «Весна». В 1912 – новые публикации в столичной печати, а в 1913 – в альманахе «Лира». Нельзя исключать того, что часть стихов Асеева, опубликованных в этих альманахах, была им написана еще в курский период жизни... Публикация стихов в столичных изданиях позволила молодому автору познакомиться с ведущими поэтами того времени: Валерием Брюсовым, Борисом Пастернаком, Федором Сологубом, Вячеславом Ивановым. В эти же годы начались его сложные поэтические искания. В его творчестве заметно влияние поэтов-символистов. Он входит в близкие к футуристам литературные группы, знакомится с творчеством В. В. Хлебникова, увлекается древнеславянской поэзией и фольклором.

Как отмечает Ю. А. Бугров, первый сборник стихов Николая Асеева «Ночная флейта» вышел в 1913 году. Затем последовали «Зор» (1914), «Леторей» и книга перевода скандинавских саг «Калевалы» (1915) [1, с. 106].

В 1915 году Николай Асеев был призван в армию и попал на австрийский фронт. Принять участие в военных действиях ему не довелось. Он заболел воспалением легких, и у него обострился туберкулез. Его уволили из армии и отправили на лечение в Москву [2, с. 66]. В это время в Москве выходят его сборники стихов «Четвертая книга» и «Оксана» (1916).

В 1916 году Николая Асеева снова призвали на службу [3, с. 66]. Жизнь вносит крутой поворот в его творческую биографию. Поэт как бы заново открывает для себя окружающую действительность. Он гневно осуждает чуждую народу войну, которая оскорбляет и достоинство человека, и красоту природы.

После Февральской буржуазной революции 1917 года Асеев всей душой поддержал демократические перемены в стране и армии. Его, как одного из самых образованных солдат, избирают в Совет солдатских депутатов 34-го стрелкового полка. Командование, чтобы избавиться от него, направляет его на учебу в школу прапорщиков в Иркутск. Однако Николай Асеев, взяв с собой жену, фактически дезертирует из армии: минуя Иркутск, он отправляется дальше на Дальний Восток – в город Владивосток. Свершившаяся в это время в Петрограде Октябрьская социалистическая революция вносит свои коррективы в планы четы Асеевых. Находясь в это время во Владивостоке, Николай Николаевич целиком и полностью поддержал большевиков, явившись в новый орган власти – Совет рабочих и солдатских депутатов, где вначале получил должность заведующего биржей труда, а затем начинает сотрудничать в качестве журналиста в местной прессе [2, с. 67]. Последовавшая за революцией Гражданская война (на Дальнем Востоке она продолжалась до 1922 г.) вновь делает свои правки: надо не только выживать, но и продолжать борьбу в условиях белогвардейщины и иностранной интервенции. И Николай Асеев во Владивостоке вначале создает литературно-художественное общество «Балаганчик», а затем в 1920 году на его основе организует футуристическую группу «Творчество», в которую вошли С. М. Третьяков, Д. Д. Бурлюк и другие.

В 1921 году во Владивостоке Асеев издает сборник стихов «Бомба», восторженно принятый В. Маяковским. В нем публикует два цикла стихов: «Заржавленная лира» и «Стихи сегодняшнего дня». Однако большая часть тиража сборника была уничтожена белогвардейцами. Газета, в которой трудился Асеев, подверглась репрессиям, и ему вместе с женой пришлось вначале переселиться за город, а потом бежать от интервентов и белогвардейцев в Читту (тогда – столицу Дальневосточной

республики). Здесь он подготовил к изданию сборник стихов «Стальной соловей», который был издан позднее в Москве [2, с. 68].

В начале 1922 года Николай Асеев по личному вызову наркома просвещения А. В. Луначарского из Читы возвращается в Москву, где его ждут В. В. Маяковский и другие друзья-поэты [3, с. 499]. И здесь увидели свет сборники его стихов: «Бомба», «Стальной соловей» и «Совет ветров».

С 1923 года Асеев активно работает в ЛЕФе («Левый фронт искусств») и пишет много стихотворений, фельетонов, памфлетов. Исследователи его творчества отмечают, что «духом революционного энтузиазма» проникнуты его произведения «Свердловская буря», «Семен Проскаков», «Синие гусары», «Двадцать шесть» и другие [4, с. 152].

В середине двадцатых годов в Москве находилось несколько курян, занимавшихся литературной деятельностью, в том числе поэзией, – Пимен Карпов, Елена Благинина, Софья Валлат, Рита Райт, Аркадий Гайдар, Николай Сидоренко. Не исключено, что с некоторыми из них, если вообще не со всеми, Николай Николаевич был знаком и общался. Ведь все творческие личности, особенно поэты, без общения с собратьями не могут, оно им необходимо как воздух. К тому же Рита Райт-Ковалева уже была дружна с Владимиром Маяковским и занималась переводом его произведений на немецкий язык. Кроме того, на факт общения курян-писателей указывают и фотографии, на которых запечатлены Асеев и Гайдар, Гайдар и Рита Райт-Ковалева, Гайдар и Пимен Карпов.

О встречах Н. Асеева с А. Гайдаром, их беседах о литературе писал курский журналист Ф. Е. Панов. В его очерке «Встретились однажды Асеев и Гайдар» приводятся выдержки из дневника А. Гайдара: «Ходили (22 мая 1934 года) на концерт. Разговор с Асеевым. Ему мои замечания понравились» [5, с. 84]. Кстати, об Асееве Федором Пановым написаны очерки «Дом у конопляника» и «Время рыжего цвета, или Молодые годы Николая Асеева» [6].

Таким образом, факт общения Николая Асеева в 20-е и 30-е годы с земляками-курянами, торившими свои тропки на литературном поприще, имел место. Но крепких дружеских связей Николая Николаевича Асеева с кем-либо из них, и тем более со всеми, литературоведам пока выявить не удалось. В то время, в отличие от сегодняшнего, в Москве курского землячества, к сожалению, не существовало.

В феврале 1927 года Николай Асеев вместе с поэтом Владимиром Маяковским посетили Курск. Со стихами и лекциями поэты выступили

во Дворце рабочих (в разные периоды истории – Дом офицеров и Филармония № 2). На встречу с московскими поэтами приходили и курские литераторы: Максим Подобедов (М. Суровый), Михаил Булавин, Борис Панько, Михаил Козловский.

В 1928 году Асеев совершает поездку за границу. Возвратившись на Родину, пишет цикл стихов о буржуазном Западе. И вновь один за другим выходят его сборники «Время лучшим», «Молодые стихи», «Москва-песня», «Высокогорные стихи». Когда в 1930 году не стало В. В. Маяковского, Асеев тяжело переживал потерю своего товарища. И в это время приступил к созданию поэмы «Маяковский начинается».

Во второй половине 20-х годов Николай Николаевич в своем творчестве довольно часто стал обращаться к курской теме, к городам Льгову и Курску. В итоге это обращение выльется в цикл стихов «Курские края», которые обозначили в творчестве поэта новую, принципиально значимую веху. Примечательно, что «Курские края» достойно завершило стихотворение «Город Курск», написанное в 1930 году и дополненное концовкой в огневом 1943.

*Город Курск на веков гряде,
Неподкупный и непокорный,
На железной залёг руде,
Глубоко запустивши корни.<...>*

*...Он теперь опалён огнём,
А тогда был так безопасен...
Как давно не бывал я в нём!
Как я многим ему обязан! [7, с. 324]*

Когда в 1934 году в СССР был образован Союз писателей, то Асеев не только стал одним из первых членов этого Союза, но и вошел в его руководящие структуры. Был в комиссии по приему молодых авторов в Союз писателей [3, с. 505].

В 1941 году Николай Асеев за поэму «Маяковский начинается», опубликованную в 1940 году, был удостоен Государственной премии. А в годы Великой Отечественной войны поэт активно работал, но печатался мало. Стихи этих лет после Победы вошли в сборники «Первый взвод» и «Пламя Победы».

Лирико-философскими размышлениями об исторических судьбах XX века пронизаны послевоенные книги стихов «Раздумье», «Лад». Основу книги «Лад» составил стихотворный цикл «Москва-Россия». А в

«Богатырской поэме» не только поэтические картины курских мест, но и обращение к бессмертному «Слову о полку Игореве». Н. Асеев продолжает исследования, начатые Н. А. Полевым в 1817 году и расширенные А. А. Танковым в начале XX века. На интерес Асеева к «Слову» в 70-е годы неоднократно обращал внимание читателя литературный критик и писатель И. З. Баскевич [8, с. 98].

*Что же это за «сведомы кмети»,
что в поход подымали стяги?
А по-моему, это
были курские работяги.
На конях князя разъезжали
в шишаках узорных,
кметы ж в лаптях врагов отражали
в тех боях упорных.
А когда эти битвы стихали,
князь сиял, славословьем украшен;
кметы ж вновь боронили, пахали
черноту наших пашен.
Знал я их, будто век с ними жил,
будто о конь ходил за сохою,
пил и ел, и коней сторожил
летней полночью тёмной, глухою... [9, с. 62]*

И совсем уж с сыновней любовью поэт заканчивает строки «Богатырской поэмы» о родном крае:

*И горжусь я, и веселюсь,
пусть и в сердце старостью ранен,
что сильна моя новая Русь
и что я её сын – курянин. [9, с. 66]*

Опираясь, в том числе, и на эти строки знаменитого советского поэта, Исаак Баскевич выдвинул версию, что автором бессмертного слова мог быть курянин. И эта версия до сих пор никем не опровергнута.

В своих поэтических обращениях к «Слову», «курским кметям» по следам Николая Асеева вскоре пошли новые поколения курских поэтов: Н. Ю. Корнеев, Е. И. Полянский, Ю. П. Першин, В. Н. Корнеев, В. Н. Рябинин, В. М. Шеховцов и многие другие.

Стоит отметить, что Николай Асеев проявил себя и как талантливый переводчик украинских и зарубежных поэтов, и как публицист, и как литературовед. Им опубликованы литературно-критические статьи, очерки, рассказы и воспоминания. Именно они составили книги: «Дневник поэта», «Работа над стихом», «Проза поэта», «Зачем и кому нужна поэзия», изданные в разные годы. За заслуги перед советской литературой Н. Н. Асеев был награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Более 80 поэтических и прозаических сборников было издано при жизни Николая Асеева. 16 июля 1963 года поэта не стало.

А куряне, несмотря на социальные и политические изменения в стране, произошедшие в 90-х годах прошлого века, вопреки ерничеству и кликушеству некоторых современных либеральствующих авторов, надумано и предвзято, если вообще не лживо, обвиняющих поэта в разных «смертных грехах», по-прежнему любят и уважают своего земляка – сына великой Руси-России – Николая Николаевича Асеева. В Курске его именем названа и с гордостью носит это имя областная научная библиотека, нежно называемая курянами «Асеевкой». В библиотеке ежегодно, в день рождения поэта, 9 июля, проводится Открытый поэтический микрофон, а в юбилейные даты – Асеевские литературные чтения.

Есть в Курске и улица имени Николая Асеева. А в городе Льгове по инициативе известного краеведа С. В. Лагутича создан и действует с октября 1988 года музей Асеева.

Не забывают о своем знаменитом земляке курские писатели и журналисты. Вновь и вновь они обращаются к жизни и творческой деятельности Николая Николаевича. Если ранее это делали И. Баскевич, Т. Антипенко, Ю. Бугров, Н. Гетьман, Ф. Панов, то среди последних работ стоит назвать очерк М. Лагутича «Николай Асеев», монографию А. А. Грачева «Поэт стали и соловьиной трели», поэму В. Н. Рябинина «Асеев» и стихотворение И. В. Аникановой «Памяти Н. Асеева». Большая часть произведений этих авторов вошла в очередной выпуск литературного альманаха «Курские перекрестки», приуроченный к 130-летию со дня рождения поэта-земляка.

Библиографический список:

1. Бугров, Ю. А. Н. Н. Асеев [Текст] // Литературные хроники Курского края / Ю. А. Бугров. – Курск, 2011. – С. 105–106.
2. Грачев, А. А. Поэт стали и соловьиной трели [Текст] : (очерк о Николае Асееве) // Строки, согретые сердцем / А. А. Грачев. – Курск, 2018. – С. 59–121.

3. Лагутич, М. С. Благополучный Николай Асеев [Текст] // Провинциальная хроника. Льгов в истории Курского края / М. С. Лагутич. – Курск, 2007. – С.495–512.
4. Чурилова, Е. Н. Жизнь и творчество Н. Н. Асеева [Текст] / Е. Н. Чурилова // Наши земляки «...И свеча бы родовая не погасла». – Курск, 2004. – С. 143–168. – (Курский край ; т. 18).
5. Панов, Ф. Е. Встретились однажды Асеев и Гайдар [Текст] // Калинушка и Соловей / Ф. Е. Панов. – Курск, 2010. – С. 84–88.
6. Панов, Ф. Е. Калинушка и Соловей [Текст] / Ф. Е. Панов. – Курск, 2010. – 333 с.
7. Асеев, Николай Николаевич. Стихотворения и поэмы [Текст] / Н. Н. Асеев ; [сост., предисл. и коммент. И. Шайтанов]. – Москва : Художественная литература, 1990. – 511 с.
8. Баскевич, И. З. Н. Н. Асеев [Текст] // Курские вечера / И. З. Баскевич. – Воронеж, 1979. – С. 95–99.
9. Асеев, Николай Николаевич. Лад [Текст] / Н. Н. Асеев. – Москва : Советский писатель, 1963. – 106 с.

Беляева Н. В.

**«И ЧТО МЫ ОСТАВИМ ... НА НЫНЕШНЕМ СВЕТЕ?»
(Н. Н. АСЕЕВ И В. В. МАЯКОВСКИЙ)**

Аннотация: В статье говорится о творческих и дружеских отношениях, связывающих Н. Н. Асеева и поэтов-современников. Особое внимание уделяется дружбе с В. В. Маяковским, их совместному творчеству и восприятию окружающей действительности, рассматриваются основы, объединяющие поэтов, отношение к вопросу о месте и роли поэзии в обществе.

Ключевые слова: Поэты-современники, футуристы, В. В. Маяковский, ЛЕФ, друзья, роль поэта в обществе.

130 лет со дня рождения... Много это или мало? Какова была эпоха, в которую жил поэт? Первая мировая война, Октябрьская революция, Гражданская война, репрессии, Великая Отечественная, послевоенная разруха... Смерть, горе, слезы... Молодость, любовь, дружба, поэзия, мечты, надежды, воодушевление... Так, наверное, можно представить жизнь поэта Николая Асеева. Жизнь его и тех, кто был рядом, кто был дорог поэту, близок ему по духу.

Имена поэтов в стихотворных текстах Н. Асеева позволяют многое узнать о нем самом: что видел, кого любил, о чем мечтал... Мир антропонимов Н. Н. Асеева ярок и многообразен [1, с.62]. Вступив в круг литераторов (В. Брюсов, В. Хлебников, Б. Пастернак, И. Сельвинский,

А. Белый, В. Лидин, Н. Огнев и др.), он приобрел много друзей и недругов. О них мы и узнаем из поэзии Николая Асеева. К ним поэт обращается, о них пишет, им посвящает стихи... Одни имена можно увидеть в названиях («Гастев», «Маяковскому», «Метро “Маяковская”»). Другие встречаются на поэтических страницах: Хлебников, Гастев, Бурлюк, Маяковский... Есть имена в посвящениях Анне Ахматовой, Валерию Брюсову, Борису Пастернаку (хотя Асеев мог просто написать «Друзьям», как, например, в стихотворении «Северное сияние» (1921) [2]).

В стихотворении «Волга» (1921) Н. Асеев пишет практически сразу обо всех своих друзьях-стихотворцах этого периода жизни, и в каждой фразе мы слышим гордость за них, восхищение ими:

*Нет на свете выше воли,
чем на этих гребнях,
и на них сидеть изволит
пеньявода-Хлебник.*

*И на них, наплывши тучей,
под трезвон московский,*

*небо взять в стальные крючья
учит Маяковский.*

*И влачит Бурлюк-бурлака
баржу вешних кликов,
и дыбятся, у орла как,
перья воли дикой. [2, с. 122]*

Однако самым дорогим, самым любимым другом был В. В. Маяковский, о чем сам Н. Асеев не раз заявлял в своих стихах и воспоминаниях.

С момента переезда в Москву Асеев был практически неразлучен с Маяковским: вместе работали в ЛЕФЕ, затем в РЕФе, вместе проживали рабочие будни и праздники; боролись с теми, кто не разделял их увлечений и не признавал их идей [3, с. 20]. Их имена для современников всегда были рядом. Так, в «Воспоминаниях о Маяковском» читаем выписку из протокола организационного собрания РЕФа от 15 сентября 1929 года: «В составе оргкомитета тт. *Маяковский, Асеев* (здесь и далее выделение наше), Кирсанов, Брик О. М., Брик Л. Ю., Ломов (Катанян)... ПОСТАНОВИЛИ: 2. Переизбрать делегацию в органы Федерации в составе *тт. Маяковского, Асеева, Незнамова, Катаняна*. 4. К 20 сентября сдать сборник в Гиз (12 листов). Получить материалы *от В. Маяковского «Баня» – пьеса, Н. Асеева – куски новых вещей, С. Кирсанова – тоже...* [4, с. 276]. Их имена остаются в одном списке и для потомков. Сегодня читаем: «ЛЕФ возглавил *В. В. Маяковский*. Членами объединения стали: *Н. Асеев, Б. Арватов, О. Брик...* [5]. Или: «Ядро ЛЕФа – бывшие футуристы *В. В. Маяковский* (лидер объединения), *Н. Н. Асеев, О. М.*

Брик, С. М. Третьяков и др. <...> Первый номер «Лефа» вышел в марте 1923 года. Маяковский был ответственным редактором. Также в редколлегию вошли Н. Асеев, Б. Арватов, О. Брик, Б. Кушнер, С. Третьяков, Н. Чужак» [6].

Маяковский и Асеев совместно строили планы на будущее, мечтали о новом человеке, боролись за то, чтобы светлые идеалы, которые были для них дороги, дошли до каждого, поэтому писали стихи, обращенные к рабочим и морякам, к буденновцам и часовым, к спортсменам и врачам, пионерам и комсомольцам, к читателям и поэтам...

Для Николая Асеева Маяковский, «одержимый, безудержный, самоотверженный, верящий самозабвенно в свою миссию защиты Родины-революции от всех врагов и недоброжелателей» [7], был кумиром, чьей поэзией он был покорен. Асеева восхищало в Маяковском «своеобразие и сила выражения», образность и выпуклость языка [Там же]. Однако и Маяковский уважал талант своего друга («...*есть у нас Асеев Колька. Этот может. Хватка у него моя*» (В. Маяковский «Юбилейное»)), ценил в нем «интерес к словам», считал Асеева знатоком языка и мог взять у него слово или образ для своего стихотворения [7]. У Асеева сохранилось интересное воспоминание об этом:

«— Асейчиков! Продайте мне строчку! — Ну, вот еще, торговлю затеяли! — Ну, подарите, если забогатели; мне очень нужна! — Какая же строчка? — А вот у вас там в беспризорном стихе: «от этой грязи избавишься разве». — А куда вам ее? — Да я еще не знаю, но очень куда-то нужна! — Ладно, берите, пользуйтесь. Строчка, чуть варьированная, вошла в одно из стихотворений об Америке, гораздо позже написанных» [7].

Не раз Маяковский замечал талантливое слово, образ в поэзии Н. Асеева. Прослушав поэму «Семен Проскаков», Маяковский «с какой-то хорошей завистью сказал: «Ну, ладно, Колька! Я тоже скоро кончу свою вещь! Тогда посмотрим!» [7]. Похвала и одновременно товарищеское соревнование; дружба, общее понимание исторических процессов и похожее отношение к ним — все это позволяло двум поэтам работать вместе, создавая агитационные стихи и плакаты. Асеев вспоминал, что именно «агитационные вещи» они часто писали совместно, пытаясь найти лучшие заготовки к теме, придумывая строчки, строфы, рифмы. Постепенно Маяковский стал доверять другу целые вещи, подписывая их двумя именами: своим и Асеева [7]. «Сообща были написаны «Софрон на фронте», «Ткачи и пряжи!», «Сказка про Купцову нацию, мужика и кооперацию» и некоторые другие, которые потом

вошли в полное собрание сочинений В. В. Маяковского. Попутно придумывались смешные рифмы, каламбуры, просто великолепные нелепости стиха, которые и были настоящей подготовкой к большой работе» [7].

Все это говорит о дружбе и взаимопонимании, которые были между поэтами. Это видно и в их обращении друг к другу: Маяковский называл Асеева *Колька, Колядка, Асейчик* [7]. Асеев же обращался к нему *Володя, друг Володя, драгоценный наш друг Володя, друг, Владимир Владимирович*. Такие обращения говорят о важности для Н. Асеева понятий «друг», «дружба» и об уважительно-почтительном отношении к Маяковскому [8, с. 16].

Володя!

Послушай! Довольно шуток!

Опомнись, вставай, пойдём!

(«Последний разговор»)

[2, с. 281]

Драгоценный наш друг

Володя!

Вы снискали себе по праву

Уважение во всём народе,

Молодую всемирную славу.

(«Маяковскому»)

[2, с. 437]

Н. Н. Асеев создает разные образы В. Маяковского (особенно в поэме «Маяковский начинается»): он может быть близким, полным жизненных сил, у которого все впереди и которым будут гордиться потомки:

Чтоб Маяковского

облик весёлый

сквозь гущу веков

продирался всегда...

Им будет –

я знаю! –

земли новосёлы,

какая-то названа

вами звезда.

(«Эпилог»)

[9, с. 632]

Портрет Маяковского может быть отстраненным, будто написанным художником на холсте:

Он шел по бульвару,

худой и плечистый...

высокий...

Черты были крупны,

глаза были ярки,

и темень волос

припадала к лицу, а руки –

тяжёлые...

весь широкоглазый

и ширококоротый...

Нами намеренно выбраны только детали портрета: фигура, лицо, руки. Все дано широкими мазками, зримо, ярко и «плакатно». Однако в поэме у Н. Н. Асеева этот же портрет, «нарисованный» с помощью изобразительных средств, в контексте наиболее полно и точно раскрывающих метафорическое значение слов [10, с. 129], предстает уже как художественный образ. Для создания образа своего друга-поэта Н. Н. Асеев использует новые, удивительно интересные сравнения [11, с. 25]: *высокий, как знамя, взметенное в чистой июньской несношенной голубизне; похожий на рослого мастерового, зашедшего в праздник в богатый квартал ... которому мир до плеча не хватал; руки – тяжелые ладонями кверху, будто подарки несли на весу; какой-то гордящийся новой породой, отмеченный раньше не бывшей красотой, весь широкоглазый и ширококоротый, как горы, умытые нэсвеж росой.* Такое описание-образ создает совершенно новое восприятие Маяковского, показывает читателю мощь и притягательность его личности.

Кроме совместной творческой работы и личной симпатии, Маяковского и Асеева объединяла общность понимания роли поэта в обществе, связи с читателем и ответственности перед ним. Оба думали о том, что останется после них, чем запомнятся они современникам, будет ли интересна их поэзия новым поколениям, будут ли помнить их имена. Свои «тревоги и волнения Асеев отражал в лирических произведениях, именно поэтому его творчество чрезвычайно экспрессивно и эмоционально окрашено» [12, с. 13]. Интересно в этом отношении стихотворение Н. Асеева «Дыханье эпохи» из сборника «Работа над стихом» (1929), отражающее напряженное размышление о поэте и поэзии, их роли в обществе, о месте писателей прошлого и особенностях новой, современной, революционной литературы:

*А чем мы отметим
и что мы оставим
на нынешнем свете
на нашей заставе?*

<...>

*Но наши стихи
рокотали, как
трубы,*

*с ветрами стихий
перепутавши губы.
Но нашей строкой
до последнего вздоха
была беспокойна
живая эпоха.*

(«Дыханье эпохи»)

[2, с. 245]

В стихотворении «Десятый Октябрь» (1927) Н. Н. Асеев (как и В. В. Маяковский в поэме «Хорошо!») размышляет о годах, прошедших со дня Октябрьской революции, о своем отношении к ней и о своей роли как поэта в революционной перестройке страны. Асеев признается в искреннем принятии революции и полной ее поддержке. Он понимает важность единства с народом, в чем видит залог и своего личного успеха, и победы идей революции:

*И тогда-то понял я
навек —<...>
не один
на свете человек, —
миллионы
в лад
идут и дышат. <...>
Не беги вперед,
не отставай, —<...>
в ряд с другими,
в лад по мостовой
трудным,
длинным,
медленным движеньем.
<...>
Стройтесь, зданья!
Высьтесь, города!
Так иди <...>*

*и движенья силу
передай
выросшим на смену
поколеньям. <...>
крепкий шаг свой
выровняй с другими.
Стань прямее,
проще
и храбрей,
встань лицом
к твоей эпохи лицам,
чтобы тысячами
Октябрей
с тысячными
радостями
слиться!*

(«Десятый Октябрь»
[2, с. 257-258])

Знаменательно стихотворение «Последний разговор», написанное Н. Асеевым после кончины В. Маяковского, которое одновременно выполняет две функции: служит литературным завещанием и литературным памятником. Это литературный манифест, программное заявление погибшего поэта В. В. Маяковского, оставленное другу, соратнику, поэту Н. Н. Асееву. Вместе с тем, стихотворение — это литературный памятник, признание таланта и заверение в любви, дружбе, обещание следовать совместным идеалам живущего поэта Н. Асеева ушедшему в вечность другу и поэту В. Маяковскому:

*Слушай!
Я слышу, —
с моих стихотворных орбит*

*Если же ты,
Асеев Колька,
которого я*

*крепчает
плечо твоё хрупкое:
ты в каждую мелочь
нашей борьбы
вглядись,
не забыв про крупное.
Пусть будет тебе
дорога одна <...>
Спеши на неё
и крепче держись
вплотную с теми,
чьё право на жизнь.*

*любил и жалел,
отступишь хоть столько,
хоть полстолько<...>
если ослабнешь
хотя б немножко,
сдашь,
заюлишь,
отшатнёшься назад, –
погибнешь,
свернувшись,
как мелкая мошка,
в моих –
рабочих
всесветных глазах.*

(«Последний разговор»)

[2, с. 285-286]

В. Маяковский, словно говорящий с нами через Н. Асеева, верит, что тот продолжит начатое Маяковским, что дело, которому Маяковский посвятил жизнь, не пропадет, что все, что было им сделано, не напрасно, что потомки будут помнить его: *На помощь, юность! Дорогу ко мне моему потомку!* Маяковский как бы завещает Асееву прожить долгую жизнь, чтобы воплотить идеи революции, которую они приняли с восторгом и упоением, чтобы суметь написать хорошие, настоящие, верные идеи революции стихи:

*Седей за меня,
головенка русая,
на стихи бывлые
глазок не пяль
и помни:*

*поэзия – есть революция,
а не производство
искусственных пальм.*

(«Последний разговор»)

[2, с. 288]

Н. Н. Асеев продолжил дело, которому оба поэта свято верили (несмотря на то, что душа его тяготела к лирике): призывал к добру, единству, труду, борьбе, бичевал пороки, стремился стихами сделать людей и страну лучше. Продолжил, и во многом из-за этого остался в памяти потомков только поэтом-агитатором, другом «горлана-главаря». Однако поэтические образы, созданные Н. Асеевым, запоминаются, поскольку созданы талантливым автором, дар которого, масштаб

региональной лингвистической конференции (20-21 апреля 2000 г.). – Тамбов, 2000. – С. 129–131.

11. Беляева, Н. В. Сравнение как образное средство в поэзии Н. Н. Асеева [Текст] / Н. В. Беляева, Е. А. Панкова // INCIPIO = НАЧИНАЮ : сборник научных трудов молодых исследователей. – Курск, 2011. – Вып. 7. – С. 25–31.

12. Беляева, Н. В. И я ищу в качающихся звездах тебе узор *красивейшего имени...* (средства выражения коннотации в поэзии Н. Н. Асеева) [Текст] / Н. В. Беляева, Л. Г. Головина // Курское слово : сборник научных статей. – Курск, 2016. – Вып. 13. – С. 13–23.

Сидоренко В. М.

ПОЭМА Н. Н. АСЕЕВА «МАЯКОВСКИЙ НАЧИНАЕТСЯ»

Аннотация: Статья посвящена поэме Н. Асеева «Маяковский начинается». Асеев создал лирический и легендарный памятник своему великому другу Владимиру Маяковскому. В поэме (повесть в стихах в 17 главах с эпилогом) есть друзья и соратники Маяковского, революция, есть Советская страна, и главное – в поэме есть народ, и все это дает масштаб портрету поэта, является истоком грандиозности Маяковского. От главы к главе собираются в поэме точные зарисовки к коллективному портрету народных масс – подлинных творцов истории, идущих навстречу Великому Октябрю.

Ключевые слова: Поэма, произведение, Маяковский, портрет, конфликт.

В июле общественность нашей страны отмечает дни рождения двух поэтов – Н. Н. Асеева и В. В. Маяковского, творчество которых неразрывно связано. Много лет они работали рука об руку, плечом к плечу. «Трудно, наверное, в истории советской литературы найти такое тесное, кровнородственное единение судеб личных и творческих, какое явило собой блистательное содружество Маяковского и Асеева», – Н. Сергованцев «Поэт солнечный и молодой».

В 1930 году на смерть Маяковского Асеев пишет стихотворение «Последний разговор». Асеев слышит голос друга: «Если же ты, Асеев Колька, которого я любил и жалел, отступишь хоть столько, хоть полстолька, очутишься в межпереходном жулье», – предупреждает Маяковский, как живой. Да, поэт жив:

«Мне и за гробом придется драться, мне и из праха придется крыть...». И мы понимаем, что «Последний разговор» не закончен, он только начинается. «Неизменная товарищеская заботливость со стороны Владимира Владимировича продолжалась до конца его жизни – пишет Николай Асеев в автобиографии. Благодаря ему – было издано много

моих книг. Позже я написал о нем поэму, чтобы хоть отчасти восполнить свой долг перед ним. Без него мне стало труднее. И, несмотря на знаки внимания со стороны товарищей по литературе, я так и не оправился от этой потери. Это невосвратимо и неповторимо».

В 1937 году журналы «Октябрь» и «Звезда» публикуют поэму Н. Асеева «Маяковский начинается». В 1939 году поэма закончена и с тех пор неоднократно публиковалась отдельными изданиями и в составе избранных сочинений Н. Асеева.

Внимание исследователей, понятно, привлекла ключевая формула Асеева: «Появление Маяковского и его гибель – вот два основных пункта моей поэмы. Повесть в стихах в 17 главах с эпилогом». Сюжет разворачивается, на первый взгляд, в историко-биографическом плане («Маяковский издали», «Знакомство с Москвой», «Его университеты» и др.). Однако мы почти сразу замечаем, что сюжет поэмы полемический, что перед нами разыгранное опытным бойцом сражение, наступление. Наступает Асеев и наступает Маяковский. Так строится поэма.

*К чему начинать
Историю снова?
Не пачкай бумаги,
И время не трать!*

*Но где же оно –
Первородное слово,
Которое сладко
Сто раз повторять?*

Асеев в сущности и не пишет историю, не создает биографию, а пробивается к истоку своей темы, к «первородному слову», к тому зерну, которое обозначало название поэмы. Двенадцать глав, большая часть поэмы, рассказывает о начале Маяковского.

Глава «Хлебников» не о прошлом, она о будущем, в ней прорыв в грядущее. Следующая глава «Осиное гнездо», прямо приступающая к выяснению социальных причин гибели Маяковского. Далее следует глава «Разговор с неизвестным другом», в которой угадывается образ Пастернака.

Глава «Маяковский рядом» вводит в портрет главного героя поэмы биографические черты.

Глава «Косой дождь» снова обращает нас к теме гибели поэта, но уже больше с личной стороны. Теперь ясно, что, собственно, в каждой главе шла речь и о трагедии, и о героике Маяковского. В каждой главе – и гибель, и воскрешение поэта. «Но прошлого тропы движенью – узки: конец – означает начало». Вот почему «Площадь Маяковского» воскрешает поэта в образе его любимого и родного города, в потоке людских толп. А эпилог возносит «Маяковского облик веселый» к

звездам. Теперь Маяковский начинается в легендарном смысле. Нам и рассказана легенда о Маяковском. Асеев пишет не историю литературы в стихах, не биографию поэта, и даже не историческую повесть. Асеев пишет легенду, миф, сказание.

*Он шел по бульвару,
Худой
И плечистый,
Возникший откуда-то
сразу
Извне,
Высокий, как знамя,
Взметённое
В чистой
Июньской
Несношенной голубизне.
Похожий на рослого
Мастерового,
Зашедшего в праздник
В богатый квартал,
Едва захмелевшего,
Чуть озорного,
Которому мир
До плеча не хватал.*

*Черты были крупны,
Глаза были ярки,
И плечистый,
И темень волос
Припадала к лицу,
А руки – Тяжёлые –
Будто подарки
Ладонями кверху
Несли на весу.
Какой-то
Гордящейся новой
породой,
Отмеченный
Раньше не бывшей
красой,
Весь широкоглазый
И широкоротый,
Как горы,
Умытые насвеж росой.*

Так Маяковский впервые появился в рассказе Асеева, так мы впервые встречаемся с поэтом. Асеев сам говорит, что герой поэмы – «явно из сказки», иначе не объяснишь, откуда пришел Маяковский, ибо он – «возникший откуда-то сразу, извне». Таков асеевский портрет Маяковского. Потом в этой поэме показана дореволюционная жизнь времен Маяковского и Асеева.

*Москва грохотала
тоскою булыжной,
на дутых
катили тузы по Тверской —
торговой смекалкой,
да прищурью книжной,
да рыжей премудростью
шулерской.*

В поэме Асеева есть друзья и соратники Маяковского, и главное – в поэме есть революция, есть Советская страна, есть народ, и все это дает масштаб портрету поэта, является истоком грандиозности Маяковского. Во время первого обсуждения поэмы Александр Фадеев подчеркнул, что «значение и высокое достоинство поэмы Асеева – бесспорно». Такая справедливая оценка поэмы закрепилась и в критике, и среди читателей.

Поэт революции, словно богатырь, выходит на поединок со старым миром. Таково определяющее содержание центрального конфликта поэмы «Маяковский начинается». Асеев последовательно и убедительно прослаивает рассказ строками, образами, интонацией, видением самого Маяковского. Вся поэма пропитана огромной любовью к Маяковскому. Отдельные черты своеобразной историко-литературной «ослепленности» автора поэмы, оказываются особенностями поэтического зрения Асеева, того, что несет в себе важную и для нас правду. Быть может, иначе поэт не смог бы создать притягательный, лирико-монументальный образ Маяковского.

Поэтическая биография «Маяковский начинается» художественно убедительно воссоздает целостный путь развития Маяковского – развития очень сложного, живого. Легендарную фигуру Поэта он лепил из особого и единого материала, который подобен текучему пламени и может быть назван только одним именем: Маяковский.

В главах поэмы немало биографических подробностей, известных Асееву не по книгам. Образ Маяковского в поэме Асеева растет и развертывается в соответствии с живыми явлениями такого масштаба, как Москва, Петербург, Россия. Набирает силу и размах образ трудового народа: от главы к главе собираются в поэме точные зарисовки к коллективному портрету народных масс – подлинных творцов истории, идущих навстречу Великому Октябрю. Образ Поэта и образ Народа в поэме развиваются соотносительно, и Маяковский мужает, вбирая в себя народные силы, как богатырь, соединенный с матерью-землей. Маяковский на наших глазах растет, набирает силы, увеличивает свои требования к миру, вступает в конфликт с новыми и новыми явлениями жизни. Одновременно расширяется фон, усложняется обстановка... Все ведет к взрыву, и Маяковский с каждой главой приближается к его эпицентру. Таково движение поэмы, ее главного конфликта.

В каждой главе, по сути, Асеев рассказывает о Маяковском, как о советском поэте. Советская страна – большой и единственный его дом. Маяковский и сам очень похож на свое новорожденное Отечество.

В главе «Маяковский рядом» Асеев вспоминает рассказ об одном необычайном эпизоде, происшедшем в Крыму, на берегу моря. Маяковский идет со своим спутником под ночным небом у самой воды...

<i>Вдруг до них</i>	<i>И молчим мы</i>
<i>Из дальней дали,</i>	<i>Или спорим, –</i>
<i>Лунной ленью залитой:</i>	<i>Замирая вдалеке,</i>
<i>«Мы на лодочке катались,</i>	<i>Все плывёт она над морем,</i>
<i>Золоти-и-стый золотой!»</i>	<i>Не записана никем.</i>
<i>Где-то лодка в море чалит,</i>	<i>Маяковский</i>
<i>С лодки – голос молодой,</i>	<i>Шел под звёздным светом,</i>
<i>И тревожит и печалит</i>	<i>Море отражало небеса.</i>
<i>Эта песня над водой.</i>	<i>«Я б считал себя</i>
<i>И сама влетает в уши:</i>	<i>Законченным поэтом,</i>
<i>«Золотистый золотой!» –</i>	<i>Если б смог</i>
<i>И окутывает душу</i>	<i>Такую</i>
<i>В свежий вечер теплотой.</i>	<i>Написать.</i>

Маяковский, звезды, море; песня, не принадлежащая никому, как звезды и море – в таком соизмерении выступает образ Поэта.

«Маяковский начинается» – еще и трагедия, причем, героическая. Герой поэмы-трагедии гибнет, победив. Победил новый мир, которому отдал свою любовь Маяковский. Победил, но сражение продолжается, и в разгар битвы пал боец – запевала, глашатай. Судьба поэта трагична, потому что сердце его преисполнено любовью, а борьба со старым миром беспощадна. Маяковский ненавидел старый мир, но не для ненависти создан поэт. Великий дар любви, которым наделен он, предопределяет трагедию. Это любовь, которая не приносит счастья. Любовь затаенная, о которой не все догадываются, любовь «агитатора, горлана, главаря»... Таков образ трагической, неразделенной любви Маяковского в поэме Асеева.

Глава «Косой дождь» названа по строкам Маяковского из чернового варианта стихотворения «Домой».

«Я хочу быть понят / моей страной, / А не буду понят – / Что ж? / По родной стране / Пройду стороной, / Как проходит / Косой дождь».

Вся поэма Асеева просвечена вспышками слов, строк и образов Маяковского. Собственно, даже одной этой цитаты достаточно, чтобы поверить Асееву. Из такого высказывания Маяковского возникает образ, очень близкий поэме Асеева.

Общая атмосфера драматизма, судьбы Маяковского в поэме Асеева продолжает волновать нас. Это особенно относится к теме любви и счастья поэта. Маяковский, казалось бы, окружен любовью, признанием, интересом:

*Мы все
Любили его за то,
Что он не похож на всех.
За неустанный его задор,
За неуёмный смех
Тот смех
Такое свойство имел,
Что прошлого рвал
пласты;
И жизнь веселела,*

*Когда он гремел,
А скука ползла в кусты,
Такой у него
Был огромный путь,
Такой ширины шаги, –
Что слышать его,
На него взглянуть
Сбегались друзья и враги.*

Так интересуются необычайным великаном... Асеев вновь всматривается в Маяковского и его друзей, всматривается в себя – рядом с Маяковским... И приходится сказать:

*Мы все любили его
Слегка,
Интересовались громадой,
Толкали локтями его
В бока,
Пятнали
Губной помадой.
«Грустит?» –
Любопытствовали.
«Пустяки!»
«Обычная поза поэта...»
«Наверное, новые пишет
стихи
Про то или про это!».*

*И снова шли
По своим делам,
Своим озабочены бытом,
К своим постелям,
К своим столам, –
Оставив его
Позабытым.
По рифмам дрожь –
Мы опять за то ж:
«Чегой-то киснет
Володечка!»
И вновь одна,
Никому не видна,
Плыла любовная лодочка.*

С огромной бережностью, с подлинным человеческим тактом говорит Асеев о лирической героине многих стихов Маяковского. Нелегкий упрек высказан сдержанно и с достоинством:

*А та,
Которой он всё посвятил,*

*Всё видела в нём
Недотёпу – юнца*

*Стихов и страстей
Лавину,
Свой смех и гнев,
Гордость и пыл, –
Любила его
Вполовину.*

*В рифмованной
Оболочке:
Любила крепко,
Да не до конца,
Не до последней
Точки.*

Для Маяковского любовь соединила в себе все: размах и накал любви Маяковского недоступны привычным меркам. В этом, убежден Асеев, исток и исход трагедии Поэта.

*Мы все любили его
Чуть-чуть,
Не зная,
В чем суть
Грозвая...
А он любил,
Как в рога трубил,
В других аппетит вызывая.
Любовью –
Горы им снесены;
Любить –
Так чтоб кровь из носу,*

*Чтоб меры ей не было,
Ни цены,
Ни гибели,
Ни износу.
А он любил,
Как дрова рубил,
За спину
кубы отваливая;
До краски в лице,
До пули в конце
Вниманье, к стиху
вымаливая.*

Прост и естествен переход к сегодняшней жизни Маяковского. Все, что было любовью, горением, судьбой, растворилось в мире, стало нашей жизнью, нашей страной.

В главе «Площадь Маяковского» советская Москва воплощает живой, неумирающий облик поэта. «Он здесь. Он с нами остался навечно. Ему в людской густоте – по себе. Он – вон он – шагает, большой и беспечный, к своей неустроенной славной судьбе!». И это – звездная судьба...

*Чтобы Маяковского
Облик веселый
Сквозь гуцу веков
Продирался всегда...
Им будет –*

*Я знаю! –
Земли новосёлы,
Какая-то названа
Вами
Звезда.*

Так, еще до появления на площади Маяковского высокой бронзовой фигуры, которую знают теперь все, Асеев создал лирический и

легендарный памятник своему великому другу. Памятник дерзости, памятник нежности, памятник подвигу Поэта.

Романов С. С.

НИКОЛАЙ АСЕЕВ О ЕВГЕНИИ БАРАТЫНСКОМ

Аннотация: Статья посвящена любви Николая Николаевича Асеева к поэзии Евгения Абрамовича Баратынского и предпринятой им в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века попытке продемонстрировать, насколько творчество Евгения Абрамовича необходимо современному читателю.

Ключевые слова: Евгений Абрамович Баратынский, Асеев, творчество, поэзия, стихотворения.

Общеизвестно, каким внимательным и увлеченным читателем был Николай Асеев, как умел ценить чужое творчество. «Асеев до самозабвения любил литературу, поэзию, – вспоминала его супруга К. М. Асеева, – почти все время он был занят если не писанием стихов или статей, то чтением» [1, с. 32]. Андрей Вознесенский так охарактеризовал Асеева: «Я не встречал человека, который так беззаветно любил бы чужие стихи» [2, с. 581]. В своих воспоминаниях о Борисе Пастернаке он Николаю Николаевичу уделил значительное место: посетовал, что к моменту его знакомства с ними эти поэты, когда-то очень близкие, давно разминулись, и поблагодарил Асеева за стихотворение «Ваша гитара – гитана, Андрюша», статью «Как быть с Вознесенским?», опубликованную в 1962 году, ставшую тогда для Андрея Андреевича спасением, и даже за то, что Асеев придумал ему кличку «Важнощенский».

Любовь к поэзии Евгения Абрамовича Баратынского Асеев пронес через всю свою жизнь. Сергей Бобров – поэт и переводчик, один из создателей книгоиздательств «Лирика» и «Центрифуга», в которых вышли первые книги стихов Асеева, – вспоминал, что еще в году то ли 1908-м, то ли 1909-м, когда они с Асеевым только познакомились, одним из сближающих факторов стала их общая привязанность к «суровой, дрожащей страшной трагедией» лирике Баратынского. Сам же Асеев в книге 1961 года «Зачем и кому нужна поэзия» позволил себе одно далеко не очевидное сравнение: «Появляется Хлебников – Баратынский двадцатого века» [3, с. 16]. Как это понимать? Ведь как ни старайся, увидеть общность поэтики или мотивной системы произведений

Хлебникова и Баратынского вряд ли удастся. «Он любил неожиданные сопоставления, – писал об Асееве поэт Лев Озеров, – Фадеев и Пастернак, Маяковский и Шолохов. Не всегда убедительный и порой кажущийся тенденциозным этот опыт параллельной характеристики, взрывчатого сопоставления наводит читателя на плодотворные размышления» [4, с. 19]. Но неожиданность этих сопоставлений меркнет перед сравнением Хлебникова с Баратынским.

Чем же обусловлено это более чем странное сближение? Может, поэту просто приятно было упомянуть рядом имена горячо любимого им современника и не менее горячо любимого представителя поэзии XIX века? И что же общего он находит в их поэтике? Ответ прост: Асеев не только ничего общего не находит, – он и не пытается его находить. Появление фразы «Хлебников – Баратынский XX века» обусловлено совсем иными причинами, которые, пожалуй, можно назвать «околопоэтическими»: по мнению Асеева, оба поэта недопоняты и недооценены.

В своих статьях Асеев характеризует Баратынского как «мало читаемого ныне, великолепного современника Пушкина» [3, с. 12], «поэта, мало популярного среди современных читателей» [5, с. 132]. Такая ситуация не удовлетворяет Асеева, и в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века, то есть в последние годы жизни, он возлагает на себя просветительскую миссию – предпринимает попытку продемонстрировать, насколько творчество Евгения Абрамовича необходимо современному читателю. Он цитирует Баратынского в статьях «Не такое нынче время», «Опыт и вдохновение», «Родословная речи», целиком посвящает ему статью «Об одном стихотворении». В последней Асеев пишет, что стих Баратынского, полный мыслей, мог бы и для современников послужить мерилom понимания поэзии: «Нынче, наблюдая за всеобщим стремлением повысить культуру, я хотел бы напомнить об этом поэте, не однажды помогавшем мне в моем образовании. Его острые, точные определения качества стиха, его едкая полемика с самонадеянными глупцами, пытавшимися выдать свои вирши за поэзию, и сейчас еще сохраняют злободневную остроту и целеустремленность» [5, с. 132].

Любопытно, что, пропагандируя творчество Баратынского, Асеев – большой любитель и знаток его поэзии – ограничивается всего-навсего тремя стихотворениями, причем такими, которые к вершинным образцам поэзии Баратынского не принадлежат. Это стихотворения «Сначала мысль воплощена / В поэму сжатую поэта» (1837), «Не бойся едких

осуждений / Но упоительных похвал» (1827) и «Глупцы не чужды вдохновенья» (1828). Асееву для разговора о Баратынском не понадобились ни «Болящий дух врачует песнопенье», ни «Бокал», ни «Осень», ни «Обеды», ни «Дядьке-итальянцу», ни прочие шедевры, созданные Евгением Абрамовичем. Разумеется, Асеев был волен отбирать необходимые ему стихотворения Баратынского, но хотелось бы понять, чем его выбор был обусловлен.

Обратим внимание на формулировки, которыми Асеев предваряет цитирование: «Об этом особенно хорошо сказано у Баратынского», «А Баратынский с его заветом поколеньям», «Баратынский об этом замечательно сказал», «Об этом замечательно написал Баратынский»... Асеев акцентирует внимание на смысловой стороне стихотворения, ему представляется, что о Баратынском с современниками надо говорить в первую очередь по принципу «о чем». В результате он выбирает те стихотворения, в которых мысль поэта и выражена предельно точно и емко, и самому Асееву близка. А когда он разбирает стихотворение «Сначала мысль воплощена / В поэму сжатую поэта», то вообще позволяет себе некоторую интерпретаторскую вольность. Баратынский его посвятил дискуссии о поэзии и прозе, обострившейся в 30-е годы XIX века. Он отстаивает здесь преимущества поэзии, художественную прозу ставит на второе место, а последнее отдает журнальной полемике. «Не знаю, – замечает Асеев, особо не заботясь о терминологической точности, – где бы еще так исчерпывающе было объяснено различие поэзии от иных жанров литературы» [5, с. 133]. А дальше он обнаруживает в стихотворении Баратынского то, что ему самому там очень хочется увидеть. «И не в том дело, – пишет Асеев, – что проза отнесена во второй ряд – хорошая проза может быть и бывает всегда поэтична. И не в том дело, что полемика журнальная объявлена последним видом литературы (так ведь у Баратынского дело как раз в том самом – С. Р.). А дело именно в том, что, разделяя эти жанры, Баратынский оставлял право каждого из них становиться высшим видом литературы – поэзией» [5, с. 133-134].

Интересно, что из трех стихотворений Баратынского, избранных Асеевым для рассмотрения, Белинский положительно отзывался только о двух. Стихотворения «Глупцы не чужды вдохновенья» и «Не бойся едких осуждений» он причислил к «особенно достойным памяти и внимания», а о стихотворении «Сначала мысль воплощена / В поэму сжатую поэта», которому Асеев посвятил отдельную статью, критик написал: «Лучше совсем не писать поэту, чем писать такие, например, стихотворения» [6, с. 648]. Впрочем, Белинский для Асеева не был непререкаемым

авторитетом. В письме Ю. Г. Оксману от 12 марта 1954 года поэт прямо признается, что идолопоклонничество перед Белинским ему чуждо: «Я же думаю, что, при всем таланте Белинского, это был человек безмерно самолюбивый, не щадивший ничего на свете ради какой-то отвлеченной «правды», с которой он хотел познакомить и Пушкина, упрекая его во многом, вплоть до увлечения народными сказками, которые он называет «скудными»! Вообще это напоминает строки Маяковского о «бородатом комсомольце, который то истово молится, то неистово плюет...» на предмет своего внимания» [7, с. 434].

В этом же письме Асеев вообще демонстрирует свою способность рвать с устоявшимися представлениями. Он рассказывает Оксману, что слушал на Пушкинских чтениях в Союзе писателей доклад профессора Д. Д. Благого о пушкинском «Анчаре», где тот истолковывал его как символ самодержавия, скрытно приравниваемого Пушкиным к ядовитому растению. «Я хотел посоветовать профессору уж прямо провести параллель между Бенкендорфом и «деревом смерти» и между посланным владыкой рабом и самим Пушкиным, – иронизирует Асеев. – Но остерегся, что ученый человек не поймет иронии и в самом деле начнет всерьез обсуждать мою "версию"» [7, с. 434]. Асеева привлекали литературоведы иного склада. В одном из своих многочисленных писем Д. С. Лихачеву поэт признавался: «Я очень, очень рад, что нашел в Вашем лице ученого высшей квалификации, без зазнайства и сухости, настоящего друга-ученого в отношении читателя» [8, с. 247-248].

Асеев не только Хлебникова сравнивал с Баратынским. Он говорил, что был бы счастлив, если бы его роль в литературе была сопоставима с ролью Баратынского, что большего ему и не надо. Это не говорит ни о недооценке им поэзии Баратынского, ни о переоценке своих творческих возможностей. Асеев имеет в виду, что хотел бы, чтобы и у него был круг читателей, сопоставимый по масштабу с кругом читателей Баратынского, – а он не так уж велик. В стихотворении «Посещение» (1960) Асеев прямо пишет об этом своем желании:

*Они расселись в креслах, словно дети,
Игравшие во взрослую игру;
Им было самым важным – стать на свете
Собратьями великих по перу.*

*Дыханье, дух, душа – одно ли это?
И что же их роднит в конце концов?
Передо мной сидели три поэта,*

Желающих продолжить путь отцов.

Вот – Грибоедов, Тютчев, вот – Державин.

А мне? Нельзя ли Баратынским стать?..

Был этот час торжественен и славен,

Оправленный в достоинство и стать... [9, с. 393]

Асеев отказывался забирать из Союза писателей адрес-приветствие по случаю своего семидесятилетия, и тогда три поэта – это Лев Озеров, в чьем изложении и известна эта история, Леонид Мартынов и Борис Слуцкий, со дня рождения которого в этом году исполнилось ровно сто лет – взяли этот адрес и получили по телефону от Николая Николаевича разрешение прийти к нему. Торжественные речи Асеев слушать не хотел, про поздравление сказал жене, что это удобная папка для того, чтобы хранить в ней жировки и счета. И тогда кто-то из присутствующих вспомнил строку Баратынского «Болящий дух врачует песнопенье», начались шутки на тему «Так кто кого врачует? Дух – песнопенье или песнопенье – дух?». А через день-другой появилось это стихотворение.

Тогда же – в конце 50-х – начале 60-х годов прошлого века особый интерес к творчеству Баратынского обнаружили те молодые ленинградские поэты, о существовании которых Николай Асеев ничего не знал. Он был влюблен в стихи одного молодого ленинградца – Виктора Сосноры, и прочими просто не интересовался. А между тем именно тогда, находясь в Якутске, открывает для себя Баратынского Иосиф Бродский. После этого он постоянно будет всем указывать на Евгения Абрамовича как на безусловного классика, которому нет равных в жанре философского стихотворения, себя причислит к школе Баратынского, а в Нобелевской лекции не просто его упомянет, а назовет «великим»: «Великий Баратынский, говоря о своей Музе, охарактеризовал ее как обладающую "лица необщим выраженьем"» [10, с. 452]. Другой молодой тогда ленинградец, Александр Кушнер, размышляя впоследствии о том, чем книга стихов отличается от стихотворного сборника или собрания стихотворений, придет к выводу, что первой в России книгой стихов являются вышедшие в 1842 году «Сумерки» Баратынского: «Преднамеренный, специальный подбор, продуманный порядок стихов вне зависимости от хронологии (в рамках данного периода), как можно убедиться на примере «Сумерек», очень важен. Например, «Осень», написанную в 1836-1837 годах, Баратынский помещает после стихов 1840, 1841, 1842 годов, так как «Осень» – итоговое, главное для него стихотворение» [11, с. 37]. Кстати, Асеев от вопроса, в какой мере

следует рассматривать его творчество от книги к книге, просто отмахнулся: «Книги ведь создаются не автором, а издательством со всеми морщинами времени и гримасами его» [12, с. 214].

По сути дела, Кушнер и Бродский выведут на новый, более серьезный уровень работу по привлечению читательского интереса к творчеству Евгения Абрамовича Баратынского. Но важно, что начал ее именно Николай Николаевич Асеев.

Библиографический список:

1. Асеева, К. М. Из воспоминаний [Текст] / К. М. Асеева // Воспоминания о Николае Асееве. – Москва : Советский писатель, 1980. – С. 12–34.
2. Вознесенский, А. А. Мне 14 лет [Текст] / А. А. Вознесенский // Воспоминания о Борисе Пастернаке. – Москва : Слово, 1993. – С. 574–607.
3. Асеев, Н. Н. «Не такое нынче время» [Текст] // Зачем и кому нужна поэзия / Н. Н. Асеев. – Москва : Советский писатель, 1961. – С. 7–18.
4. Озеров, Л. А. Проза поэта [Текст] / Л. А. Озеров // Родословная поэзии / Н. Н. Асеев. – Москва : Советский писатель, 1990. – С. 3–22.
5. Асеев, Н. Н. Об одном стихотворении [Текст] // Родословная поэзии / Н. Н. Асеев – Москва : Советский писатель, 1990. – С. 132–134.
6. Баратынский, Е. А. Стихотворения. Поэмы [Текст] / Е. А. Баратынский. – Москва : Наука, 1982. – 720 с.
7. Асеев, Н. Н. Письмо Н. Н. Асеева Ю. Г. Оксману [Текст] // Родословная поэзии / Н. Н. Асеев. – Москва : Советский писатель, 1990. – С. 433–435.
8. Лихачев, Д. С. Воспоминания о Николае Асееве [Текст] / Д. С. Лихачев // Воспоминания о Николае Асееве. – Москва : Советский писатель, 1980. – С. 240–302.
9. Асеев, Николай Николаевич. Стихотворения и поэмы [Текст] / Н. Н. Асеев ; вступ. ст. и сост. А. Урбан. – Ленинград : Советский писатель, 1967. – 734 с.
10. Бродский, И. А. Нобелевская лекция [Текст] // Форма времени : стихотворения, эссе, пьесы : в 2 т. / И. А. Бродский. – Минск, 1992. – Т. 2. – С. 450–462.
11. Кушнер, А. С. Книга стихов [Текст] / Кушнер А. С. Аполлон в снегу / Кушнер А. С. – Ленинград : Советский писатель, 1991. – С. 35–51.
12. Молдавский, Д. М. Поэзия и фольклор [Текст] / Д. М. Молдавский // Воспоминания о Николае Асееве. – Москва : Советский писатель, 1980. – С. 203–225.

Белошапкина Е. А.

«ТЫ – ВСЕМУ БЫЛА ЗАКАЗЧИЦА, ЧТО В СТРОКЕ ОТОЗВАЛОСЬ»

Аннотация: Статья рассказывает о чувствах поэта Николая Николаевича Асеева к своей супруге Оксане Михайловне Синяковой, ставшей для него единственной женой, любимой, соратницей и музой.

Ключевые слова: Ксения Синякова, Оксана, жена, муза, Николай Асеев.

Эти строки наш знаменитый земляк, поэт, Николай Николаевич Асеев посвятил своей единственной жене, любимой, соратнице, подруге, музе Оксане (Ксении) Михайловне Синяковой. Вместе они прожили довольно долгую, трудную, но и довольно счастливую жизнь, включившую все основные эпохальные события, начиная с революции 1905 года до полета человека в космос. Даже самого скептически настроенного человека не оставят равнодушным лирические стихи Николая Асеева к жене и некоторые выдержки из их переписки.

Но вернемся к ранней юности поэта – студента Курского реального училища Кутузова-Голенищева по улице Серафима Саровского, где он учился до 1909 года. Николай уже писал стихи, участвовал в начинающихся революционных событиях. В юности у всех бывает первая любовь, которая кажется самой главной в жизни. Пережил это чувство и наш Асеев. Его первой любовью была гимназистка Варвара Андреева. Она и стала причиной дуэли между Николаем Асеевым и Александром Садовским, кстати, студентом того же реального училища. В этом «треугольнике» Асеев был самым молодым, моложе Варвары на 5 лет.

Но, видимо, юношеский максимализм, стремление к справедливости и сильнейшее чувство ранней влюбленности не позволили ему избежать этого трагического случая. Результат – ранение в легкое, лечение, отъезд в Харьков. Об этом мы узнали из писем Варвары Андреевой-Садовской, которая будучи уже в пожилом возрасте, писала Николаю Асееву. Все эти интересные факты из жизни поэта мы узнали от заведующей музеем Асеева – Валентины Михайловны Сидоренко. Сотрудники музея в городе Льгове ведут многолетнюю исследовательскую работу о жизни и творчестве Асеева, по крупицам собирая и добавляя новые факты в архив музея.

Затем была его вторая и последняя в жизни любовь – Ксения (Оксана) Синякова. С тех пор многие стихи Асеева, начиная с первого сборника «Зор» (1914), были посвящены Оксане Синяковой – его жене.

Кто же такая Ксения или Оксана Синякова? Как она познакомилась с Николаем Асеевым? В семье Синяковых было 8 детей: 5 сестер и 3 брата. Отец Михаил Иванович Синяков в 1870-х годах переехал из Ахтырки в Харьков, был «перечислен» из Ахтырских мещан в «харьковского купца», который занимался продажей ювелирных изделий из золота, серебра, бриллиантов, имел в Пассаже свой собственный магазин, сдавал в наем доходные дома, имея имущество общей

стоимостью 100 000 рублей серебром. В 1885 году был повенчан с Александрой Павловной из рода Демьяновских. В 1896 году семья проживала в первой части Харькова, в Михайловском приходе по Никитскому переулку, 22. Здесь же имелись земельные участки, у него было 5 домов на дворовых местах 22 и 24.

Ксения рано потеряла мать, да и отец умер в конце 1910 года после операции от заворота кишок. Дети остались на попечении душеприказчика, оказавшегося человеком нечистым на руку. Старшая из сестер – Зинаида жила уже в Москве. При жизни отца все дочери получили музыкальное и художественное образование: впоследствии, Зинаида стала оперной певицей в Москве, Надежда пианисткой, Мария занималась живописью, Ксения (Оксана) закончила Харьковское музыкальное училище. Девочки с детства воспитывались в любви и свободе, все это стало толчком к любви к искусству: сделало их музами футуристов и авангардистов. Дом Синяковых по Никитскому переулку сохранился почти полностью, сохранились также сады, расположенные возле Червонозаводского района, где до сих пор любят гулять харьковчане. А раньше в этих садах прогуливались представители русского и украинского авангарда: Хлебников, Асеев, Пастернак, Маяковский [1].

Вот что пишет Лиля Брик в своих воспоминаниях: «Синяковых – пять сестер». Каждая из них по-своему красива. Жили они раньше в Харькове. Мать – была человек передовой и безбожница. Дочери бродили по лесу в хитонах, с распущенными волосами и своей независимостью и эксцентричностью смущали всю округу. В их доме родился футуризм. Во всех них поочередно был влюблен Хлебников, в Надю – Пастернак, в Марию – Бурлюк, на Оксане женился Асеев» [2].

«... И вот ОНА девушка-умница, девушка-чудочко. Самой яркой звездой земного погона. Блеснула, как удочка. За солнцем. В погоню, в погоню!» – так писал Велимир Хлебников в поэме «Синие оковы» в 1922 году [3].

В местечке Красная поляна, где находилось их летнее имение, было еще больше свободы. Дата смерти матери остается спорной, но по исповедной записи следует, что Михаил Синяков в 1909-1910 уже числился вдовцом.

С Николаем Асеевым, приехавшим поступать в Харьковский университет, сестры познакомились в 1911 году. Асеев был также очарован ими, особенно Ксенией. Через всю жизнь Асеев пронесет любовь и восхищение своей женой и дружеские чувства к сестрам. «Их

пятеро было, бесстрашных головок, посмевших свой взгляд и суждение иметь. Отвергнувших путь ханжества и уловок, сумевших среди волков по-волчьи не петь. ... Сюда сходились все пути поэтов века нашего, Меж них, блистательных пяти свой луг рифмач выкашивал. Как пахнут этих трав цветы! Здесь Хлебников жил, здесь бывал Пастернак... Здесь свежесть в дому служила. И Маяковского пятерня с их легкой рукой дружила».

А вот стихотворение 1956 года «Пять сестер», которое подтверждает их многолетнюю дружбу:

*О музах сохраняются предания,
но музыка, и живопись, и стих –
все эти наши радости недавние –
происходили явно не от них.
Мне пять сестёр знакомы были издавна:
ни с чьим ни взгляд, ни вкус не схожи в них;
их жизнь передо мною перелистана,
как гордости и верности дневник. <...>
Я каждый день, проснувшись, долго думаю
при утреннем рассыпчатом огне,
как должен я любить тебя, звезду мою,
упавшую в объятия ко мне! [4, с. 439-440]*

Затем Николай Асеев попал на фронт, был комиссован по болезни легких (все-таки ранение давало о себе знать), должен был ехать через всю огромную страну во Владивосток. Сначала он, заехав в Харьков к Синяковым, сделал Оксане предложение. Оксана вспоминает: «Я давно его любя, тут же согласилась. Все прошло очень просто и быстро. Коля нанял телегу, и мы поехали. В деревне Кирсаново (по дороге к вокзалу) была старенькая деревянная церковка. Коля вызвал священника. И уговоренный нами священник все же нас обвенчал. Так я стала женой Николая Асеева».

И началась их довольно долгая, полная любви, тревог, перемен, необычная жизнь. Ксения была моложе Асеева на 14 лет. Как решилась она оторваться от обеспеченной жизни, наполненной музыкой, пением, живописью, от сестер и поехать в неизвестность, да еще в такое беспокойное время: революция, гражданская война. Никакой выгоды в их отношениях не было, да и не могло быть: Асеев был начинающим поэтом, их связывала только любовь. С тех пор все его творчество, как и ранние сборники, было посвящено Ксении Михайловне Синяковой. Вся

любовь Асеева и Синяковой прослеживается в их письмах и стихах. А им приходилось часто разлучаться: командировки и выступления Асеева, длительные санаторные лечения, иногда по полгода. Позволим себе чуть-чуть коснуться этой переписки, вернее некоторых фраз из писем. В этих письмах есть стихи: серьезные, полушуточные, проникнутые любовью, заботой и теплотой:

*Не за силу, не за качество
золотых твоих волос
сердце враз однажды начисто
от других оторвалось.*

*Я тебя запомнил докрепка,
ту, что много лет назад
без упрёка и без окрика
загляделась мне в глаза.*

*Я люблю тебя, ту самую, –
все нежней и все тесней, –
что, назвавшись мне Оксаною,
шла ветрами по весне. <...>*

*Нет, не сила и не качество
молодых твоих волос,
ты – всему была заказчица,
что в строке отозвалось. [4, с. 213]*

Во время разлуки (лечения в санаториях, командировок) Николай пишет письма своей жене каждый день. Вот строчки из Одессы (1934), где Асеев выступал с другими поэтами: «... Милован, Кузович златый! Если бы ты знала, как мне без тебя не вкусно жить! Я брожу по городу, читаю стихи, пишу, но все мне это кажется не в за правду. Я без тебя так соскучился, что все здесь мне кажется отвратительным – и море, и горы, и люди...».

В письмах Николай мечтает, что они будут ездить и путешествовать вместе: «Как мы с тобой поедem! Вот будет здорово. Я буду сидеть и смотреть на тебя, как на райское видение в прорыве голубых небес. Я буду целовать твои платья, твои чулки (не из смолы – выброси!), я буду чмокать воздух вокруг тебя, Люба моя родная, Куза моя нежная! Смотри, что я тебе написал: «Только солнце глянуло искоса из-за вспыхнувшего холма, снег опять засверкал и заискрился, словно мелко

*гранёный алмаз! Я сверкаю тебе сквозь кусты, не огнилки одной не тая.
Солнце – ты! Снег – это я! Целую, миловаю. Твой муж, Килька».*

В каждом письме Асеев пишет и придумывает новые ласковые имена для Ксении, которые понятны только им двоим: Малюба, Милюба, Дорогиня, Берегиня, Духа, Добролюбая, Светлоплечая, Ненагляд, Миловида, Нежноглаз, Родногуня. Кажется, в этих названиях он возвращается к своему раннему творчеству, которое сродни сказам и былинам. (Санаторий им. Герцена 15 января 1950 года): *«Дорогая моя Дорогиня, вот что я тебе написал, по моему, совсем первосортное. Прочти это медленно и со вкусом и перечитай еще раз. Я очень по тебе скучаю и стихи вышли поэтому. Пиши, пожалуйста, мне, как ты живешь, что ты ешь и если меня не забыла, то должна исполнять обещанное, т.е. есть всё полезное. Слушай стих:*

*Дорогая моя дорогиня
я лечу к тебе, руки сложа,
ты и так, без владений княгиня,
безо всяких рабов госпожа! <...>*

*Все вы в девушках хороши...
Так откуда ж и взяться жёнам,
огрубившим движенья души,
неуживчивым, раздражённым?*

*Ты ж всегда, как сейчас, молода
как другие ни рядят, ни судят:
никакие зимы холода
огонька твоего не остудят! <...>*

*Ты забыла зарю на снегу
на опушке лесного массива?
Я тебе описать не могу,
как и ты, она также красива. <...>*

*Так и ты озаряешь мне дни,
ставишь выше предельного роста.
Нет на свете роднее родни,
нет светлей твоего благородства!*

Николай Асеев

Нравится тебе? Целую ваше заревое сиятельство Во все целые лучики» [5, с. 95].

В каждом письме, даже когда он себя неважно чувствует, Асеев пишет ей и серьезные и шуточные стихи, спрашивает, как Оксана проводит время, ему хочется знать, что она делает ежеминутно: *«Мало ты пишешь о себе, все больше о делах, хотя это очень и очень важно, и ты – молодец. Но мне хочется тебя видеть, слышать, чувствовать, обнимать, знать: когда купалась, когда грустила, когда смеялась, когда сердилась? Отчего и почему? Твой муж, Николай Асеев».*

Асеев счастлив с Оксаной, ему 70 лет, вместе они прожили почти что полвека. В своем стихотворении «Семидесятое лето» он пишет: *«Я проснулся сегодня радостный, / огляделся счастливым взглядом: / радость бьет в душе моей – нету сладу с ней / – ведь она со мной здесь, рядом! / Добролюбая, светлоплечая, / затененная дымкою сна – / и сказать о ней больше нечего: / нестареющая весна!»* [4, с. 407].

Вот еще одно письмо: *«Кузик мой родимый! Я по тебе каждый день скучаю и люблю тебя каждый часочек. Родинка моя золотая! Пожалуйста, не отвыкай от меня и пиши». Незадолго до смерти Асеев пишет стихи о том, что его больше всего тревожит – как будет жить Оксана в этом трудном, циничном мире, лишившись его поддержки и опоры: «Без тебя мне страшно остаться, / и одну тебя страшно оставить <...> / Лишь тебе бы не стало плохо / для домовой конторы – кто ты? / Вот о том до последнего вздоха / не оставят меня заботы!»* [4, с. 454].

К сожалению, на стихи нашего поэта не так уж много написано песен. В основном это авторские, бардовские песни (если не считать революционной тематики). Но есть стихи, которые даже при прочтении звучат как песня. Эти слова идут из самого сердца каждого любящего человека:

*Я не могу без тебя жить!
Мне и в дожди без тебя – сушь,
мне и в жары без тебя – стыть,
мне без тебя и Москва – глушь. <...>
Я ничего не хочу знать –
слабость друзей, силу врагов;
я ничего не хочу ждать,
кроме твоих драгоценных шагов. [4, с. 397]*

Библиографический список:

1. Титарь, В. П. Сестры Синяковы – харьковские музы футуризма [Электронный ресурс] / В. П. Титарь, А. Парамонов, Л. Фефелова. – URL: <https://otkudarodom.ua/ru/sestry-sinyakovy-harkovskie-muzy-futurizma-v-p-titar-f-paramonov-l-i-fefelova>. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения 01.06.2019).
2. Брик, Л. Ю. Пристрастные рассказы [Электронный ресурс] / Брик Лиля Юрьевна. – URL: <https://www.rulit.me/books/pristrastnye-rasskazy-read-213325-22.html>. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения 01.06.2019).
3. Хлебников, В. Синие оковы [Электронный ресурс] / В. Хлебников. – URL: <http://hlebnikov.lit-info.ru/hlebnikov/stihi/poemy/sinie-okovy.htm>. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения 01.06.2019).
4. Асеев, Н. Н. Избранные произведения [Текст] / Н. Н. Асеев ; сост. предисл. и коммент. И. Шайтанова. – Москва : Художественная литература, 1990. – 511 с.
5. Ткачева, О. Под сенью замечательных имен [Текст] / Ольга Ткачева. – VIP. – 2007. – № 4. – С. 95–100 : фот.

Савчук И. В.

«ВЕЛИКАЯ ОКЕАНИЯ» НИКОЛАЯ АСЕЕВА (ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ Н. Н. АСЕЕВА)

Аннотация: В статье автор попытался проследить восприятие поэтом Н. Асеевым главных событий начала XX столетия – Февральской и Октябрьской революций 1917 года.

Ключевые слова: Николай Асеев, Февральская революция, Октябрьская революция, творческие позиции, масштабность событий, перемены.

Главной отличительной особенностью XX столетия в истории России является насыщенность переломными событиями и стремительность их развития. Две мировые войны, одна гражданская, три революции!.. Февральская революция 1917 года и последовавшая за ней Октябрьская, несомненно, являются одними из ключевых событий минувшего века, в корне изменивших историческое развитие страны.

В центре любых преобразований и модернизаций всегда оказывается человек. Именно он, со своей ценностной системой, моральными ориентирами и нравственными империями является одновременно и вершителем новых этапов и масштабных потрясений жизни общества, и их заложником.

Коренным вопросом, который обусловил творческие позиции писателей того времени, стал вопрос об отношении к революции. Противоположность взглядов на происходящее порождало различное понимание судеб России.

Одни считали, что Россия гибнет, гибнет и великая русская культура! Другие в ответ вторили словам «Интернационала» «Мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем, тот станет всем».

Николай Николаевич Асеев, курский поэт, встретил революцию на Дальнем Востоке. На ее музыку он откликнулся, как призывал другой поэт – Александр Блок, «всем сердцем, всей душой». Он полон надежд о новой жизни, жизни другой, полной радости и свободы.

Вот как вспоминает сам поэт о событиях этого периода: «Началась Октябрьская революция. В ней нам, молодежи тех лет, увиделась перемена всего, что до сих пор считалось незыблемым и неопровержимым. Как же было не задохнуться от счастья, не колотиться сердцу от того, что мечталось и ожидалось!». И стихи о революции писались, как рапорт народу:

*Была пора глухая,
Была пора немая,
Но цвел благоухая,
рабочий праздник мая.
Это был мой «Первомайский гимн» – гимн новому».*

Действительно, Асеев искренно верил в те преобразования, которые сулила революция, в свободу, равенство. Он тоже, как в Интернационале, призывал ломать старую жизнь и строить новый мир, прекрасный и цветущий:

*Рабочие России,
Мы жизнь свою ломаем,
Но будет мир прекрасней
Цветущий первым маем!*

Но автор стихотворения понимает, что, как он пишет, «править правды праздник» – это непростая, сложная, терпеливая работа. Мы встречаем здесь словосочетания «трудные будни», «железное терпенье». Вместе с тем поэт выражает надежду на дальнейшее процветание своей родины, страны России:

*Греми ж, земля глухая,
Заводов дым вздымая,
Цвети, благоухая,
Рабочий праздник мая!*

Это стихотворение датировано 1920 годом. Но еще ранее, в 1918 году, Асеевым было написано «Это революция», в котором поэт высказал свое отношение к событию вселенского масштаба. Вероятнее всего, это была его мгновенная, первичная реакция на начало происходящих вокруг перемен:

*Революция – это рёвы улиц,
Это топот толп, прочтённый вслух.
Только в революцию можно стать под пули,
Грудью их отвеяв, словно пух.*

Революция для Николая Николаевича Асеева – это не только «рёвы улиц», это еще «души настезь», «праздник праздных», «сразу радость», «это без отказа – все зараз!». Стихотворение полно радостных восклицаний, так как и сам Асеев «задышался от счастья», жаждал переустройства мироздания.

События 1917 года поэт воспринимал как события в масштабе не только страны, но и всей Вселенной. В стихотворении «Небо революции» «весь мир», «тысячи звезд», планеты, космос окунулись в мятеж. Революцию Асеев называет «Великой Океанией»:

*Еще на закате мерцали...
Но вот – почернело до ужаса,
И все в небесном Версале
Горит, трепещет и кружится. <...>*

*Еще молчит тишина,
Но ввысь – мечты и желания,
И вот провозглашена
Великая Океания.*

Асеев с восторгом, как и все романтики Октября, принял идеалы революции. Героика борьбы за новую жизнь, романтическая мечта о будущем окрыляют и обогащают его поэзию. В ней утверждаются красота и сила революций. Как у Маяковского, в лирике поэта появляется образ Солнца, который тоже очеловечен и оживлен, оно его друг и товарищ:

*Товарищ – Солнце! Высуши слез влагу,
чьей луже душа жадна.
Виват! Огромному красному флагу,*

которым небо машет нам!

Революция для Асеева – это, прежде всего, разрушение старого режима, старого времени, к которому нет возврата. Он призывает: «Сюда, сюда!». Сюда, это в новую жизнь, в будущее, в мир светлого.

*А над ней, обревевшись ревмя
Раскрывая беззвучно едало,
Некрасивое старое Время,
Потерявшее голос, рыдало.
(«Воззвание»)*

Асеев писал: «Старая культура отгремела за плечами, как ушедшая туча. Возврата к ней для меня, недостаточно приросшего к ней... быть не могло; на моих чувствах и мыслях не были еще набиты мозоли привычек. И радость от изменения поношенных черт мирового лица несла меня в сторону нового...».

Поэт раскрыл объятия всему новому. Идеалы революции воспринял безоговорочно. В красный цвет – символ революции, олицетворяющий кровь угнетенного народа, – окрашено стихотворение Асеева «Кумач»:

*Красные зори,
Красный восход,
Красные речи
У Красных ворот.*

И далее поэт продолжает:

*Нас толпами сбили,
Согнали в ряды,
Мы красные в небо
Врубили следы.
За дулами дула,
За рядом ряд,
И полымем сдуло
Царей и царят.*

Заканчивается стихотворение призывом к народу, свершившему революцию:

Красуйся над миром,

Мой красный народ!

Несомненно, Февральская и Октябрьская революции – события первостепенной важности для поколения, рожденного на рубеже веков, поскольку именно оно имело возможность наблюдать все недостатки старого режима и планировать перемены в своей жизни. Николаем Асеевым изначально революция понималась как основной способ достичь будущего, идеалами которого он грезил, поэтому Революция во многом определила главные особенности его творчества, став многообразно преломившейся его темой.

Библиографический список:

1. Асеев, Н. Н. Избранные произведения [Текст] / Н. Н. Асеев ; сост. предисл. и коммент. И. Шайтанова. – Москва : Художественная литература, 1990. – 511 с.
2. История русской советской литературы [Текст] : учебное пособие для филологических специальностей вузов / Е. П. Бахметьева, В. В. Бузник, П. С. Выходцев и др. ; под ред. и с предисл. П. С. Выходцева. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Высшая школа, 1986. – 630 с.
3. Генералова, В. Сопоставительная характеристика творчества поэтов-романтиков Н. Тихонова и Н. Асеева [Электронный ресурс] / В. Генералова. – URL: https://knowledge.allbest.ru/literature/2c0b65635a3bd68b4c43a89521206c27_0.html. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения 24.06.2019).
4. Баскевич, И. З. Курские вечера [Текст] : литературно-краеведческие очерки и этюды / И. З. Баскевич. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1979. – 208 с.
5. Курский край: история и современность [Текст] / под ред. Б. Н. Королева. – Изд. 2-е, переработ. и доп. – Курск, 1995. – 288 с.

Саушкина Э. И.

«ПРОСТЫЕ СТРОКИ» НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА АСЕЕВА

Аннотация: Статья посвящена основным вехам биографии и творчества поэта Н. Н. Асеева – выпускника Курского реального училища.

Ключевые слова: Поэт, Николай Асеев, Курское реальное училище, переводчик, наставник, общественная работа.

Известный советский поэт Николай Николаевич Асеев, чьим «стихом говорило само время», прошел большой и сложный творческий путь.

Родился поэт 28 июня 1889 года в городе Льгове Курской области в семье дворян. Отец – страховой агент Николай Николаевич Штальбаум – не мог уделять сыну много внимания, ему приходилось ездить по всей

губернии. Мать поэта Елена Николаевна умерла молодой, когда мальчику еще не было 8 лет. Со смертью матери закончилось детство. Детские годы Асеев провел в доме у деда, Николая Павловича Пинского, любителя народных песен и замечательного рассказчика. После окончания средней школы мальчик был отдан в Курское реальное училище им. Кутузова-Голенищева (в настоящее время это один из корпусов Курского электромеханического техникума).

В Курском реальном училище Асеев участвовал в товарищеских встречах, где обсуждались не только литературные, но и политические проблемы. В училище были хорошие, знающие учителя, в частности, А. Е. Данилевич, у которого будущий поэт жил некоторое время. Он во многом повлиял на литературные вкусы Н. Асеева: русская и зарубежная классика, устное народное творчество – все это формировало «мировоззрение юного поэта» [1].

В училище появляются его первые пробные стихи, он увлекается театром, учится танцам. А. Г. Соколов и А. Е. Данилевич были первыми критиками ученических стихов Асеева. Являясь студентом Курского реального училища, Асеев примыкает к революционно настроенной молодежи.

На летние каникулы Н. Н. Асеев всегда приезжал во Льгов к дедушке и бабушке. И здесь, в кругу молодых врачей и учителей – Андреевых, Гадицких, Макаровских – продолжал вести революционную пропаганду. За пение революционных песен группа молодых людей была посажена во Льговскую тюрьму. Среди них оказался Н. Н. Асеев. И сидел он вместе с дочерью начальника тюрьмы, поэтому был очень скоро освобожден. 20 апреля 1909 года его допускают к экзаменам и вскоре вручают аттестат.

На здании бывшего реального училища (ныне учебный корпус КЭМТ, ул. С. Саровского, 12) есть мемориальная доска с надписью о том, что в этом здании в реальном училище учился Н. Н. Асеев.

В 1909 году будущий поэт приезжает в Москву, поступает на экономическое отделение Московского коммерческого института (1909-1912) и становится вольнослушателем в Московском университете на филологическом факультете.

В литературу Н. Н. Асеев входит в начале 1910-х годов. Он всего себя отдавал поэзии. Это особенно заметно в стихотворении «Дом»:

*Я дом построил из стихов!..
В нём окна чистого стекла,
Там ходят тени облаков,*

*Чтоб буря в небе размела.
Я сам строку свою строгал,
Углы созвучьями крепил,
Венец к венцу строфу слагал.
До самых вздыбленных стропил. [4, с. 438-439]*

В Москве, в поэтическом обществе «Центрифуга», возглавляемом поэтом, исследователем русского стиха Сергеем Бобровым, начинается активная литературная деятельность Н. Асеева [2, с. 96].

Решающей для Асеева становится встреча с Владимиром Маяковским, состоявшаяся в 1912 году. Эта дружба пройдет через всю жизнь поэтов.

Н. Асеев уже в самом начале творческого пути пытается найти свой стиль. Печатается его первый сборник «Ночная флейта». Во второй книге «Зор» (1914), в которой Асеев заговорил на славянском наречии, на языке летописей и былин, им создаются новые слова. Да и само название «Зор» дышит стариной.

В «моих ранних вещах», – писал позднее Асеев, – «главным для меня был поиск своего стиха, своего способа высказаться. Отсюда – недомолвки и нелогические возгласы стиха, которому нащупывался путь в будущее. Мне хотелось своих слов, своих, неизбитых выражений чувств – и вот рождались и слова, и отдельные сочетания их, непохожие на общепринятые...» [3, с. 27].

Многие критики справедливо находят в раннем творчестве Асеева влияние стихотворного творчества Алексея Константиновича Толстого и произведений Николая Васильевича Гоголя. Об этом писал и сам поэт: «Мне нравились ... стихи Алексея Константиновича Толстого, очень популярного тогда поэта-русофила, обращавшегося к темам Древней Руси, к славянским сюжетам. В его стихах воспевалась удаль и молодечество наших дедов, богатырские подвиги предков.

Не обошла Николая Асеева и Первая мировая война. В 1915 году поэт был призван в армию, попал на австрийский фронт. «Попав в полк, я в солдатской среде стал лицом к лицу с народным характером и настроением», – вспоминал поэт [1]. Асеев был вместе с солдатами, устраивал для них чтения.

В своей прекрасной напевной, музыкальной «Венгерской песне» (1916) поэт с грустью раздумывает о родине, о бессмысленных скитаниях по военным полям Европы...

Простоволосые ивы

*бросили руки в ручки.
Чайки кричали: «Чьи вы?»
Мы отвечали: «Ничьи». [4, с. 70]*

Попав в госпиталь с воспалением легких и вспышкой туберкулеза, Асеев был признан негодным к службе.

В сентябре 1917-го поэт был избран в полковой Совет солдатских депутатов и вместе с эшелоном раненых сибиряков отправлен в Иркутск. Асеев заканчивает службу рядовым 34-го запасного полка. В солдатской шинели вместе с молодой женой он отправляется во Владивосток, хотя ему предлагают учебу в школе прапорщиков.

Еще в 1916-м в стихотворении «Предчувствие» поэт размышляет о возможной революции.

*И я по лицам узнаю
и по рубашкам кумачовым –
судьбу грядущую свою,
протоптанную Пугачёвым. [4, с. 88]*

В феврале 1927 года вместе с Владимиром Маяковским Николай Николаевич приезжает в Курск с целью проведения литературных встреч. Проходили выступления в самых крупных залах города, при большом стечении народа. Днем Асеев водил друга по Курску, показывал достопримечательности, заходил и к своим родственникам, у которых раньше жил [1].

Особое место в творчестве поэта занимает цикл «Курские края». В него вошло семь стихотворений. На деле получилась поэма о детстве и юности. Если в воспоминаниях он писал о Льгове как об обычном унылом уездном городке, здесь уже воспевал «соловьиный край»:

*... а за ним, меж дубов, у ворот
Князь-Барятинского парка,
их насеяно невпроворот, так,
что небу становится жарко.
Тут и там, и правей и левей,
в семь колен рассыпаются лихо, –
соловей, соловей, соловей,
лишь внимать поспевай соловья! [4, с. 321]*

Асеев уже известный, признанный поэт, давным-давно не бывал на родине. Но каким радостным, ностальгически щемящим чувством созданы строки:

*Стойте ж да бывайте здоровеньки!
Вас не тронет лесть или хула,
Люшенка да Нижни Деревеньки,
Тенькавишие в донь колокола.
Стойте крепче. Вы моё оплечье,
вы мои деды и кумовья,
вы моё обличье человечье,
Курские края. [4, с. 313]*

Он снова вспоминает своего любимого деда:

*И я, его выросший внук,
когда мне приходится худо,
лишь злую подушку примну,
все вижу в нём Робина Гуда.
Зелёные волны хлебов,
ведущие с ветром беседу,
первую в мире любовь
к герою, к охотнику – к деду. [4, с. 316]*

Много времени у Асеева отнимала общественная работа. В то время отказаться от нее было невозможно. Асеев входит в комиссию по приемке в Союз писателей, в правление Литературного фонда, занимавшегося широким кругом вопросов по обеспечению быта писателей. Страстно увлекается охотой и большим теннисом, выступает даже в крупных соревнованиях [5, с. 505].

В 1939 году широко отмечалось 50-летие Николая Николаевича Асеева. Он был признан ведущим современным поэтом.

Вызывает уважение к Асееву-человеку и его однолюбчивость. Рядом с ним была только одна женщина – «несравненная Оксана Синякова». Трудно встретить у других такие строки:

*Я больше теперь
никуда не хочу выходить
из дому: пускай
все люстры в лампах
горят зажжены.*

*Чего мне искать
и глазами мелькать по пустому,
когда – ничего на свете
нет
нежнее моей жены.
Я мало писал про неё:
про плечи её молодые;
про то,
как она справедлива,
доверчива и храбра;
про взоры её голубые,
про волосы золотые,
про руки её,
что сделали в жизни мне
столько добра... [6, с. 580]*

И это он не уставал повторять всю свою долгую жизнь.

Николай Николаевич Асеев был очень образованным человеком, хорошо знал русскую поэтическую классику, да и не только русскую, знал несколько языков, был прекрасным переводчиком (известны его переводы стихов Мао Цзэдуна). Виртуозно владея стихом, создавал собственную интонацию и поступь стиховых ритмов.

Асеев был для многих молодых поэтов превосходным наставником, благодарную память о котором они сохранили на всю жизнь. К нему, большому мастеру стиха, тянулись многие начинающие стихотворцы, и для каждого были широко открыты двери его дома, где в беседах с мастером молодые собратья по перу проходили особую, своеобразную школу приобщения к «тайнствам» стиха [7].

В последние годы поэт тяжело болел. Как вспоминала его супруга Ксения Асеева: «В последний день его жизни, когда я пришла в больницу, Николай Николаевич сел на постели и начал читать стихи. Со стихами уходил он из жизни...» [8, с. 34]. Николая Асеева не стало в 1963 году.

И теперь, спустя много лет после смерти поэта, мы вновь и вновь убеждаемся в том, что голос его не смолк. С годами не остывает яростный накал асеевского стиха, не ослабевает проникновенная человечность простых асеевских строк.

Библиографический список:

1. Сидоренко, В. М. Материалы экскурсии, посвященной Н. Н. Асееву ; То же

- Николай Николаевич Асеев [Электронный ресурс]. – URL: <http://kurskonb.ru/virt/aseev/1.html>. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения 24.06.2019).
2. Баскевич, И. З. Н. Н. Асеев [Текст] / И. З. Баскевич // Курские вечера : литературно-краеведческие очерки и этюды / И. З. Баскевич. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1979. – С. 95–99.
 3. Асеев, Николай Николаевич. Путь в поэзию [Текст] // Родословная поэзии / Н. Н. Асеев. – Москва : Советский писатель, 1990. – С. 23–30.
 4. Асеев, Николай Николаевич. Стихотворения и поэмы [Текст] / Н. Н. Асеев ; [сост., предисл. и коммент. И. Шайтанов]. – Москва : Художественная литература, 1990. – 511 с.
 5. Лагутич, М. С. Благополучный Николай Асеев [Текст] // Провинциальная хроника : Льгов в истории Курского края / М. С. Лагутич. – Курск, 2007. – С. 495–512.
 6. Асеев, Николай Николаевич. Стихотворения и поэмы [Текст] / Н. Н. Асеев ; вступ. ст. и сост. А. Урбана. – Ленинград : Советский писатель, 1967. – 734 с. – (Библиотека поэта. – Большая серия. – 2-е изд.).
 7. Время говорило его стихами. Жизнь и творчество Н. Н. Асеева [Электронный ресурс]. – URL: <http://kurskonb.ru/our-booke/aseev/doc/histop-1.html>. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения 24.06.2019).
 8. Асеева, К. М. Из воспоминаний [Текст] / К. М. Асеева // Воспоминания о Николае Асееве. – Москва : Советский писатель, 1980. – С. 12–34.

Доценко Н. В.

ТВОРЧЕСТВО НИКОЛАЯ АСЕЕВА В ОБЛАСТИ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аннотация: Статья рассказывает о произведениях поэта, написанных им о детях и для детей. Н. Асеев, чья детскость, по мнению Б. Пастернака, была одной из лучших черт его творчества, пишет о детях, о детстве, проникнувшись его духом.

Ключевые слова: Дети, детская литература, стихи, сказки, творчество, поэзия.

Чаще всего бывает так, что известные поэты пишут стихи по случаю или по обязанности откликнуться, и они остаются эпизодом их творчества. Но поэзия Н. Асеева очень рано соприкоснулась с детством и с ним не разлучалась. Поэт пишет о детях, о детстве, проникнувшись его духом. Детскость, по мнению Б. Пастернака, была одной из лучших черт его творчества.

Еще до революции выпускался журнал для детей среднего возраста «Проталинка». В нем помещались стихи, сказки, рассказы, легенды, переведенные с древнерусского языка на русский. Они воспитывали

детей быть честными, искренними, добрыми, внимательными друг к другу и старшим, увлеченными. Журнал «Проталинка» прививал душам детей подлинный патриотизм. Вот в таком журнале за 1914 год появляется сказка в стихах «Золотая карета».

В начале своего творческого пути Асеев пересказал для детей из русских летописей историю о том, как был ослеплен князь Василько Ростиславович. Василько призывал русских князей к единению, дружбе, чтобы лютые враги не погубили землю Русскую. Не по нраву пришлись эти слова тем, кто жил воровством и разбоем. Затаили злобу недруги и решили погубить Василько Ростиславовича, красного ликом, стройного станом, славного удалью молодецкою: «Раз только еще сверкнули Васильковы очи – и сбылся вещей сон – не видать Васильку света белого, выколоты его светлые оченьки. И стоит в поле том теперь рожь высокая, давний ветер её поколыхивает, а по всей земле, цветут княжьи очи загубленные, на красу земную дивуются. Не дали им жизнь досмотреть, до веку будут пламенеть они синими огонёчками, во полях цвести, сердце радовать, доколе нашей родимой Руси на земле стоять».

Синий мир, в котором начиналась поэзия Н. Асеева. В асеевских стихах нет пейзажей, потому что нет описательных подробностей. В них есть явления, звук, стихия, цвет:

*Прелесть утренней зимы!
Дни стоят невыразимы
Снегу – хоть давай взаймы
Всем другим бесснежным зимам.
Снег и снег, и ель в снегу –
В белых пачках – балериной,
Снег зажётся на лугу
Ювелирную витриной.
(«Зима»)*

Или:

*Пел петух зарю не зря
Мглистым утром до рассвета,
И пришла к нему заря
Ярко-огненного цвета;
Вся закутана в туман,
Словно в прозрачной косынке, –
От неё весь лес румян,*

Искорки в любой росинке!
(«Весенняя песнь»)

Детство, проведенное во Льгове, научило любить природу, родное слово. Поэтому каждым своим словом поэт возбуждал интерес читателя к написанному. Асеев всегда неожиданный, взволнованный:

*Летят облака, летят облака,
Как в мелких осколках лёд,
И синь холодна и синь далека
Сквозит и холодом льнёт.
(«Глядя в небеса»)*

Или:

*... И тлеют поляны от лая,
От хриплого желтого смеха,
Где мчатся лисицы, пылая
Летающим пламенем меха;
И воют пришедшие с Волги
Веселые сивые волки.*

Для младших школьников в сказке «Про заячью службу и про лисью дружбу» – персонажи из народных сказок – заяц и лиса:

*В день одной кочерыжкой
питаюсь,
Жил на свете доверчивый заяц;
Вислоухий, глазища кроткие,
Хвост, как вербная почка,
приплющенный;
Передние лапы совсем короткие,
Задние – длинные-предлиннющие;
Звали его Косой;
Бегал он вечно босой, с поля в
рощу скитаясь;
Одним словом – доверчивый заяц.*

*Ходу от него с полчаса
Вырыла нору лиса;
Хитрая-прехитрющая,
Жадная-прежаднющая;
Хвост у нее огненно-рыжий,
Взгляд у нее бесстыжий;
Ела она только мясо,
Злобно любила над всеми
смеяться;
Бегала по лесам, нигде не имея
друга;
Одним словом лиса-хитрюга.*

Заяц здесь доверчивый, но хитрый и умный, умеет за злыдни ей лисьи мстить. Заяц в сказке не из пугливых. Но какое-то время хитрая,

коварная лиса воспользовалась заячьей добротой, простодушием. В конце сказки доверчивое животное, озлобленное лисьей коварностью, мстит ей:

*Он под горку во весь дух,
Кувыркнулся под оглобли, –
И лисица в воду – бух!
Расплылися у лисы
Хвост, и уши, и усы.*

По-прежнему без единого друга легкой поступью ходит лиса пренахальнейшая.

Маленьких читателей поэт знакомит с обитателями зверинца в стихотворении «Ночные страхи». Здесь слон и пингвин, ленивец и морской тюлень, крокодил, непоседливая мартышка, желтый лев, опоссум и другие.

Как живой перед глазами встает слон, простодушный и пугливый:

*В зверинце всех выше
И толще – слон
Едва уместился под крышей он.
Отличный слон,
Индийский слон,
Шершавый и серый
Со всех сторон.*

Еще в 1925 году, когда не было для детей «Правил уличного движения», поэт знал, как опасен переход улиц в больших городах. Идут автобусы, грузовики, легковые машины, мотоциклы, трамваи. В безопасности движения помогает милиционер:

*... Но у милиционера
Прекрасная манера
И очень зоркий глаз.
Он поднял жезл...
И все автомобили
Немедленно застыли,
Всё движенье – стоп!
Бегите, крошки-ножки,
Без страха по дорожке
Топ-топ, топ-топ, топ-топ.*

Жизнь прожить надо так, чтобы она оставила след после себя. Асеев славит любой труд, даже самый малый, если он приносит пользу окружающим в «Гимне ремесел». Ответственное отношение к делу поднимает человека в глазах окружающих:

*Каждое дело
Душой любя, –
Как бы оно
Ни казалось мало, –
Словно дитя,
Подними до себя;
Глядь – и оно тебя
Вверх подняло!*

Поэту думается, что все профессии нужны, все специальности важны. Надо выбирать то ремесло, которое нужнее народу, стране.

*Чтобы строить мир,
А не портить, –
Я к чему разговор веду –
Чтобы сызмалу приохотить,
Приспособить себя к труду.
Вот поэтому-то ребята,
Я вам искренне говорю,
Что топор, пила и лопата
Славят утреннюю зарю.
(«О зареве труда» 1943)*

У заводских станков в годы Великой Отечественной войны готовили снаряды для фронта подростки. Они заменили отцов и братьев, ушедших на войну с заклятым врагом.

*Нам жизнь знакома без прикрас;
Забот на нас не тратьте, –
Мы здесь – всерьёз заменим вас,
Отцы наши и братья.
В боях сердца наши горят
Врага разнять по клочьям;
Мы в помощь вам – еще снаряд,
Еще снаряд обточим.*

Маленький герой Васейка Силин из поэмы «Красношейка» был счастлив. С увлечением трудился «до семи потов», соблюдал личную гигиену, стоял часовым, читал, играл в футбол, ходил в разведку в лесную глушь, – одним словом во всем был образец.

Но вот однажды... отряд шел по лесной тропе и встретил черного быка, по кличке Аспид. Бык бросился к Васе. Пастух кричит:

*Красный галстук сбрось!
Но позор для пионера
Сдать почётный знак,
Как бы близкая опасность
Ни была грозна!»*
*И Васейка, напрягая силы на бегу, думал:
«Нет!
Я красный галстук
Сбросить не могу.
Это было б униженьем
Для всего звена, –
После этого, какая ж
Будет нам цена.*

До леса далеко, но у дороги стоял дуб. Он повис на нижней ветке, прижал галстук к груди, а в это время подбежали пионеры и выручили товарища.

*Васейка испугался рогатого,
«Но как бы ни был
Враг опасен –
Помни об одном –
Рдеет красная повязка
На звене родном».*

Урок мужественного преодоления трудностей на пути к счастью преподает поэт в стихотворении «Кутерьма» («Зимняя сказка»).

*Такой мороз, такой мороз –
Берёт за хвост, дерёт до слёз,
Такой мороз трескучий,
Пристал, пристыл, прискучил.*

Мороз все перепутал, нарушил, получилась кутерьма. Ребята сидят по домам, мороз «перегрыз» электрический кабель. Везде темно, холодно. Смелые, мужественные монтеры, хорошо знающие свое дело, починили провода. Сразу стало всем весело.

*Город весел,
Сосулек понавесил!
Снегу! Снегу!
Смеху! Смеху!
Сколько на улице весёлых ребят...*

Стихи вызывают прекрасное настроение, бодрость. А сильные монтеры у детей вызывают симпатии. Ребята хотят быть на них похожими. Скажем прямо, что Н. Асеев – настоящий оптимист. Его произведения не вызывают горечи, тоски. Его состояние души, стремление всегда быть в действии передают стихи о спорте, призывают читателей укреплять свое здоровье.

*Скользьте, ноги резвые,
Быстрей, быстрей!
Стальные, скальтесь, лезвия,
Острей, острей!
Лети, чтоб дух захватывал,
К земле стелясь,
Гони к чертям лохматую
Мечтательность!*
(«Летит хохоток – бегут на каток»)

Прилив энергии вызывают и такие слова:

*Мороз румянец выжесг
Нам огневой.
Бежим, бежим на лыжах
Мы от него!
Второй, четвёртый, пятый,
Конец горе
лети, лети не падай.
Скорей, скорей!*

Едва ли есть какая-либо проблема в жизни людей, которой бы не коснулся разум поэта. В его творчестве звучит доброжелательность,

внимание, наблюдательность, философское отношение к жизни, любовь ко всему живому.

Веселый, жизнерадостный, способный на самые разные шалости котенок Тешка.

*В зимний вечер из потёмок
Появляется котёнок:
Сверху сер, а снизу бел,
Очень горд и очень смел.
Называется он Тешка,
Ясноглаз и шерсть густа.
Хоть его мамаша, кошка,
Совершенно без хвоста.*

Суровый, плутоватый, вечно голодный кот Пищик.

*Вот – кот Пищик,
Умнее не сыщешь:
Глаз лучистый,
Хвост пушистый,
Цвет – пожарно-огневой.
У меня есть кот,*

*Вечно голоден живёт,
Вечно голоден, не сыт,
Вечно думает, не спит:
Как бы в шкаф ему залезть,
Как бы все в шкафу поесть.*

А великолепные стихи о природе! «Июнь», «Сосны-тети», «Сентябрь», «Четыре времени года», «Зима» и другие вызывают восхищение у читателя выразительностью, яркостью слов, делают нашу душу добрей, искренней. Хорошие стихи, сильные восторженным переживанием природы.

Июнь

*Что выделывают птицы!
Сотни радостных рулад,
Эхо по лесу катится,
Ели ухом шевелят...
Так и этак, так и этак
Голос пробует певец:
«Цици-вити», – между веток.
«Тьори-фьори», – под конец.*

*Я и сам в зелёной клетке,
Не роскошен мой уют,
Но зато мне сосны ветки
Словно руки подают.
В небе – гром наперекат!..
С небом, видимо, не шутки:
Реактивные свистят,
Крыльями кося, как утки.*

Асеев был наделен редчайшим чувством слова.

АСЕЕВ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Аннотация: Статья о научной конференции, посвященной творчеству Н. Н. Асеева, которая состоялась в июле 1990 года в городе Льгове с участием ведущих исследователей творчества поэта.

Ключевые слова: Поэзия Асеева, творчество, Николай Асеев, литературоведение, литературное наследие.

Их не наберется и десяти человек – ученых-литературоведов, глубоко и основательно занимающихся творчеством нашего земляка поэта Н. Н. Асеева. На научную конференцию, которая проходила в июле (1990 года – Т. А.), во Льгов приехали почти все. Люди очень разные – и по возрасту, и по складу характера, и по научному стажу. Самый старший – известный поэт, профессор Литературного института имени М. Горького Лев Адольфович Озеров, ему уже за семьдесят. По сравнению с ним Игорь Олегович Шайтанов, доктор наук, совсем молодой, а уж Олега Столярова, старшего научного сотрудника музея Б. Пастернака и тоже поэта, еще мало кто называет по отчеству.

Стихи, правда, пишут не все, но наизусть знают великое множество. Каких только авторов я не услышала в их исполнении за несколько дней командировки.

– Я читаю поэзию как романы, – сказал Шайтанов.

И ощущалась в этих его словах не только профессиональная необходимость, но потребность души, любовь к поэтическому слову. Как и в прогулках ученых по реке, по лесу – глубокое чувство природы, а не лишь любопытство посмотреть на места, воспетые Асеевым.

Уж на что хорошо знает их Лев Адольфович, и то, несмотря на возраст, усталость после целого дня напряженной работы, не устоял перед искушением провести вечер у лесного костра.

Такие наблюдения, казалось бы, незначительные, позволили убедиться, что эти люди искренни и по отношению к Асееву, и к той поэзии, которую он представлял. Они не совершают ни малейшего насилия над собой, изучая и пропагандируя его творчество. Даже сейчас, когда это считается чуть ли не плохим тоном, да еще при таком наплыве «возвращенной» литературы, читательской и исследовательской моды на нее.

Проведению конференции во многом способствовал директор литературно-мемориального музея Н. Асеева во Льгове Сергей

Афанасьевич Хухрин, который поднял на ноги и российский Союз писателей, и Институт мировой литературы, и комиссию по литературному наследию. Этот человек проделал огромную работу по увековечению памяти поэта. Предотвратил снос дома, в котором родился и провел детство Николай Николаевич, добился реставрации здания. Долго хлопотал, чтобы дом освободили от жильцов, начал переписку с вдовой Асеева Оксаной Михайловной (несколько лет назад она ушла из жизни) с просьбой помочь в организации музея.

Претендентов на наследие Асеева было много, но Оксана Михайловна поверила именно Хухрину и передала в дар не только книги, документы, мебель, но со временем – даже личную переписку с мужем. Сейчас в фондах музея, который осенью 1988 года, наконец, был открыт, хранится более восьми тысяч архивных материалов, в том числе, неизученных и неопубликованных.

Это большое счастье, что есть такие люди – с незыблемой верой в правоту дела, которое отстаивают. А творчество Н. Н. Асеева, как и многих других писателей и поэтов, что сегодня низвергаются с пьедестала истории и корабля современности как слуги сталинского тоталитарного режима, очень нуждается в защите. В чем только не обвиняют Николая Николаевича! Даже в «благополучности» судьбы, неизменной «удачливости», сопровождавшей поэта якобы на протяжении всей жизни.

И вот на волне конъюнктурных нападков на поэзию, которая отрицается, не будучи даже прочитанной, во Льгове собирается крепкая, дружная группа единомышленников, не испытывающая принципиальных разногласий. Напротив, это первая попытка создания коллективной монографии о Н. Н. Асееве. Редкий случай в литературоведении – с его группировками, спорами, противостоянием друг другу.

Сегодня главная задача асееведов – переосмыслить, исходя из ситуации конца века, как традиционные, устоявшиеся оценки личности и творчества поэта, так и новоиспеченные, раскрыв, наконец, и неизвестного Асеева, наследие которого принадлежит по существу к белым пятнам литературы.

С 70-х годов занимается изучением асеевских архивов доктор филологических наук, секретарь комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию поэта Алиса Михайловна Крюкова. Впервые в истории отечественного литературоведения она собрала и исследовала материалы по созданию поэмы «Маяковский начинается», которые были

опубликованы в 93-м томе (1983) «Литературного наследства» – признанного во всем мире издания АН СССР.

Немало интересных документов нашла Крюкова о взаимоотношениях Асеева с Маяковским, Блоком, Хлебниковым, Пастернаком, Есениным, Белым. По ее свидетельству, он не открыт сегодня читателю и исследователю на две трети. Неизвестна большая часть творчества периода Великой Отечественной войны и последних лет жизни. Оно не вписывалось в официальное направление советской литературы и состояние филологической науки, потому мало что было опубликовано.

Если б огромный архив обнародовать, судьба Асеева предстала бы по-другому – со всеми отразившимися в ней трагическими поворотами истории. Поэт начал свой творческий путь за десять лет до Октября 1917-го, революцию принял безоговорочно. Но, как и многие, не сразу осознал смысл ее трагических и кровавых событий, которые славил.

В 30-е годы он воспринимался общественным сознанием как продолжатель Маяковского, певец государственной системы. На самом деле это было время молчания, в крайнем случае – агитационных стихов, когда Асеев наступил «на горло собственной песне». Даже поэма «Маяковский начинается» давалась ему с трудом, и Николай Николаевич пишет, хотя и не решается отправить, письмо Сталину с просьбой оградить от нападков, мешающих ему завершить это произведение.

Архивные документы поведали, что его не миновали политические доносы, в частности, в связи с поездкой на Дальний Восток и знакомством с С. М. Третьяковым – писателем-лефовцем, автором пьесы «Рычи, Китай». Сохранилось еще одно письмо, адресованное Сталину, но также неотправленное – в нем Николай Николаевич рассказывает горестную историю, как в 1947-1948 годах был рассыпан набор его книги с поэмой о Гоголе, хотя он и выбросил из нее строки о «рыжем» времени.

Сложными были годы войны, когда Асеева практически перестали печатать, кроме агиток в газетах. Так и не увидели света при жизни автора прекрасные антивоенные стихи «Надежда», «Письма к жене», «Страх», поэма «Москва-Кама», свидетельствующие о его гражданском и общественном прозрении – в отличие от революционных лет он уже не может принять кровь и убийства.

Во времена культа Асеев пережил все, что и другие именитые люди. Безусловно, он интуитивно чувствовал ситуацию, и его обращения к Сталину – это не только надежда на помощь, но, скорее всего, попытки спастись от «лучшего друга писателей».

60-е годы принято считать вершиной асеевской славы. Тогда была выдвинута на Ленинскую премию его книга «Лад», вокруг которой создалась такая атмосфера, словно поэт являлся единственным претендентом на награду. Накануне Л. А. Озеров вел телевизионную передачу, а утром оказалось, что премию присудили другому.

– Звонит мне Асеев, – рассказывает Лев Адольфович, – приглашает к себе, просит купить пирожных. Прихожу – он бледный, берет «Дневник писателя» Достоевского, читает: «Как хорошо, что это благо не произошло, а то бы мне пришлось лобызаться со своими недругами. Я хочу быть просто честным русским писателем».

Врагов у него всегда хватало – и явных, и скрытых. Отсюда – стихи об одиночестве, непонимании окружающими. В последние годы, по свидетельству Оксаны Михайловны, мало кто оставался близок Николаю Николаевичу. Л. А. Озеров был одним из немногих преданных друзей.

Они познакомились еще в начале 30-х годов в Киеве, где Асеев, Кирсанов и Уткин встречались с молодыми поэтами, и Николай Николаевич отметил цикл Озерова «Разговор по душам». И в Москве он тоже внимательно следил за творчеством коллеги, был первым советчиком, пропагандировал его стихи, написал предисловие к сборнику «Светотень».

В свою очередь, Лев Адольфович, занявшись, наряду с поэзией, литературоведением, много писал об Асееве, даже в то время, когда имя его замалчивалось. Как-то «толкал» статью в «Литературную газету» четырнадцать месяцев.

Сейчас он член комиссии по литературному наследию Николая Николаевича, недавно с его предисловием вышла книга «Родословная поэзии», подготовленная к изданию А. М. Крюковой и С. С. Лесневским. В ней собрана проза поэта – статьи, воспоминания, письма, являющаяся, по мнению Озерова, образцом поэтического и научного слова.

Готовы к публикации мемуары и критические статьи Льва Адольфовича о поэтах, начиная с 10-х годов и до его сверстников и учеников. Здесь не только поднят огромный пласт старой русской культуры, одним из последних «могикан» которой является сам Озеров, но уравнены в правах, например, А. Ахматова и Б. Пастернак с В. Звягинцевой и М. Петровых – недооцененными поэтессами того же времени. Пусть они остались в тени, но это та почва, на которой росли великие...

Мы только начинаем открывать место многих писателей и поэтов, в том числе, Н. Асеева в контексте литературы XX века. Тем более важно

определить истоки его искусства, роль в поэтической плеяде его молодости. Трудность, однако, в том, что, по желанию самого автора, литературоведы долго не говорили о его раннем творчестве, связанном с футуризмом. Вплоть до вспышки русского авангарда, когда стало возможным появление монографии И. О. Шайтанова «В содружестве светил». Игорь Олегович показал Асеева как выходца из поэтической культуры футуризма, так или иначе сохранившего ее на всем протяжении творчества.

Одно из последних исследований Шайтанова посвящено литературным отношениям 20-х годов. Асеевская поэзия рассматривается им в одном ряду с творчеством Е. Замятина и Б. Пильняка, чьи имена являлись символами так называемого «право-левацкого блока», в контексте возвращаемой и пока еще не раскрытой литературы.

А молодой ученый Олег Олегович Столяров пытается по-новому установить связи между Н. Асеевым, Б. Пастернаком и М. Цветаевой. В творческих поисках этих художников в 1910-1930 годах он усматривает их духовное единение, проявляющееся в стремлении к смелому поэтическому эксперименту, абсолютном слухе на слово, использовании традиций, идущих от библейских сказаний.

Н. Н. Асеев прожил большую жизнь в искусстве, и каждый этап его творчества интересен как зеркало общественной и литературной ситуации того или иного времени. Яркой вспышкой таланта отмечены 60-е годы, на которые также обращено пристальное внимание асееведов. Одним из самых деятельных вокруг поэта людей был в это время С. С. Лесневский, ныне старший научный сотрудник Института мировой литературы имени Горького. Он составлял и редактировал книгу «Зачем и кому нужна поэзия», ему принадлежит заслуга ее композиционного построения, акцентировки статей.

Асеев внимательно прислушивался к советам Станислава Стефановича, хотел предстать перед молодыми читателями не архивным литератором, а их современником. Выступив глашатаем перелома в советской поэзии, он привлек к себе внимание как к действующей фигуре тех дней.

В 60-е годы появляется его «Лад». Именно Лесневский предложил Николаю Николаевичу собрать эту книгу стихов последних лет. Конечно, не все они равноценны, и то, что писалось, допустим, под влиянием антицерковной пропаганды, не назовешь удачей. Но Асеев жив теми стихами, которые шли против идеологического течения, и лучшие Лесневский старался включить в «Лад». Например, «Песнь о Гарсиа

Лорке» – произведение о беззащитности поэта перед грубой силой тирании. Но цензура была начеку. И вновь осталась неопубликованной антивоенная «Надежда»...

Даже время хрущевской «оттепели» было не простым для русской литературы. Из тех, кто начинал свой поэтический путь вместе с Асеевым, оставались только Ахматова и Пастернак. Но они и тогда сказали свое новое слово в искусстве, эти последние поэты «Серебряного века». Прожившие несколько эпох стали предтечей современности.

– С расцветом этих прекрасных «стариков» совпала моя юность, – говорит доктор филологических наук, профессор Ивановского государственного университета Л. Н. Таганов. – Когда вышел «Лад», я понял, что Асеев – мой поэт.

Занявшись изучением творчества Николая Николаевича, он познакомился с Оксаной Михайловной, и ему посчастливилось стать у нее «домашним» человеком. Она допустила Леонида Николаевича к рабочему столу мужа, подарила книгу «Некрасов и Маяковский» В. Рымашевского с его пометками. На этом материале Таганов подготовил интереснейшее сообщение для научной конференции во Льгове – «Асеев о некрасовской традиции в советской поэзии» – и, как ни жаль ему было, передал эту книгу в экспозицию Хухрину.

Леонид Николаевич написал более 300 статей об Асееве, вдохновляясь его поэзией, его образом жизни, может быть, уходящим все дальше, но по-своему прекрасным.

– Я ощутил ток горячей крови поэта и если бы мог, изобрел бы эликсир Асеева и давал его всем молодым исследователям литературы. Впрочем, он необходим не только в молодости...

Сегодня Льгов называют одним из самых литературных городов России. И возлагают на него большие надежды в изучении и пропаганде творчества Н. Н. Асеева, который кое-где уже именуется «забытым писателем XX века». Его произведения издаются мало и плохо, молодежь практически с ним незнакома.

Пока мы можем надеяться только на выход «Избранного», которое подготовил к печати И. О. Шайтанов. Эта книга лирических поэм и стихотворений очень оригинальна по структуре. В нее вошли сборники Асеева в том виде, как они были опубликованы при жизни автора, начиная с 1914 года. В том числе, ставший библиографической редкостью «Зор», изданный еще до революции в несколько десятков экземпляров и воспроизведенный в «Избранном» факсимильно.

Литературоведы готовы приступить к подготовке полного собрания сочинений Н. Асеева. Мечта, которую они вынашивают уже лет пятнадцать. Но всем хорошо известны полиграфические трудности. Может быть, их помогут преодолеть Курск и Льгов? Ведь к нам возвращается наш земляк Николай Николаевич Асеев, молодой и современный, свободный от идеологических пут и архивной пыли.

Будем же благодарны тем людям, которые нам его открывают!

«Курская правда» 26 августа 1990 г.

Грачев А. А.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И ПОЭТИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО НИКОЛАЯ АСЕЕВА

Аннотация: В статье представлены основные направления творчества Н. Н. Асеева. Проведен анализ его поэтического метода художественного освещения событий страны. Раскрываются особенности содержания и форм его поэтического творчества. Дается оценка вклада Н. Асеева в советскую поэзию.

Ключевые слова: Теория стиха, практика стихосложения, лексика, поэтический синтаксис, ритмика, рифма, фоника, дольник, тактовик, акцентный стих.

Важным условием развития выдающейся личности поэта Николая Асеева стал невиданный доселе всплеск в начале XX века народного интереса к русской и советской литературе, прежде всего, – к поэзии, которая буквально вышла на улицы и площади страны.

Поэтический опыт Николая Николаевича Асеева насчитывает более 50 лет. Он начал писать стихи еще в Курском реальном училище и продолжал до конца своих дней. В период его обучения в Московском коммерческом институте в 1911 году в журнале «Весна» выходят его первые стихи. В течение творческой жизни Н. Асеев опубликовал более 80 поэтических сборников [1, с. 92]. Его творчество привлекает многих известных советских и российских литературоведов и литературных критиков. О нем писали О. П. Смола, Д. М. Молдавский, Л. Н. Таганов, Ю. А. Мешков, И. О. Шайтанов и другие.

Большая доля истины – в словах, что талантливый человек талантлив во всем. Это подтверждает жизнь и деятельность поэта Н. Асеева. Он известен также как переводчик на русский язык стихов украинских, прибалтийских, польских, чешских и западноевропейских

поэтов, среди которых – украинец Тарас Шевченко, испанец Федерико Гарсия Лорка, лидер Китая Мао Цзедун.

Н. Асеев внес определенный вклад в становление советского кинематографа как сценарист: он автор трех сценариев к фильмам. Сценарий к знаменитому кинофильму Сергея Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин» был создан Н. Асеевым в 1925 году совместно с Ниной Агаджановой. Этот фильм входит в десятку лучших фильмов всех времен и народов.

Широко известен Н. Асеев и как прозаик и мемуарист. Его считают одним из основоположников советской критики; достаточно назвать его работы о творчестве В. В. Маяковского. Всего перу Н. Асеева принадлежит более 70 литературно-критических работ [1, с. 92].

С большой надеждой он смотрит на зарождающееся племя поэтов-шестидесятников. Сотням из них Н. Н. Асеев оказал профессиональную помощь, хотя иногда их и критиковал. Он, будучи мастером слова, стремился быть и умелым педагогом, настройщиком на поэтическую волну молодых талантливых поэтов. Асеев был доброжелательным и тактичным членом комиссии по приему в Союз советских писателей, наряду с видными писателями К. Фединым, Ф. Gladковыми и другими. Стихотворение Николая Асеева «Посещение» (1960) прямо говорит о его добрых отношениях с поэтической порослью. Широко известный ныне поэт-шестидесятник Андрей Вознесенский так вспоминал о поэте-наставнике Н. Н. Асееве: «Я не встречал человека, который бы так беззаветно любил бы чужие стихи... так он цепко оценил В. Соснору и Ю. Мориц» [2, с. 160]. Это мнение об Асееве-педагоге подтверждает и его стихотворение «К молодым» (1962).

Как литературный критик Н. Н. Асеев в 1961 году издает книгу «Зачем и кому нужна поэзия», полную глубоких философских размышлений о поэзии. Несмотря на то, что Н. Н. Асеев в своей литературной деятельности, как правило, был новатором, в последние годы жизни он серьезно задумался о вопросах преемственности в отечественной литературе. Он отдает должное классикам и, прежде всего, А. Пушкину, М. Лермонтову, Ф. Тютчеву и А. Фету и, одновременно, говорит о важности для поэзии поэтов-новаторов В. Маяковского, С. Есенина, А. Твардовского и других крупных советских поэтов.

Писательский путь поэта Н. Н. Асеева – это тернистый путь постоянной эволюции, развития взглядов на человека, общество и литературу, путь самосовершенствования. Время, в которое жил Н. Асеев, смело можно назвать эпохой перемен. Взгляды писателей

кардинально менялись, так как круто менялась и сама жизнь в стране и в мире. Он, в отличие от многих поэтов серебряного века, прожил долгую жизнь, и она была насыщена постоянным поиском своего стиля в поэзии. Поэтому мы остановимся на изучении его поэтического метода отображения мира и рассмотрении особенностей содержания и форм его поэтических произведений.

Начинается его путь в поэзию с увлечения символизмом, затем он становится футуристом, занимаясь формой стиха, историческими летописями и народными сказаниями. С приходом Великой русской революции (1917-1920) и особенно – с развертыванием в стране гражданской войны Н. Асеев начинает отходить от фантазий и формализма, стремясь к художественному отражению новой революционной действительности. Он теперь исповедует принцип служения трудящемуся народу. Даже в его любовной лирике появляется, кроме личного, и общественное звучание. С принятием на Первом съезде советских писателей в 1934 году метода социалистического реализма он становится его сторонником, хотя и не был его ярким пропагандистом. Если в 10-20 годах XX века Н. Асеев отрицательно относился к классической литературе XIX века, то уже в 40-е годы он пересматривает свои убеждения и призывает использовать достижения писателей-реалистов: от А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова – до Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского для совершенствования советской литературы. С приходом хрущевской «оттепели» Н. Асеев вновь пересматривает свои взгляды: он выступает за разнообразие в методах художественного отражения действительности. Невзирая на непрерывную смену подходов к стихосложению, смену литературных направлений, новаторство в поэзии, можно утверждать, что у него был стержень, четкая гражданская позиция, делавшая его цельной личностью, а его литературный почерк – непохожим и высокохудожественным. Он всегда оставался русским человеком, патриотом страны, стремился быть близким и преданным своему народу. Художественный мир поэта Н. Асеева тоже был неоднороден. Его поэзия отличается обилием различных тем, жанров, поэтических образов, тропов, стилистических фигур и форм стихосложения. Однако все это объединяло и наполняло асеевским духом одно качество его поэзии – он был лириком по своей природе. В поэме 1925 года «Свердловская буря» он так сказал о себе: *«Я лирик / по складу души, / по самой / строчечной сути»* [3, с. 184].

Исследователи поэтического творчества Н. Асеева, как правило, выделяют четыре периода его литературной деятельности: I. 10-е годы

XX века; II. 20-е – 30-е годы XX века; III. 40-е годы XX века; IV. 50-е годы – начало 60-х годов XX века. Наиболее плодотворны были 20-е годы и годы хрущевской «оттепели».

Увлечение молодого Н. Асеева в начале XX века авангардным течением в литературе – футуризм, ориентировало его не придавать особого значения идейно-художественному замыслу произведения. После революции 1917 года и, особенно, в 20-е годы XX века, Николай Асеев активно включился в процесс культурного просвещения трудящегося люда, в ход подготовки к техническому перевооружению народного хозяйства. Перед деятелями литературы был поставлен вопрос о создании литературного героя нового времени. В галерее поэтических героев у него – декабристы, Н. Г. Чернышевский, герой Гражданской войны С. М. Будённый, советский лидер В. И. Ленин и многие другие. Вершиной его поэтического творчества стала поэма о друге, великом советском поэте В. В. Маяковском «Маяковский начинается» (1936-1939, 1950).

На мой взгляд, свое поэтическое кредо Н. Н. Асеев четко изложил в кратком стихотворении, написанном вскоре после войны, в 1947 году: *«Вещи – для всего народа, / строки – на размер страны, / вровень звездам небосвода, / в разворот морской волны. / И стихи должны быть такие, / чтобы взлет, а не шажки, / чтоб сказали: «Вот – стихия», / а не просто: «Вот – стишки»* [3, с. 404].

В его стихах чувствуется планетарный размах, он, как романтик и мечтатель, живет будущим, верит в скорое счастье, добро и справедливость в стране, где главной движущей силой является человек созидательного труда. Большое внимание он также уделял темам любви и дружбы.

К сожалению, многие литературоведы и критики называют Н. Асеева «тенью» В. Маяковского, но на наш взгляд, это далеко не так. Так, признанный в серебряном веке литературы знаток поэтики Валерий Брюсов считал Николая Асеева даже более талантливым поэтом, чем Владимир Маяковский. Н. Асеев был лучшим другом Маяковского и, опубликовав в 1940 году поэму «Маяковский начинается», становится первым и главным маяковедом в стране и сосредотачивает свои усилия на разработке программы изучения его творчества. Н. Асеев начал борьбу за возрождение образа великого поэта уже в 1930 году. Он написал ряд страстных статей, выступал на Первом съезде советских писателей в 1934 году в защиту поэзии В. Маяковского.

Как известно, общественную значимость творческой личности характеризует его патриотизм, отношение к своей стране – большой

Родине и, одновременно, – к малой. Поэтому важно отметить цикл его стихов «Курские края». Он состоит всего из семи стихотворений, посвященных родине поэта – городам Льгову и Курску, Соловьиному краю, где прошла его юность.

Уровень поэзии, ее качество во многом определяется широтой взглядов поэта, смелостью и актуальностью поднимаемых им проблем. Однако, на весах истории не меньшее значение имеет и его вклад в литературу: в теорию стиха и практику стихосложения. Поэт Николай Асеев вошел в советскую поэзию как знаток поэтики и мастер искусства версификации, т. е. стихосложения. Он один из немногих поэтов прошлого века, кто внес значительный вклад в развитие поэтической лексики, поэтического синтаксиса, фоники и ритмики стиха. Поэт-шестидесятник Андрей Вознесенский высоко отзывался о своем наставнике Н. Н. Асееве, заявив однажды, что не знает большего знатока теории стиха и стихосложения.

Поэзию Николая Асеева можно назвать возвышенной, образной, метафоричной. Поэтический лексикон Н. Н. Асеева невероятно богат и состоит из множества слов и словосочетаний. В его поэтической речи широко представлены такие поэтические тропы (обороты, образы), как сравнения, метафоры, оксимороны, метонимии, олицетворения, эпитеты, гиперболы, литоты и другие художественные приемы. Он умело использовал сравнения, у которых, в отличие от метафор, есть вспомогательные союзы «как», «словно», «будто». Несколько меньше у него собственно метафор (скрытых сравнений), заключающихся в переносе признака с одного предмета на другой на основании сходства. Его метафоры разнообразны: есть и простые, и сложные (развернутые), но, как правило, индивидуально-авторские: «спины гостиниц», «чашка неба», «лабиринт рифм», «жизнь осыпается пачками денег», «слон небес шумит свирепо», «уши шумящего города», «зубы, тоской сжав», «ночи звездный рассыпанный шрифт». Его индивидуально-авторская метафора «стальной соловей» стала символом эпохи преобразования аграрной страны в промышленную державу.

Исследование творчества Н. Асеева показало, что у него был своеобразный поэтический синтаксис. Художественная выразительность и эмоциональная окраска поэтической речи достигается не только подбором слов, но и строением словосочетаний и, прежде всего, предложений, а также определенной интонацией. Как известно, интонационно-синтаксическое своеобразие достигается с помощью стилистических и риторических фигур поэтической речи.

Наиболее распространенной разновидностью стилистических фигур являются повторы. Среди них выделяются анафора и эпифора. Анафора, как повтор созвучий или одинаковых слов, строк, строф или фраз в начале поэтической речи, широко используется Николаем Асеевым в его стихотворениях. Эпифора, как противоположный прием, встречается в его творчестве несколько реже. Например, в одном из лучших своих стихотворений, обращенном к современникам, – «Остаться самим собой» (1958) – Н. Асеев использует эпифору и четыре четверостишия из семи он завершает фразой «оставайся самим собой». Особое место среди стилистических фигур занимает синтаксическая инверсия – нарушение обычного порядка слов в предложении, которая служит для создания ритмико-мелодической организации речи или выделения какого-либо слова. Излюбленным синтаксическим приемом Николая Асеева можно считать такую стилистическую фигуру как парцелляция, суть которой состоит в расчленении фразы или строки на части. Одним из типичных приемов парцелляции для В. Маяковского и Н. Асеева стала «лесенка». В ней стих (поэтическая строка) разбивался на короткие строки. Лесенкой написаны многие поэмы и стихотворения Н. Н. Асеева, в том числе, главный труд его жизни и творчества – поэма «Маяковский начинается» и многие другие.

Поэтический словарный запас Н. Асеева необычайно богат, отличается непохожестью, своеобразием, в его произведениях много слов из славянской мифологии, народного фольклора, русских сказок, песен, былин, пословиц.

Поэтические произведения Николая Асеева отличает пристальное внимание автора к звуковой организации речи (фонике). Фоника усиливает эмоциональную и художественную выразительность стихотворной речи поэта, делает ее благозвучной и красивой. Как известно, символисты и футуристы, к которым относился и Н. Асеев, широко использовали звукопись, звуковые повторы гласных (ассонанс), как правило, ударных и повторы согласных (аллитерация), а также повторы в стихотворении похожих или одинаковых слов. Он постоянно работает с таким сильным средством фоники, как рифма (композиционно-звуковой повтор), который придает речи мелодичность, напевность. Напевный стих был у многих русских поэтов: В. Жуковского, А. Фета, Н. Некрасова, А. Блока, К. Бальмонта, его друга В. Маяковского и других. Стих Асеева – распевный, мелодично-протяжный, он, по мнению большинства литературных критиков, напевнее и лиричнее, чем у Маяковского.

Мы видим умелое использование автором звукописи, звуковых повторов в виде ассонанса – ударной гласной «о», аллитерации: согласные «ч», «з», «д». Его любовная лирика разных лет насквозь пронизана музыкой. Достаточно почитать его стихотворения «Через гром» (1916), «Пять сестер» (1956) или «Простые строки» (1960). Напевно звучат слова в стихотворении, посвященном жене «Не за силу, не за качество...» (1926): *«Не за силу, не за качество / золотых твоих волос / сердце враз однажды начисто / от других оторвалось»* [3, с. 213].

К сожалению, Н. Асеев, особенно в ранних стихах, часто идет от звука, не очень обращая внимание на смысл стихотворения. В последний период жизни он делает упор на смысле стиха, что характерно для его философской лирики. Однако и его стихи-размышления по-прежнему мелодичны. Благозвучны и гармонично звучат его стихотворения: «Стихи мои из мяты и полыни» (1956), «Песнь о Гарсиа Лорке» (1956-1958), «Мед и яд» (1960). Красотой и гармонией наполнено стихотворение «Пять сестер» (1956): *«Я каждый день, проснувшись думаю / при утреннем рассыпчатом огне, / как должен я любить тебя, звезду мою, / упавшую в объятия ко мне!»* [3].

Огромную роль в звуковой организации речи, как считал Н. Н. Асеев, играет рифма – композиционно-звуковой повтор в конце двух или нескольких строк. Рифма придает стиху благозвучие и ритмичность. Н. Асеев в статье «Наша рифма» назвал рифму «универсальным и родовым признаком поэзии» и много работал над ней, став одним из создателей новой рифмы. В XIX веке в поэзии преобладала точная рифма, в которой главную роль играл повтор ударной гласной и следующих за ней заударных окончаний, гласных и согласных звуков. К сожалению, в период золотого века арсенал рифм был невелик, структура рифмы менялась медленно. Рифм в русском стихосложении было чрезвычайно мало, об этом еще сожалел А. С. Пушкин.

Серебряный век ознаменовался новаторским поиском необычных рифм. Поэты-символисты и футуристы стремились использовать рифмы, которых ранее не было в практике. Новый вид рифмы начали разрабатывать символисты и, прежде всего, В. Брюсов и А. Блок, однако окончательно оформили ее футуристы. В. Я. Брюсов признавал, что завершили этот процесс футуристы Б. Л. Пастернак и Н. Н. Асеев. Немалую роль в этом сыграл и В. В. Маяковский. В новой рифме важную роль стал играть не только ударный гласный звук, но и опорный согласный, предшествующий ему, а сходство окончаний после ударного звука стало желательным, но не обязательным. Действительно, когда

совпадают опорные предупредительные согласные звуки, это делает рифму богатой. Примером такой рифмы могут служить у Н. Асеева «штрих – шриффт», «металла – взметало», «ребенок – забубенных». Символисты и футуристы стали широко использовать составную рифму и рифмы омонимическую и паронимическую. В ранних стихах Н. Асеева широко представлены авторские составные рифмы: «глаза ест – заезд», «в крови дымку – выдумку», «стихов лот – холод», «ветошью – рассвета шью». Арсенал рифм у Н. Асеева огромен, не случайно он считал себя «рифмачом».

Ритмическая картина стиха в России основана на силлабо-тонической системе стихосложения, введенной в 30-е годы XVIII века В. К. Тредиаковским и М. В. Ломоносовым, которая была усовершенствована литературоведами и поэтами золотого века. В серебряный век, когда к поэтической деятельности подключился Н. Н. Асеев, эта система была подвергнута серьезному реформированию. Новое дыхание получают тонические и силлабические размеры стиха, которые используют фольклорные и песенные мотивы. Популярными становятся дольник, тактовик и акцентный стих (форма чисто тонического стихосложения), которыми написаны многие его, особенно, ранние стихотворения, основанные на фольклоре и славянской мифологии. Дольник – это вид стиха, основанный на неравном слоговом составе, это промежуточная форма между силлабо-тоническим (метрическим) и чисто тоническим (дисметрическим) стихосложением. Термин «дольник» имеет более широкий смысл, чем слово «стопа»: стопы в силлабо-тонической строке всегда равносложны (или двусложны, или трехсложны), а доли в дольниковой строке могут быть то двусложны, то трехсложны. В дольнике колебание безударных слогов между сильными местами (иктами) допускается от 1 до 2 [4, с. 147].

Тоническое стихосложение допускает произвольное количество безударных слогов в строке, но следит за количеством ударных. Это требовало особого чувства ритма, чтобы скрыть ритмическую инверсию, перебои ритма. Н. Асеев был одарен редким чувством ритма. Настоящий поэт – носитель ритма. Это хорошо ощущается в его ранних работах, например, в стихотворении 1916 года «Венгерская песнь», написанном широко распространенным в начале XX века дольником.

Характерен для поэзии Н. Асеева и такой размер русского тонического стихосложения, как «тактовик», в котором объем безударных слогов между сильными местами (иктами) колеблется в диапазоне: 1-2-3 слогов [4, с. 153]. Пропуски ударений на сильных местах

редки. Именно в творчестве В. А. Луговского, И. Л. Сельвинского и Н. Н. Асеева окончательно оформляется тактовик в советской поэзии. Примером тактовика в поэзии Н. Н. Асеева можно назвать стихотворение 1924 года «Реквием».

Особо следует сказать о новом оформлении ритма стиха – «лесенке», заимствованного Н. Асеевым у А. Белого и В. Маяковского. Лесенка – это форма стихотворения с разрывами строк на определенном поэтом слове. В ней автор проводит членение строк ритмическим делением на части. Традиционная пунктуация не позволяла сделать необходимые акценты на конкретном слове, передать смысловую или звуковую деталь, нюанс произведения. Многие поэмы и стихотворения Н. Асеева написаны лесенкой, в том числе одни из лучших его стихотворений «Перебор рифмы», «Соловей», «Песнь о Гарсия Лорке», поэмы «Лирическое отступление», «Синие гусары», «Маяковский начинается» и другие.

Чисто тонический ритм в его стихотворениях представлен и акцентным стихом (фразовиком, ударником). Развитие акцентного стиха в первой трети XX века В. Маяковским, Н. Асеевым и их единомышленниками оказало существенное влияние на развитие русской и советской поэзии. В чисто тоническом стихе Н. Асеева делается акцент на ударении, что придает ему искренность и глубину. В акцентном стихе ритмичность определяется только счетом ударных слогов, количество безударных слогов между ними различно: от 0 до 6 слогов, но, как правило, более 3. Иногда в рифмуемых строках – по равному количеству ударений, а иногда – нет. В акцентном стихе единицей ритма является слово, а не слог или доля [4, с. 154-155]. Примером чисто тонического (акцентного) стиха может быть стихотворение «Объявление» (1915).

Акцентный стих широко используется Н. Асеевым во многих его стихотворениях. Так, в 6-й главе «Голос докатывается до Петербурга» поэмы «Маяковский начинается» Н. Асеев использует такой размер стиха, как фразовик (акцентный стих с повествовательной интонацией).

Важно отметить, что Николай Асеев, особенно в последние годы жизни, часто пишет стихи и классическим метром, как и многие его коллеги 50-60 годов XX века; однако, он использует и дольник, и тактовик, и ударник. Необходимо отметить, что современные поэты С. Куняев, Е. Рейн, А. Передреев, И. Бродский и другие также широко использовали и используют дольник, тактовик, акцентный стих и классический силлабо-тонический стих.

Изучение творчества Н. Н. Асеева показало, что его вклад в поэтику и практику стихосложения значителен. Он обладал собственным, ни на кого не похожим, поэтическим стилем.

Нельзя не сказать и о некоторых заблуждениях и ошибках поэта Н. Асеева. Так, он был одним из авторов журналов Союза воинствующих безбожников. Его атеистическую деятельность вряд ли можно занести в актив творчества писателя. В начале своего творческого пути Н. Асеев выступал как противник урбанизации страны, но в 20-е годы он, осознав свою ошибку, становится одним из первых ее сторонников. Хотя и с некоторыми оговорками, но он придерживался метода социалистического реализма в литературе, приукрашивавшего жизнь советского общества. При этом следует отметить, что он редко в своих работах говорил об этом методе. Следует отметить и недостатки стихотворного стиля Н. Асеева. Ритм в его стихах, особенно ранних, не всегда выдержан.

Однако, невзирая на это, личность писателя Н. Н. Асеева – масштабна и чрезвычайно интересна. Его влияние на развитие советского общества и, особенно, на литературу – велико. Поэзия Н. Н. Асеева и сегодня актуальна. Николай Асеев не просто поэт – это лирик по складу души, поэт-мыслитель, его поэтические образы были и остаются опознавательными символами советского времени.

Библиографический список:

1. Грачев, А. А. Строки, согретые сердцем [Текст] : литературные и публицистические очерки и философская лирика / А. А. Грачев. – 2-е изд., доп. – Курск : Славянка, 2018. – 256 с.
2. Вознесенский, А. Мне четырнадцать лет... [Текст] / Андрей Вознесенский // Новый мир. – 1980. – № 9. – С. 155–174.
3. Асеев, Николай Николаевич. Стихотворения и поэмы [Текст] / Н. Н. Асеев ; [сост., предисл. и коммент. И. Шайтанов]. – Москва : Художественная литература, 1990. – 511 с.
4. Гаспаров, Л. Русский стих начала XX века в комментариях [Текст] / Л. Гаспаров. – Изд. 2-е, доп. – Москва : Фортуна Лимитед, 2001. – 288 с.

Бубнов А. В.

БУКВОЛОГИКА И ВЫСОКИЕ ИГРЫ В СТИХОТВОРЕНИИ НИКОЛАЯ АСЕЕВА «ОБЪЯВЛЕНИЕ»

«Ветерком рассветным обвеваем,
заполняя улицу собой,
затевал он игры...»

(Н. Асеев «Маяковский начинается»)

Аннотация: Стихотворение Николая Асеева «Объявление», написанное в 1915 году, сочетает в себе несколько различных новых по тем временам поэтических стратегий, одна из которых – буквология (авторский термин А. В. Бубнова), т. е., выстраивание смыслов, образов и музыки стиха через работу на уровне буквы (звукобуквы), через игры с буквами и словами. В статье прослеживаются связи поэтики Н. Асеева с творчеством В. Маяковского, В. Хлебникова и др., также отмечаются христианские (религиозные) мотивы...

Ключевые слова: Николай Асеев, музыка стиха, буква, буквология, звукобуква, игра, тонический стих.

Стихотворение Николая Асеева «Объявление», написанное в 1915 году, сочетает в себе несколько различных новых по тем временам поэтических стратегий, ими насыщалась русская поэзия 1910-х годов в контексте бурных событий: сначала предчувствие, а затем уже и начало Первой мировой войны, которая стала настоящим шоком для всего человечества, и одновременно с этим – предчувствие революции... Владимир Маяковский предсказывал: «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год» («Облако в штанах», 1914-1915). Но до Маяковского и с большей точностью – Велимир Хлебников: «Не стоит ли ждать в 1917 году падения государства?» («Учитель и ученик», 1912)... Поэзия стала обращаться к массам, она социализировалась. То, что происходило здесь и сейчас на улицах, стало остро волновать поэтов. Это революционно преобразовывало поэтику, ее методы, образы, технику...

Собственно в самом названии стихотворения «Объявление» проявляется его генезис: совершенно нейтральная по духу рекламная фраза «Продажа овса и сена» служит в итоге истоком общего пафоса текста автора и соответствующих далеко уже «не нейтральных» эмоций... И все это – через «затевание игр», по Асееву-Маяковскому. Но сначала воспроизведем стихотворение Николая Асеева полностью.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Я запретил бы «Продажу овса и сена»...
Ведь это пахнет убийством Отца и Сына?
А если сердце к тревогам улиц пребудет глухо,
руби мне, грохот, руби мне глупое, глухое ухо!

Буквы сигают, как блохи,
облепили беленькую страничку.

Ум, имеющий привычку,
притянул сухие крохи.

Странноприимный дом для ветра
или гостиницы весны –
вот что должно рассыпать щедро
по рынкам выросшей страны.

Заметно, как автор пытается уйти от интонаций Владимира Маяковского, варьируя от строфы к строфе и длину строк (иктов в тоническом стихе), и принципы рифмовки, «откладывая» перекрестную рифмовку Маяковского лишь на финал. В целом автору это удастся, однако главное не в этом – «Объявление» Николая Асеева ярко выделяется другими составляющими своей поэтики...

Да, ранний период творчества Асеева связан с Маяковским, для которого категория «улицы» и объявлений являлась часто прямым текстопорождающим фактором, ср. игры Маяковского тех лет, вплоть до анаграммы и стиховой палиндромии:

У-
лица.
Лица
у
догов
годов рез
че. Че
рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы (...)

(В. Маяковский «Из улицы в улицу», 1913)

Показательно свидетельство художника Льва Жегина, который был одним из иллюстраторов первого сборника Маяковского «Я!» (1913): «Была весна. Весело глядело голубое небо, ярко пестрели вывески и витрины магазинов. Маяковский был в несколько приподнятом благодушном настроении и, по своему обыкновению, острил, играя словами. В Леонтьевском переулке (ныне ул. Станиславского) был тогда целый ряд антикварных магазинов. Ковры, картины и фарфор. – Фарфор, – читает Маяковский, шевеля челюстями. – Фарфор-роф-раф» [1],

то есть игра буквами, анаграмма, палиндромия, буквология в целом, все эти «бисерные» технические приемы были общими у Маяковского и Асеева, и, несомненно, оба поэта влияли друг на друга...

Буквологику (то есть анализ на уровне буквы, «работу» поэта на уровне буквы) невозможно отделить от логики всего стихотворения, его общей композиции, структуры... «Малое» и «большое» сходятся в «Объявлении» Николая Асеева в единстве формы и содержания.

Стихотворение состоит из 3-х четверостиший. Объединяет их тоника, тонический стих, «рваный» тонический «тонус», который (в отличие от несколько «вялой» в данном контексте силлаботоники) очень точно на уровне ритма передает военно-предреволюционную «тревогу улиц» (по Асееву) или резкие «лица улиц» (по Маяковскому). «Ударный» ритм тоники у Асеева густо «заполняется» смелыми неожиданными образами и смыслами...

На основе практики тех же Асеева и Маяковского (и многих других представителей Серебряного века) известная формула «ОМ» («образ и мысль») позже была логично дополнена Николаем Заболоцким и оформлена в симметричную аббревиатуру «МОМ»: «Поэт работает всем своим существом одновременно: разумом, сердцем, душой, мускулами. Он работает всем организмом, и чем согласованней будет эта работа, тем выше будет ее качество. Чтобы торжествовала мысль, он воплощает ее в образы. Чтобы работал язык, он извлекает из него всю его музыкальную мощь. Мысль – Образ – Музыка – вот идеальная тройственность, к которой стремится поэт» [2].

Буквология тоже «работает всем своим существом одновременно»: логикой композиции, магией русской азбуки, музыкой звуков и образов звукобукв, игрой их сочетаний, ассоциаций, символов... Ср., например, строку с «густой» буквологией от Осипа Мандельштама тех лет: «Полон музыки, Музы и муки...» («Дождик ласковый, мелкий и тонкий...», 1911).

Музыка стихотворения Николая Асеева лучше всего поддается анализу тогда, когда мы, кроме буквологии (мой авторский термин, А. Б. [3]), призовем на вооружение термин «звукобуква», применяемый в фоносемантике.

*Я запретил бы «Продажу овса и сена»...
Ведь это пахнет убийством Отца и Сына?*

Так называемая «каламбурная» рифма Маяковского доведена здесь у Асеева до абсолюта формы и глубочайшего смелого смысла: «овса и

сена» преобразовывается в «Отца и Сына», правда, с поправкой на «осторожность» знака вопроса, будто сам автор «испугался» от своего буквологического «открытия»... С буквологической точки зрения важны совпадения начал и концов слов (инициалей и финалей), а также их длина: все (!) 4 словоформы состоят из 4 букв (звукобукв). Подсознательно весь этот комплекс воспринимается как «квадрат» (отсылка к Супрематизму Казимира Малевича с его «новой религиозностью?»).

Рифменная пара «сена / Сына» относится к типу диссонансной рифмы с заменой ударной гласной, но с неизменностью предударной и заударной частей. В буквологическом аспекте здесь простая техника метаграммы (игры с заменой одной звукобуквы). Аналогично этому принципу, слово «Отца» в речи сводится к «отса» (метаграмма от «овса»), а вся эта рифменная пара явно отсылает через ту же метаграмму к слову «овца», с его символическим библейским смыслом, сводящимся к паре «овцы / пастырь»; в контексте «Объявления» читаем шире: «толпа (страна) / поэт», «буквы (в строке) / поэт» и т. п. Попутно имеем в виду тезисы «Поэт – Бог (Творец)» и «Бог (Творец) – Поэт». Вот такие серьезные смыслы и ассоциации дает нам внимательное «буквологическое» чтение первой строфы стихотворения Николая Асеева.

В христианском аспекте здесь не иначе как «вопиет» отсутствие третьей составляющей: «Отца и Сына (и Святого Духа)». Для исследователя логичен вопрос: где же эта составляющая? Куда делась?.. Видимо, в 1915 году «Духа» стало не хватать (ср. речевой штамп «снижение духовности»)... И, вслушиваясь далее, мы «находим» некоторое «мерцание» недосказанного в играх-совпадениях звукобукв: «Ведь эТО / сВяТОГо», «ТреВОГАм / сВяТАГО», «грОХОТ / свяТОГО» (палиндромическое «движение» звуков и букв), наконец, рифма «глухо / ухо / (Духа)»:

*А если сердце к тревогам улиц пребудет глухо,
руби мне, грохот, руби мне глупое, глухое ухо!*

Автор сам себя «накручивает» (говоря современным языком), свои эмоции, свою интонацию, звук... Общий смысл сводится примерно к следующему тезису: «почувствуй сам сердцем своим, услышь эту тревогу улиц с их людьми, митингующими, протестующими, несущими транспаранты, эту тревогу улиц с их самыми разными смыслами, текстами, буквами...». А в ином случае, как в Библии, «...ибо лучше для

тебя, чтобы погиб один из членов твоих» (Мф., 5:29) ... либо парадоксально отсылая к Винсенту ван Гогу (?) с его отрезанным ухом...

Возможно, Асеев здесь ассоциирует себя и с толпой из поэмы «Облако в штанах» (1914-1915) Маяковского, который, обращаясь к (Деве?) Марии, вопрошал: «Мария! Как в зажиревшее ухо втиснуть им тихое слово?».

Мне думается, уместно здесь процитировать Л. Н. Рягузову – исследователя творчества ярчайшего литературного «игрока» XX века Владимира Набокова. В своем «понятийном словаре» Рягузова, анализируя «игровые» идеи Набокова, его работу над текстом, определяет искусство как «божественную игру»: «Эти два элемента – божественность и игра – равноценны» [4]. Ср. ниже аналогичное, но гораздо более раннее «свидетельство» Василия Кандинского, завершающее данную статью.

Музыка стиха в «Объявлении» Николая Асеева нарастает к последней строке первого 4-стишия за счет повторов звукобукв, по ходу используется та же метаграмма (глуПое, глуХое): «РУби мне, гРОхот, РУби мне гЛУпое, гЛУхое [глУХОе] УХО!».

Во второй строфе «Объявления», не оставляя стратегию парадоксальных сравнений и метафор, поэт уходит в более холодное «сухое» рацию, в большее «УМствование», в наблюдения над «беленькой страничкой», в «бисерную», почти отрешенную высокую Игру, которая контрастирует с сильными эмоциями первой строфы и подготавливает финальную третью строфу.

*БУКВЫ сигают, как БЛОХИ,
облепили беленькую страничку.
Ум, имеющий привычку,
притянул сухие КРОХИ.*

Музыка, звукопись, интонация этой строфы несколько другие... Буквология здесь основана собственно на слове «буквы» (важно – в форме множественного числа): «буквы / блохи / крохи», комплекс из трех 5-буквенных слов, с их отчасти общими и/или парными буквами; на этой «триаде» и «держится» вся строфа.

В финальном 4-стишии заголовков «Объявление» несет уже оттенок смысла, который содержится, например, в словосочетании «объявление войны»; это уже некое «ЗАявление», декларация, манифест, призыв: «Странноприимный дом для ветра или гостиницы весны – вот что должно рассыпать щедро по рынкам выросшей страны».

«Странноприимный дом» (устар.) – это «богадельня», ср. в 1-й строке «...Отца и Сына», то есть «Бога». Слово «богадельня» так и расшифровывается – «Бога ради», созданная «для Бога», «ради Бога», «Бога продлевая...», «Бога для...» (буквологически: «богаДеЛьнЯ»). Но автор тут же – в следующем слове, ставшим современным предлогом «для» – делает метафорический «перенос» к образу ветра, вряд ли ветра в смысле «ветра перемен» (ср. мотив ветра у Александра Блока в поэме «Двенадцать»), скорее с древним («языческим»?) оттенком смысла, или пантеистическим, восточным, всерелигиозным, всемирным?.. Ср. название антологии современных литовских хайку «Дом для ветра» (2009), составленного Артурасом Шиланскасасом (Литва).

В следующей строке автор предполагает, для чего еще понадобится этот «дом»: «...или [для] гостиницы весны» – еще одна метафора, тоже «языческая» (?), напоминающая о том, что весна суть гостя; однако сильнее здесь смысл другой, а именно – это метафора позитивная, оптимистическая, ведь весна – это возрождение природы. И этого возрождения автор желает всей стране, которая «вырастает» по весне (в надежде новой жизни?): «...вот что должно рассыпать щедро по рынкам выросшей страны». Возникают еще, по меньшей мере, два образа: щедрого посева и переосмысленного (в сравнении с началом стихотворения) рынка – рынка большой страны. Через игры ума с буквами на «беленькой страничке» автор приходит в финале к публицистическому обобщению, к убедительному призыву, конгениальному лучшим манифестам Владимира Маяковского. Ср. также у Велимира Хлебникова: «*На бегучие сини / Ветер сладостно сеет / Запахом маслины...*» («Крымское»), «*Ветер, песни сея, / Улетел в свои края*» (там же).

Уход от образа «БУквы» к более широким образам объективно показывает статистика звукобукв: в последнем 4-стишии нет ни одной (!) буквы «Б» и ни одной (!) буквы «У», которые в финале «затемнили» бы фоникку и образ, которые уже «отслужили» автору в предыдущих двух 4-стишиях. Эти буквы символизировали само слово «БУква», а от него автор уходит к финалу. На первые 8 строк приходится ровно 8 звукобукв «Б», а на звукобукве «У» вообще держатся обе первых строфы – 10 и 7 букв «У» соответственно, то есть в сумме 17!.. И... ни одной в последних 4 строках!

Первые 2 стиха последнего 4-стишия в своей «смягченной» интонации напоминают стиль Велимира Хлебникова... Кроме того, это квази-двустиишие можно рассматривать как панторифму с преобладанием

«И» в левой части (при «поддержке» «Н»), и началом слов на «ВЕ...» в правой:

*страННопрИИмНый дом для ВЕтра
Или гостИНИцы ВЕсны (...)*

Кроме всего прочего, музыка стиха подкрепляется внутрстиховой буквологикой: «гоСтиНицЫ веСНЫ» (с намеком ли на некие «сны» для «страны»?)... В противоположность гласной «У» гласная «Ы» распределена по всему стихотворению более-менее равномерно, с нарастанием к последней строке, где все три ударения (все три икта в тоническом стихе) содержат «Ы», а таких ударений автор старательно избегает в предыдущем тексте, исподволь подготавливая яркую звуковую аранжировку финала, прибавляя раскатистое «Р»:

*вот что должно РассЫпать щедРо
по РЫнкам вЫросшей стРанЫ.*

Теперь замечаем, что «мягкая» вторая строка финального 4-стишия (о гостинице (-цах?) весны), в которой нет ни одного звука «Р» и обе «Ы» безударны, с точки зрения эвфонии и буквологии драматургически оттеняет и подготавливает пафос последнего «двустишия».

Отметим дополнительно и другие повторяющиеся комплексы звукобукв (а с ними и смыслов, и образов, и музыки) финальной строфы: «сТРАнноприимный / ...веТРА», «СТРАНноприимный [т. е. принимающий СТРАНников] / ...выросшей СТРАНЫ». Ср. термин «оСТРАН(Н)ение», введенный Виктором Шкловским, автором знаменитой книги «Воскрешение [NB!] слова» (1914). Термин «останение» введен Шкловским в 1916 году. Смысл этого понятия заключается в задаче писателя сделать предмет восприятия странным, цель – вывести читателя «из автоматизма восприятия»...

Завершить размышления о буквологике «Объявления» Николая Асеева мне хотелось бы цитатой из письма его современника художника Василия Кандинского, в котором ключевые обобщающие слова – художник, игра, музыка – обретают более широкие символические смыслы (вплоть до тех же религиозных), относящиеся и к поэтике раннего Николая Асеева, и к Серебряному веку, и в целом к русскому авангарду – едва ли не единственному российскому «прорыву», который в XX веке существенно повлиял на все мировое искусство: «Игра! Да, действительно! Все, что делает художник, есть только игра. Он мучается,

старается найти выражение для своих чувств и мыслей, он говорит посредством цвета, формы, рисунка, звука, слова и т. д. Для него вопрос “зачем” является малосущественным. Он только знает, “почему”. Так создаются произведения искусства <...>. Так я делаю все: это уже готово внутри меня и находит свое выражение. Когда я играю таким образом, каждый нерв вибрирует во мне, все мое тело наполняется музыкой, и Бог находится в моем сердце» (В. Кандинский, из письма к Г. Мюнтер, 10 августа 1904 года, цит. по [5]). ...Много позже, в 1938 году, нидерландским историком и культурологом Йоханом Хейзингой был опубликован знаменитый ныне трактат «Homo Ludens» (с лат. «Человек Играющий»).

Библиографический список:

1. Жегин, Л. Ф. Воспоминания о Маяковском [Текст] / Л. Ф. Жегин // В. Маяковский в воспоминаниях современников. – Москва : Гослитиздат, 1963. – URL: http://az.lib.ru/m/majakowskij_w_w/text_0212.shtml. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения 23.06.2019).
2. Заболоцкий, Н. Мысль – Образ – Музыка [Текст] / Н.Заболоцкий // Избранные произведения : в 2 томах. – Москва : Художественная литература, 1972. – Т. 2. – URL: http://www.poesis.ru/poeti-poezia/zabolot/frm1_poez.htm. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения 23.06.2019).
3. Бубнов, А. Преломление слова как хлеба, или Буквология Анны Альчук [Текст] // Дети Ра. – 2009. – № 11 (61). – URL: <http://magazines.russ.ru/ra/2009/11/bu7-pr.html>. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения 23.06.2019).
4. Рягузова, Л. Н. Система эстетических и теоретико-литературных понятий В. В. Набокова [Текст] : понятийно-терминологический словарь / Кубанский госуниверситет. – Краснодар, 2001. – С. 26.
5. Аронов, И. Кандинский. Истоки. 1866-1907 [Текст] / И. Аронов. – Москва: Мосты культуры, 2010. – URL: <http://www.kandinsky-art.ru/library/kandinsky-istoki18.html>. – Заглавие с экрана. – (Дата обращения 23.06.2019).

Лагутич М. С.

«Я ЛИРИК ПО СКЛАДУ СВОЕЙ ДУШИ...»

Аннотация: Статья посвящена основным вехам жизненного и творческого пути известного русского поэта, переводчика и сценариста уроженца г. Льгова Николая Николаевича Асеева.

Ключевые слова: Советская поэзия, творчество, литераторы, революция, Владимир Маяковский, Льгов, Союз писателей, музей поэта.

*Потому не дни, не имена я, –
Тёмный страх в подзорье затая,*

*Лишь тебя по брёвнам вспоминаю,
Дом мой, сон мой, молодость моя!*

Н. Асеев

В большинстве литературных исследований, публикаций, энциклопедий Николай Николаевич Асеев называется «...одним из талантливейших советских поэтов». Чего греха таить, сейчас не то что в стране, но и во Льгове, на его родине, трудно встретить человека, помнящего произведения поэта. Если мне не верите, спросите на улице прохожих. Знают, что есть улица Асеева, областная библиотека его имени. Но читали ли они Асеева? Трудно сказать. Я советую – почитайте! Он действительно внес свой заметный вклад в советскую поэзию, да и человеком был интересным, доброжелательным, много знающим.

Обычно, о детских годах известных людей вспоминают другие, те, кто был рядом, но никак не «засветился», а тут вдруг возникла возможность заявить о себе, рассказывая как с будущей знаменитостью «ели кашу». С Николаем Асеевым получилось по-другому. Он сам рассказал о своем детстве так поэтично и подробно, что добавлять, кажется, нечего: «...впечатления детства остаются самыми яркими и откладываются в памяти гораздо прочнее, чем впечатления других – последующих возрастов». Наверное, каждый подтвердит эти слова Н. Асеева.

Николай Асеев рано осиротел при живом отце. Общего между ними почти ничего не было. Страховой агент был человеком конкретным, не совсем удачливым, лишенным воображения. *«Мы с отцом собрались к заутрене. Встали ранним – рано, сели на крыльчке дожидать первого удара колокола к службе. И вот, сидя на этом деревянном крыльчке, глядя на конопляник и соседнюю слободу, я вдруг понял, как прекрасен мир, как велик и необычен. Дело в том, что только что взошедшее солнце вдруг превратилось в несколько солнц – явление в природе известное, но редкое. И я, увидев нечто такое, что было сродни рассказам деда, а оказалось правдой, как-то весь затрепетал от восторга. Сердце заколотилось быстро-быстро.*

– Смотри, папа, смотри! Сколько солнц стало!

– Ну что из этого? Разве никогда не видал? Это – ложные солнца.

– Нет, не ложные, нет, не ложные, настоящие, я сам их вижу!

– Ну ладно, гляди, гляди...».

Воспоминания об отце занимают мало места в творчестве поэта. О матери, умершей очень рано, почти не говорил. Другое дело – воспитавшие его дед и бабушка. Им он был благодарен всю жизнь.

Судя по воспоминаниям поэта, они действительно были личностями неординарными. Она – сказительница и певунья непревзойденная.

«И все же главным моим воспитателем был дед. Это он рассказывал чудесные случаи из его охотничьих приключений, не уступавшие ничем по выдумке Мюнхгаузену. Я слушал, разинув рот, понимая, конечно, что этого не было, но все же могло быть...».

Еще более подробно о детстве он напишет в 1957 году в автобиографических очерках «Моя жизнь» и «Путь в поэзию».

Конечно, детские воспоминания во многом идеализированы. Дед – Николай Павлович Пинский имел чин губернского секретаря. С ноября 1878 года по 15 марта 1890 года работал смотрителем уездной больницы. Эта должность была чисто хозяйственной. Характер имел совсем непростой, независимый, возможно и неуживчивый. Прослужив 12 лет, требует надбавки выплаты к жалованью за все годы, чего и добивается!

Вероятно, занимается также дачей денег под проценты. Иначе как можно объяснить прошение в суд о взыскании с должников – крестьян Алексея Мищенко 18 рублей, а с Ильи Баклагина аж 300 рублей, сумма очень нешуточная. Причем жили эти крестьяне в разных деревнях.

Интересные воспоминания друзей детства будущего поэта – П. Д. Загородних и М. С. Богомазова записал С. В. Лагутич. Они опубликованы в районной газете и, по сути, только дополняют деталями воспоминания самого поэта.

Из Льгова дед отвез десятилетнего Николая в Курск, где тот поступил в реальное училище. Характерно то, что мальчик стал жить не в семье отца, а у дяди, Василия Николаевича. Значит, отношения с отцом были весьма прохладными. Из всех предметов Николай больше всего любил русский язык и впоследствии заметно отличался знанием предмета даже в среде литераторов.

Наступил 1905 год, в Курске, как и в других городах России, революционные волнения. Асеев вместе с друзьями принимает в них участие. Об этом он вспоминает:

*Не захлопнуть ли вновь урок,
Сухомяткой не лезущий в глотку,
Не пойти ль провести вечерок
На товарищескую сходку?*

В 1909 году Асеев получает аттестат об окончании училища и на лето приезжает во Льгов, вероятно, в последний раз. И вот что зафиксировано в архивном документе: «1909 г. мая 23 дня Львовский

уездный исправник, усматривая из произведенного дознания, что студент Николай Николаев Асеев, дворянин Николай Владимиров Санцевич, Константин Владимиров Курлов, купец Александр Иванов Степин и дочь чиновника Мария Федорова Сафонова показанием свидетелей... уличаются в том, что в ночь на 23 мая позволили себе публично петь в городском саду революционные песни. А потому усматривая в этом деянии признаки нарушения пункта 3 обязательных постановлений изданных Курским Губернатором 3 июля 1907 г. ... Постановил: ...как вредных общественному порядку, подвергнуть аресту при Льговской тюрьме...». Вот плоды пребывания в студенческой среде! И ведь под арест попал уже не в первый раз. Как вел себя под арестом Н. Асеев мне неизвестно. Но его товарищ подает прошение: «...заклученного во Льговской уездной тюрьме студента Императорского Университета 3 курса юридического факультета Константина Владимировича Курлова. Честь имею покорнейше просить Ваше Высокородие разрешить пользоваться книгами для чтения, приносимыми из дому и осматриваемыми г. начальником тюрьмы. А в особенности лекциями для подготовки к экзамену и пользованию бумагой, чернилами и перьями». Ничего не скажешь, хороших же юристов готовила для себя власть!

Осенью Николай Асеев уезжает в Москву продолжать учиться в Коммерческом институте. Это было желание отца. Но бухгалтерия совсем не в духе мечтательного юноши. Он быстро входит в круг известных тогда литераторов В. Лидина, Н. Огнева, Б. Пастернака, В. Брюсова, А. Белого, В. Хлебникова. Асеев примыкает к так называемым футуристам, призывавшим «...бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с «Парохода Современности». Они были «революционерами в поэзии».

Решающей становится встреча с Владимиром Маяковским, состоявшаяся в 1912 году. Эта дружба пройдет через всю жизнь поэтов. В 1914 году выходит в свет первая книга молодого Асеева «Ночная флейта».

Но, начинается мировая война и Николая Асеева, призывают в армию. В военных действиях ему участвовать не пришлось, да и желания такого не было. Солдатская служба ему явно не нравилась. После февральской революции Асеева избирают в Совет солдатских депутатов от 34-го стрелкового полка. Он был самым грамотным в этом Совете и получил направление на учебу в школу прапорщиков, находившуюся в Иркутске. И вот, начинающий поэт садится с молодой женой в поезд и ... проезжает мимо Иркутска до самого Владивостока. А в планах намерение

ехать еще дальше от войны – на Камчатку или даже в Японию. Ведь то, что он сделал, всегда рассматривалось как дезертирство. О пребывании на Дальнем Востоке он напишет в книге «Дневник поэта».

Во Владивостоке Асеева застала Октябрьская революция, заявившая «Декретом о мире» об окончании войны и он является в Совет рабочих и солдатских депутатов, где получает должность помощника заведующего биржей труда. Одновременно сотрудничает с местной газетой. Вскоре во Владивостоке начинают хозяйничать интервенты и на город нацеливаются орудия японских крейсеров. Асеев приступает к редактированию местной газеты, но своими стихами полностью поддерживает большевиков:

*Товарищ – Солнце! Высуши слёз влагу,
Чьей луже душа жадна.
Виват! Огромному красному флагу,
Которым небо машет нам!*

Он решительно принимает сторону Красной Революции: «Мне бы хотелось писать только о боях искусства, но тяжелыми шагами их пересекают бои за власть».

Во Владивостоке поэт создал два цикла стихов: «Заржавленная лира» и «Стихи сегодняшнего дня». Отношение к революции уже более осторожное:

*Смерть несёт через локоть двустволку,
Немы сосны и звёзды молчат.
Как же мне, одинокому волку,
Не окликнуть далёких волчат!*

Так и кажется, что это строки Владимира Высоцкого. В них какая-то безысходная растерянность, заброшенность. Россия, залитая кровью, зримо встает перед нами:

*Тебя расстреляли – меня расстреляли,
Мы вместе любили, мы вместе дышали,
В одном наши щёки горели бреду.
Уходишь? И я за тобою иду!*

Как было не растеряться в вихре событий восторженному, романтичному юноше. И он ли был один таким? По обе стороны баррикад стояли тысячи ничего не понимавших молодых людей. Асеев

ищет опоры и совета у Маяковского. Часто пишет ему, интересуется событиями в столице. Прожив во Владивостоке четыре года, переезжает в Читу, из которой нарком Луначарский, по просьбе Маяковского, телеграммой вызывает его в Москву. Там собираются лидеры советской поэзии. Ох, как они стали нужны новой власти! Кто же еще будет разъяснять народу преимущества нового строя. Асеев приехал настороженным, ведь отсутствовал целых пять лет, помнят ли его еще? Но встреча с Маяковским развеяла все сомнения и Николай Николаевич сразу же включается в литературную жизнь столицы, а значит, и всей республики. Ранний Асеев резко выступает против привычных, мещанских форм жизни. Мотивы его стихотворений бунтарские. И словесные эксперименты оттуда же. Рассматривать творчество писателей тех лет надо с учетом влияния времени. О том периоде хорошо сказал А. Толстой: «То было время, когда любовь, чувства добрые и здоровые считались пошлостью и пережитком... Девушки скрывали свою невинность, супруги – верность. Разрушение считалось хорошим вкусом, невращения – признаком утонченности». Асеев старается не отставать от собратьев по перу и часто пишет так:

Ай, дабль, даблью.

Блеск дозн. Стоп. Лью!

Дан кран – блеск, шип, пар, вверх пляши!

Но ведь до этого, в 1924 году, вышла в свет прекрасная поэма «Лирическое отступление», где говорится:

Читатель, стой!

Здесь часового будка,

Здесь шик и крик.

И лозунг. И пароль.

А прежде –

здесь синела незабудка

весёлою мальчишеской порой.

Чувствуете? Он не может изменить своим друзьям по поэзии, модным веяниям, но лирика так и притягивает.

Самым ярким представителем советской поэзии становится Владимир Маяковский. А Асеева больше знают как друга сначала В. Хлебникова, затем В. Маяковского. Рядом с ними он выглядит как бы в тени. Но Николай Николаевич на их фоне совсем не затерялся, а остался

самим собой, независимым и индивидуальным. Крупный поэт Илья Сельвинский, нередко выступавший против Асеева, должен был признать: «Сила Асеева в том, что это прежде всего – личность. Можно не помнить его стихи, не знать ни одной строчки, но когда говоришь «Асеев» – перед тобой возникает силуэт, у которого нет двойника!». Сам Маяковский ставит его рядом с собой фразой, которая будет сопровождать Асеева всю жизнь: «... есть у нас еще Асеев Колька, этот может. Хватка у него моя». А один из поэтических лидеров того времени Валерий Брюсов утверждает: «Николай Асеев едва ли не самая яркая фигура нашей поэзии сегодняшнего дня». Но со всех сторон сыплются критические замечания, упреки в измене, отсутствии вкуса. Пришлось в защиту друга выступать Маяковскому, самому постоянно травмируемому. Асеев отвечает оппонентам: *«Я лирик / по складу своей души, / по самой / строчечной сути»*.

Он нашел свою дорогу в поэзии, дорогу которой останется, верен всю жизнь. Его признали и нередко стали ставить выше Маяковского, ведь Асеев более понятен и близок читателю. С этим Асеев никогда не согласился. Сами они никогда не противопоставляли себя друг другу и их отношения не омрачались завистью или соперничеством. Хотя Маяковский и забирал себе целые асеевские строчки, чего и не скрывал. Позже Николай Николаевич признавал: «Мы были товарищами не только по воздуху молодости, не только по возрастным впечатлениям. Его локоть я почти всегда чувствовал у своего...».

С другими поэтами было сложнее. Споры – кто главнее в поэзии возникали постоянно. Известен случай, когда для выяснения отношений к Асееву заявился Сергей Есенин, а хозяина дома не оказалось. Есенин достал бутылочку, посидел-посидел, все выпил, обиделся, высморкался на память в скатерть и ушел. Но этот случай просто курьезный. Бывало и серьезней, когда писались доносы, устраивались провокации.

В 1926 году публикуется одно из самых лучших и выразительных стихотворений «Синие гусары». Не зря его включали в свой репертуар самые известные чтецы, в том числе и Г. В. Артоболевский. Вслушайтесь в ритм:

*Раненым медведем
мороз дерёт.
Санки по Фонтанке
летят вперёд.
Полоз остер –
полосатит снег,*

*чьи это там
голоса и смех?*

Мало кто лучше и более емко сказал о декабристах:

*Я тебе отвечу,
друг дорогой, –
гибель не страшная
в петле тугой!
Позорней и гибельней
в рабстве таком,
голову выбелив,
стать стариком.*

«Синие гусары» вошли в золотой фонд поэзии советского периода. Но еще не забываются опыты с рифмой, новаторством стихосложения:

*Днепор! Кипящие пясти!
Черноморец! В тёмную бороду!
Впутал! И рвёшь на части!
Гирло подставив городу!
Слово? – Нет, оплыву я
вечноглубые эти жалобы.
Зашиби лыбу большую,
белолобая глыба палубы.*

В феврале 1927 года, вместе с Владимиром Маяковским, Николай Николаевич приезжает в Курск с целью проведения литературных встреч. Проходили выступления в самых крупных залах города, при большом стечении народа. Днём Асеев водил друга по Курску, показывал достопримечательности, заходил и к своим родственникам, у которых раньше жил. Но времени для посещения Льгова не оставалось. Да там уже никого и не осталось, никогда он не вспоминал и друзей детства.

Особое место в творчестве поэта занимает цикл «Курские края». В него вошло семь стихотворений. На деле получилась поэма о детстве и юности. Если в воспоминаниях он писал о Льгове как об обычном унылом уездном городке, здесь уже воспевал «соловьиный край»:

*... а за ним, меж дубов, у ворот
Князь-Барятинского парка,
их насеяно невпроворот, так,*

*что небу становится жарко.
Тут и там, и правей и левей,
в семь колен рассыпаются лихо, –
соловей, соловей, соловей,
лишь внимать поспевай соловьяха!*

Асеев уже известный, признанный поэт, давным-давно не бывал на родине. Но каким радостным, ностальгически щемящим чувством созданы строки:

*Стойте ж да бывайте здоровеньки!
Вас не тронет лесть или хула,
Люшенка да Нижни Деревеньки,
Тенькавише в донь колокола.
Стойте крепче. Вы моё оплечье,
вы мои деды и кумовья,
вы моё обличье человечье, Курские края.*

Он снова вспоминает своего любимого деда:

*И я, его выросший внук,
когда мне приходится худо,
лишь злую подушку примну,
всё вижу в нём Робина Гуда.
Зелёные волны хлебов,
ведущие с ветром беседу,
и первую в мире любовь
к герою, к охотнику – к деду.*

После смерти Маяковского Асеева, хотя публицистом и трибуном он не стал, воспринимают как последователя и продолжателя. Пишет много, но публикуются, в основном, стихи агитационные. Несколько раз пытается обратиться к Сталину, жалуясь на притеснения. Но вот, в декабре 1935 года Сталин заявил, что «... Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его памяти и произведениям – преступление». А через две недели Асеев публично заявляет, что начал писать о своем друге роман в стихах. У него появилась возможность высказаться. Главным произведением Асеева стала поэма «Маяковский начинается». Закончил он ее в 1939 году. Поэма стала главным событием в поэтическом мире тех лет. 15 марта 1941 года автору была присуждена Сталинская премия за выдающееся

литературное произведение. Поэма не укладывалась в рамки обычной биографии, это был литературный памятник своему другу, без которого, возможно, не состоялся бы и сам Асеев. Это прощание с увлечениями молодости – футуристическими и лефовскими.

К нему, как к ведущему поэту со всей страны едут за советом и помощью начинающие литераторы. Вот как он сам описал один из таких визитов: «Приехал товарищ, который бросил работу фрезеровщика на заводе, принес громадные кипы стихов. Я спрашиваю, что нужно.

– Все продал, развелся с женой, приехал сюда. – Поставил чемоданы.

Он читал мне часа три свои стихи. Я ему объяснил, что это безнадежная вещь, что не надо ходить по редакциям, а он сказал:

– Нет, приду в Союз писателей. Скажи по-товарищески, товарищ Асеев, сколько платят за строчку?

– У тебя нет таких строчек.

– Скажи сколько?

– Два рубля.

– Если примут десятую долю того, что я написал, значит 5 000 рублей. Я на это согласен».

Много времени отнимала общественная работа. В то время отказаться от нее было невозможно. Асеев входит в комиссию по приемке в Союз писателей, в правление Литературного фонда занимавшегося широким кругом вопросов по обеспечению быта писателей. Страстно увлекается охотой и большим теннисом, выступает даже в крупных соревнованиях.

В 1939 году широко отмечалось 50-летие Николая Николаевича Асеева. Он был признан ведущим современным поэтом. Газеты заполнились поздравлениями одному из руководителей Союза писателей страны. Значит, он устраивал власть, был ей нужен, писал стихи полезные. Но никто тогда и после не смог его упрекнуть, что льстил, мол, перед властью. Конечно, он понимал, что в стране творится совсем не то, о чем они мечтали с Маяковским. Сгинули в лагерях два брата его отца. Не зря в эти годы он в значительной мере уничтожил свой архив, чтобы, если что, не повредить себе и своим друзьям. Вызывает большое уважение к Асееву-человеку то, что когда начиналась очередная травля не только кого-либо из друзей, но даже из литературных недругов, Асеев никогда не принимал в этом участие, как бы его не просили и чтобы за это не обещали. Он всегда оставался человеком порядочным, со своим

понятием о чести. Поэтому все чаще стали обходить его стороной награды и премии, все реже стали печатать.

В опале Асеев не был никогда. Бывали критические в его адрес статьи и выступления. Но имели они скорее характер отеческих наставлений. После смерти «вождя народов» в творчестве поэта наступает новый всплеск. Признано, что самое плодотворное творческое время у писателя, это были двадцатые годы и последние. Все самое лучшее создано тогда. Он писал и в промежутке, немало и хорошо. Но время было такое, что кто высывался, тот терял голову. Мы не знаем, что сочинялось ему тогда в мыслях, безусловно, что-то было. Но публиковались хотя и неплохие, но рядовые для такого поэта произведения.

Вот что написал поэт А. Вознесенский: «Асеев, пылкий Асеев со стремительным вертикальным лицом, похожим на стрельчатую арку, фанатичный, как католический проповедник, Асеев «Синих гусар» и «Оксаны», менестрель строек, реформатор рифмы. Он зорко парил над Москвой... Я не встречал человека, который так беззаветно любил бы чужие стихи. Артист, инструмент вкуса, нюха, он, как сухая нервная борзая, за версту чуял строку... Асеев – катализатор атмосферы, пузырьки в шампанском поэзии... Он рыцарски отражал в газетах нападки на молодых скульпторов, живописцев».

В 1948 году неожиданно для себя, Асеев получил письмо от Льговского краеведа С. В. Лагутича. Переписка не носила регулярного характера и, к сожалению, сохранилась не вся. Мне известны 3 письма: 10.08.48 г., 29.01.49 г., 30.04.58 г. и отдельное письмо пионерам от 07.03.61 г. Все они были переданы в музей Асеева.

Позже эти письма цитировались и в центральных изданиях. В письме от 10 августа 1948 года Асеев обещает отыскать и прислать ставшие библиографической редкостью первые издания книг с его стихами: «... книги Вам постараюсь добыть – запрошу букинистов». Затем он сообщает о своем намерении побывать в родном краю: «... Во Льгов я обязательно приеду. Во второй половине сентября, числу к 20-25. Идет?». Но он так и не приехал. Из Москвы шли фотографии, книги. А одно из самых интересных писем просто нельзя не привести: «Здравствуйте, Семен Викторович! Задумали Вы хорошее дело написать о нашем родном городе, освежить его историю, которая является частицей истории всей нашей области, богатой своим прошлым. Курская область – древний рубеж России, принимавшая на себя удары ордынских набегов первую, была щитом всей нашей земли. И недаром в

названиях ее поселений до сих пор звучат забытые смыслы. Взять хотя бы имена ее городов: Рыльск, Суджа, Обоянь, Путивль – все это дышит какой-то забытой историей. Рыльск врылся в землю, защищая ее от набегов, Суджа – место судебных разборов дел округа, Обоянь несет в себе значение объятности, ... т. е. власти, обладания. О Путивле говорить не приходится – он еще в «Слове о полку Игореве» упомянут. Даже названия сел у нас необычно образны: Люшенка, Сугрово, Городенск, все они что-то значили первоначально, большинство из них овеяно какой-то поэтической образностью. Что касается самого Льгова, то смысл его имени нужно отыскать и разгадать исторически. То ли это было древнее поселение Ольгово, то ли даны были ему какие-то льготы и отсюда стало его название... Все это значительно и интересно не только для Курской области, но и шире. Я рад, что находятся земляки, любящие свою родину и желающие поднять с наших мест дымку исторической затуманенности.

Что касается моей особы, то сведения обо мне весьма просты. Я родился и провел свою юность в домике, что выходил окнами на выгон перед Слободкою, прямо в конопляное поле... Справа был квартал, занимаемый домом помещика Борзенкова. Слева был домик, помню фамилию Воробьевых. Дед мой, Николай Павлович Пинский, был смотрителем городской больницы. Он был страстный охотник, рыболов, пропадал по неделям в полях и на реке. Он сам был из Орла. Бабка, Варвара Степановна Пинская была еще крепостной крестьянкой, вышла замуж за деда по страстной любви: он ее, кажется, и выкупил из неволи. Мать умерла рано, отец – страхового агента – все время был в разъездах, да и женился он во второй раз скоро, так что дед и бабушка, собственно, и были моими воспитателями. От деда я получил в наследство любовь к воле, к полям и лесам: от бабушки – рассказы о крепостном праве, о давней жизни и быте. Она была неграмотна, но памятью обладала превосходной. Была добра, работающая и в молодости, должно быть, очень красива. Моя память о Льгове самая добрая, несмотря на то, что быт в нем тогда был довольно-таки страшноватый, как и во всех уездных городах России: власть исправника почти неограниченная в своем произволе, купечество из старообрядцев, кулачные бои, горькое похмелье ремесленников, самодурство и чванство окрестных помещиков. Но густые заросли конопли, в которую мы мальчишками забирались как в девственный лес, но близость лесов и свежее дыхание реки, близость к народу, умному и работающему, окружающие меня с детства, были сильнее других впечатлений. И городок наш веселый на взгорье, с базаром

и говором окрестных крестьян, и парк с тысячами соловьев, и заросли ежевики над Сеймом, на песчаных берегах которого мы ребятами зажаривались дочерна, и пусканье «змеев» под облака, и игры в плиты на дорожке перед домом с соседскими ребятами – все это стало светлым образом детства. Обо всем этом я храню память и благодарность, как о свежем начале жизни.

Напишите мне про Льгов нынешних дней, про Ваш быт и жизнь, а я действительно уже давно подбираюсь к этой теме. Мною начата вещь под названием «Курская аномалия», не только о руде и железе грунтовых, но и о бесценной руде человеческих сердец, о крепкой железной жиле, на которой стоит наша область – железной жиле выносливости, терпения, мужества и силы народной. Ваш земляк Ник. Асеев».

Расширяет наше представление о детских годах поэта и письмо от 07.03.61 г. адресованное пионерам поселка Селекционный Льговского района: «Уважаемые ребята! Я вам искренне говорю, что топор, пила и лопата – любят утреннюю зарю! Освещает она на совесть их сияющие дела, и блестят они, запунцоваясь: лопата, топор и пила». Я нарочно выписываю эти стихи в строку, чтобы вам яснее стало, о чем они говорят. А говорят они о том, что труд становится блестящим, когда он начат рано, еще при утренней заре, которая и отражается в самых простых орудиях труда – пиле, лопате, топоре. Это – не нравоучение, не урок, а ощущение самим поэтом трудового усилия на утренней заре. И на ранней заре утра и на ранней заре возраста. Что же вам написать о Льгове? Я там не был давно и, наверное, он не тот, каким был при мне. Ведь это была почти деревня. На всей нашей улице было только три дома под железными крышами. Остальные под соломенными. Лучшее всего было на реке Сейм или как его называли местные жители – «На Семи». Самое большое впечатление у меня осталось от того, как я переплывал в первый раз восьмилетним мальчонкой реку туда и обратно. Это было на краю города, там, где был острог. Берег там высокий, песчаный и в нем гнездились стрижи. Мы их не трогали. Они считались «святой» птицей. Переплыл я реку со страхом и трепетом, а вдруг судорога ногу сведет! Но, переплыв и наевшись росшей на берегу ежевики, уже осмелел и назад плыл уверенно. О курском прошлом я написал целый ряд стихов – из них вы можете узнать все мною запомненное...».

Кроме писем были встречи и личные. С. В. Лагутич, будучи в Москве в 1950, 1953, 1954 годах, встречался с поэтом на его квартире по

ул. МХАТа, два раза был на его даче. К сожалению, воспоминания об этом затерялись. Однако, сохранилась запись о том, как зашел разговор об организации во Льгове музея поэта. Неожиданно, Асеев запротестовал: *«Никакого музея чтобы не было. Пусть будет обо мне память у льговчан – мои книги, моя любовь и память о всех льговчанах всех лет».*

В июле 1954 года в Москву на экскурсию директор Льговского дома пионеров повез группу кружковцев. Решили встретиться и с Николаем Николаевичем Асеевым. И вот, в 11 часов дня в Александровском саду у Кремлевской стены к нам подошел пожилой мужчина, выше среднего роста, одетый в белый костюм. Его сразу узнали. Каждому он пожал руку, и завязалась беседа. Видно было, что он очень рад встрече. Интересовался льговскими новостями, впечатлениями о Москве. Сам рассказывал, каким помнит Льгов. Обещал обязательно посетить родину. В киоске купил для всех мороженое и пирожные. Каждому подарил свою книгу, также просил передать книги с автографами в Дом пионеров, школу и в детскую библиотеку. Чувствовалось, что ему не хочется прощаться, просил писать почаще. Запомнилось, что поэт попросил, если кто помнит, прочесть хотя бы одно его стихотворение. Но по памяти никто не смог. Тогда погладил меня по голове и спросил: «Ну, а ты Мишук, стихи любишь?» На что я ответил: «Не-а». Конечно, Николая Николаевича все это очень расстроило и обидело, но вида он не подал. Известна фотография той встречи. Фотографировал отец, он попросил подойти к общей группе и меня, но по малолетству я заупрямился и стоял рядом с ним. Сейчас сожалею.

В последние годы жизни его стихи становятся философскими, в них мудрость прожитых лет. Как завещание звучат строчки:

*Я твердо знаю: умереть не страшно!
Ну что ж, упал, замолк и охладел.
Была бы только жизнь твоя украшена
сиянием каких-то добрых дел.
Лишь доживи до этого спокойствия
и стань доволен долей небольшой
чтобы и ум, и плоть твоя, и кости
пришли навек в согласие с душой...*

После смерти поэта переписка и встречи продолжались с вдовой – Ксенией Михайловной. Встал вопрос о музее. К этому времени деревянный дом (как писал Асеев) был обложен кирпичом, в нем были квартиры. Дом был старый, и горсовет принял решение его снести. Когда

об этом сообщили Ксении Михайловне, она тут же шлет телеграмму: «Льгов. Лагутичу. Приостановите слом дома-музея Асеева, комиссия будет писать Курскому обкому. Асеева».

В дело подключился секретарь Общества памятников истории и культуры С. А. Хухрин, взявший на себя все остальные хлопоты по организации музея и ставший его директором. Интересные дополнения к биографии поэта сообщил исследователь творчества Н. Н. Асеева кандидат филологических наук Ф. Ф. Майский. Он установил, что в молодости поэт учился танцам, поступил в МХАТ, говорил Майскому, что в нем боролись в юности два начала – театр и литература. Но, под влиянием Маяковского победила литература. Видимо, интерес к театру продолжался всю жизнь. Это подтверждает книжечка «Беседы о режиссуре» с такой надписью одного из авторов: «Николаю Николаевичу Асееву. Пишите пьесы. Вы сможете! С. Бирман. 14.01.39 г.».

Почему-то при жизни Н. Н. Асеева никто не поинтересовался его отношениями с другим знаменитым земляком – Аркадием Гайдаром. Кроме того, в это время проходили в Льгове детские годы другого писателя – В. Сафонова. Но, скорее всего, о своем землячестве они просто не знали. Первая встреча поэта и детского писателя зафиксирована в Ялтинском санатории Союза писателей в 1939 году. Хорошо, что сохранилась фотография. Об этом эпизоде вспоминал писатель Перцов: «На первом плане смотрящий на нас Гайдар, по соседству с ним в таком же плетеном кресле Асеев. Асеев писал в то время свою поэму: «Маяковский начинается» и был всегда в приподнятом настроении, вещь явно удавалась. И хотя открытого чтения он не устраивал, но по кусочкам, по строфам – произносил отдельные строки и даже отрывки. Часто спорили. Асеев – человек бешеного темперамента в споре, но переубедить Гайдара часто не мог».

В своем письме от 04.05.96 г. К. М. Асеева писала: «...Очень близких отношений у Николая Николаевича с Гайдаром не было. Очевидно, потому, что Асеев поэт для взрослых, а Гайдар – исключительно только детский писатель».

Хаипова Т. В.

«СПАСИБО ТЕБЕ, ГОРОДОК НА КАМЕ».

ЧИСТОПОЛЬСКИЕ СТРАНИЦЫ НИКОЛАЯ АСЕЕВА

Аннотация: В статье описывается жизнь советского писателя Николая Асеева в городе Чистополе ТАССР, где он находился в эвакуации с

августа 1941 по июнь 1943 гг. Рассмотрен быт, освещено литературное творчество Н. Н. Асеева, получившее в Чистополе военную (оборонную) направленность. Предпринята оценка роли Н. Н. Асеева в судьбах М. И. Цветаевой и Г. Эфрона.

Ключевые слова: Н. Н. Асеев, Чистополь, эвакуация, советские писатели, военное творчество.

Тема военного творчества советских писателей пристально исследовалась отечественными литературоведами. Основное внимание сосредотачивалось на работе писателей-фронтовиков, значительно меньше уделялось изучению деятельности тех, кто жил и работал в тылу. Незначительно исследован в этом ключе и «чистопольский период» советской литературы, насчитывающий десятки литературных произведений, написанных мастерами пера в годы Великой Отечественной войны. Среди московских «чистопольцев», самоотверженно трудившихся в эвакуации, был поэт Николай Николаевич Асеев, чьи оборонные произведения вошли в золотой фонд советской литературы.

Поэт прибыл в Чистополь с одной из первых волн эвакуации писателей в августе 1941 года с женой Ксенией Синяковой. Сюда же приехали ее сестры Вера Гехт, художница Мария Синякова-Уречина и пианистка Надежда Михайлова. Осенью М. Синякова отмечала в письме другу: «Приехали мы в Чистополь в очень подавленном настроении, только теперь стали приходить в себя. Работаем в колхозе, и это нам нравится. Живем мы все вместе. Николай пишет замечательную поэму о войне» [1, с. 94].

Можно предположить, что в одной из строк стихотворения «Москва-Кама» Н. Асеев выразил свое душевное состояние тех дней: «*Эх, Кама, упряма / четыре узла, / куда ты нас, мама, / скажи, завезла?*» [2, с. 16].

Первоначально Асеевы жили в здании городской школы № 1, размещаясь в одном из классов. В таких условиях поэт не имел возможности плодотворно работать. Было тесно и ему приходилось уходить в соседний холодный кабинет, где в уединении лучше писалось. В письме учащимся чистопольской средней школы № 1, написанном в 1950 году, Н. Асеев вспоминал: «...*Не в вашей ли школе я жил одно время в физическом кабинете с рядами пробирок и препаратов? Я писал там, уходя в дальний класс, свою поэму «Пламя победы»* [1, с. 272]. Отметим, что осенью Асеевы переехали на ул. Володарского, 69 (ныне ул. Ленина,

73). Здание сохранено до настоящего времени, на нем установлена мемориальная доска с именем поэта.

В Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) хранятся письма, раскрывающие подробности жизни поэта и его семьи в Чистополе. Частым адресатом писем сестер Синяковых был Мстислав Александрович Левашов, все письма к которому начинаются с обращения «Милый Гулливер!». Левашов получил это прозвище от Н. Асеева из-за своего высокого роста. Из чистопольской переписки известно, что сестры работали в колхозе, осенью собирали шиповник, Мария и Надежда поступили здесь в артель игрушки. Делали из папье-маше фрукты, овощи, а потом раскрашивали их красками, принимали участие в образовавшемся кукольном театре, это немного отвлекало от страшных мыслей и беспокойства за близких в Ленинграде.

На момент прибытия в город на Каме Н. Асеев был членом президиума правления Союза писателей СССР. Наравне с другими членами президиума, среди которых М. Исаковский, Б. Пастернак, К. Тренев, К. Федин, он активно включился в творческую, общественно-политическую и организационно-массовую работу. Следует сказать, что в первые месяцы все члены правления уделяли значительное время заботам об устройстве писательской колонии в Чистополе. В этом ключе стоит сказать, что Н. Асеев способствовал положительному решению вопроса о переезде М. И. Цветаевой в Чистополь. Бытует мнение о его отрицательной роли, но оно не может претендовать на истину. После трагической гибели Марины Ивановны Николай Николаевич поддержал прибывшего к нему из Елабуги сына поэта Г. Эфрона (Мура). Из дневниковых записей Г. Эфрона: «Асеев был совершенно потрясён известием о смерти М. И., сейчас же пошёл вместе со мной в райком партии, где получил разрешение прописать меня на его площадь...» [3, с. 8].

Первое выступление Н. Асеева в Чистополе состоялось в августе 1941 года на встрече чистопольцев с прибывшими из Москвы писателями и деятелями искусств, которая проходила в летнем театре парка культуры и отдыха им. К. Маркса. Здесь же выступали поэт-песенник М. Исаковский, драматург К. Тренев. [1, с. 279]. Уже с осени 1941 года Н. Асеев неизменно посещал творческие вечера, проходящие в Доме учителя, ставшего центром общения москвичей и чистопольцев. Члены правления союза писателей организовывали здесь литературные среды и тематические вечера, пользовавшиеся большим успехом [1, с. 9]. В Доме учителя Николай Николаевич выступал 12 раз. Интересна тематика

первого военного года. Так, 19 октября 1941 года на литературно-художественном вечере, посвященном В. Маяковскому, Н. Асеев выступал с докладом о нем, читал произведения всемирно известного поэта. 28 ноября 1941 года читал отрывки из воспоминаний Горького о Толстом на вечере, посвященном М. Горькому. 26 декабря 1941 года на вечере, посвященном советским партизанам, читал стихи Д. Давыдова. 28 января 1942 на очередной литературной среде читал свои новые лирические стихи. 7 февраля 1942 года на вечере «Ленин и литература» читал поэму В. Маяковского «В. И. Ленин». 11 февраля 1942 года на вечере, посвященном 105-й годовщине со дня смерти А. Пушкина, читал стихи великого русского поэта. 14 апреля 1942 года на вечере памяти В. Маяковского Н. Асеев сделал доклад «Поэт Маяковский», прочитал отрывок из поэмы «В. И. Ленин», стихотворение «Домой» [1, с. 289].

Николай Асеев бывал на уроках литературы в средней школе № 1 г. Чистополя. Из воспоминаний тогдашней десятиклассницы Н. Б. Майзит: «Он читал стихи Маяковского и рассказывал о дружбе с ним, зародившейся еще до революции. Говорил Асеев о друге горячо, взволнованно, страстно, так же и читал его стихи» [1, с. 289].

Поэт выступал на антифашистских митингах в городском театре, на платном вечере в фонд помощи детям, в районном агитпункте и в эвакогоспиталях города. Гонорар за многие выступления он передавал в фонд обороны [1, с. 280, 285].

Чистопольское творчество поэта было исполнено преданности фронту. Он очень чутко отреагировал на речь А. Фадеева, произнесенную в ноябре 1941 года в стенах Дома учителя. В ней указывалось на необходимость создания оборонных произведений. Стихи Н. Асеева чувственно выражали гнев народа, тревогу за судьбу Родины и торжество побед. 18 декабря 1941 года московское радио сообщило об осквернении фашистами Ясной Поляны. В тот же день в студию чистопольского радиовещания пришли К. Тренев, К. Федин, Н. Асеев, выступившие с гневными словами против злодеяния захватчиков. Николай Асеев прочел взволнованное, гневное, бичующее фашистов стихотворение «Шакалы в львиной обители» – грозный отклик, ставший близким каждому советскому человеку, пролетел вскоре над всей страной. Известность в СССР обрела патриотическая поэма «Пламя победы», стихотворения «Это медленный рассказ», «Будни войны», «Полет пухля» и др. [4, с. 16-18].

Немногочисленные, но проникновенные строки из Чистополя были востребованы в армейских изданиях. «Хочется от всей души и от имени

редакции поблагодарить Вас за прекрасные стихи. Чтение «Метели» было для нас настоящим праздником. Пишите нам, Николай Николаевич. Многие бойцы знают и любят Вас» [1, с. 100].

Единству тыла и фронта служили стихи и заметки Н. Асеева, печатавшиеся в республиканской газете «Красная Татария» и чистопольской «Прикамской коммуне». Так, 11 сентября 1941 года в газете «Прикамская коммуна» (подшивка за 1941–1942 гг. хранится в фондах чистопольского музея-заповедника) опубликовано стихотворение «На поля» [5, с. 1], в котором поэт призывает сельских тружеников собрать весь урожай. 5 мая 1942 года в газете «Водник Татарии» опубликовано стихотворение «Речникам Камы».

После войны Н. Н. Асеев с благодарностью вспоминал Чистополь. В письме к В. Д. Авдееву он писал: «...Он стал моим воспитателем в зрелые годы, он показал мне связь вещей и явлений ... в правдивом и трезвом освещении повседневно!.. Поклонитесь от меня Каме и деревьям Вашего садика и людям Вашего края» [6, с. 44]. Из письма чистопольским школьникам: «В памяти моей прочно остался Чистополь с его плодородной почвой, замечательной водой, свежим чистым ветром. В особенности он мне вспоминается зимой: с широкими улицами, обстроенными одноэтажными домиками, над крышами которых нависли белые снеговые наметы сверкающие днем при солнце радужной искрой. А вечерами огоньки, огоньки по окнам и тишина, мягкая, снежная, пуховая» [1, с. 272]. Отметим, что строки из чистопольской поэмы «Городок на Каме», сказанные от лица всех писателей, стали хрестоматийными:

*Спасибо тебе,
городок на Каме –
глубокий, надёжный
советский тыл,
что с нашей прозой
и стихами
ты нас не обидел
и приютил. [2, с. 21]*

В фондах чистопольского музея-заповедника хранится архив Г. С. Муханова, автора-составителя книги Чистопольские страницы. В нем хранятся письма, телеграммы и открытки деятелей литературы и искусства, их детей, эвакуированных в Чистополь во время Великой Отечественной. Эти письма – результат многолетней работы по созданию

книги. В них упоминается и Н. Асеев. Документы подтверждают, что два года жизни в Чистополе были для него очень плодотворными.

С 2009 года в здании Дома учителя был открыт литературный музей. Сегодня Литературно-мемориальный музей «Дом учителя» Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника проводит мероприятия, тематические вечера, музейные уроки, посвященные жизни и творчеству писателей, находившихся в нашем городе во время эвакуации. Здание музея ожидает реставрации. Планируется создание новых экспозиций, посвященных жизни и творчеству советских деятелей культуры в эвакуации в 1941-1943 годах. Здесь будут отражены М. Исаковский, Л. Леонов, Б. Пастернак, К. Тренев, А. Фадеев, К. Федин, М. Цветаева и др. Одним из видных московских «чистопольцев», чье оборонное творчество будет представлено в музее, станет Н. Асеев. Книга Н. Н. Асеева «Наша сила», подаренная автором в библиотеку Дома учителя, займет в нем достойное место.

Библиографический список:

1. Чистопольские страницы [Текст] / сост. Г. С. Муханов. – Казань, 1987. – 352 с.
2. Асеев, Н. Самые мои стихи [Текст] / Н. Асеев. – Москва : Правда, 1962. – 32 с.
3. Эфрон, Георгий. Дневники [Текст] : в. 2 т. / Г. Эфрон ; сост. Е. Б. Коркина, В. К. Лосская. – Москва : Вагриус, 2007. – Т. 2. 1941–1943 годы. – 368 с.
4. Литературный Чистополь [Текст] / сост. Д. В. Кондрашин, А. В. Печенкин. – Москва : Перо, 2015. – 264 с.
5. Асеев, Н. На поля [Текст] / Н. Асеев // Прикамская коммуна. – 1941. – № 73. – С. 1.
6. Чистополь литературный [Текст] : энциклопедия / авт.-сост.: Н. М. Валева, Р. Ш. Сарчин. – Казань : Заман, 2017. – 560 с.

Григорьевич В. Г.

ПОЭЗИЯ Н. АСЕЕВА – ПОЭЗИЯ, ПОЛНАЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ, БОРЬБЫ, ОПТИМИЗМА, СЧАСТЬЯ

Аннотация: В статье рассказывается о взаимоотношениях Н. Асеева и В. Маяковского, который открыл курянам их земляка; о взглядах Н. Асеева на роль поэта в жизни общества.

Ключевые слова: Поэзия, философские размышления, Владимир Маяковский, Оксана Синякова.

Н. Н. Асеева называют сегодня живым голосом времени. С Курской землей, ее раздольями и угодьями, с крутыми поворотами широкого Сейма связаны первые впечатления будущего поэта.

Родился Асеев в небольшом городке Курской губернии с необычным названием Льгов в 1889 году в одноэтажном домике в 4 комнаты. *«Не очень отличалось мое детство от жизни десятков соседских ребят, босиком бегавших по лужам после грозового дождя, собиравших «билетики» от дешевых конфет, обложки папирос и пивных ярлыков... Любили и другие игры. Например, поход в заросли, которые представлялись нам заколдованным лесом, где живут чудовища».*

Кто знает, может именно тогда, забираясь с друзьями в густые заросли, полюбил мальчишка слушать пение птиц:

*...Соловьями наш край знаменит,
он не знает безделья и скуки;
Он, должно быть, и кровь пламенит,
и хрустальными делает звуки... [1, с. 321]*

Именно Маяковский для курян открыл Асеева. Первый раз в Курск поэт приехал с небольшим выступлением перед рабочими в 1924 году. Второй раз это было уже в феврале 1927 года. Его концерт состоялся в Клубе Железнодорожников. Сейчас это Филармония-2 (здание бывшего Дома офицеров). О выступлении Маяковского рассказывает мемориальная доска, установленная на здании. Вот как один из очевидцев вспоминает тот вечер: «Открылся занавес, на сцену вышел Маяковский. Зал приветствовал его громом аплодисментов. Тут же недоброжелатели освистали поэта (не всем его творчество нравилось). На них обозлились, начали кричать. Но Маяковский был спокоен, стоял с высоко поднятой головой, широко расставив ноги и глубоко засунув руки в карманы. Как только воцарилась тишина, поэт подошел ближе к рампе и мощным голосом прокричал: «Здравствуйте!», чем и дал начало выступлению». Во втором отделении концерта Маяковский представил зрителям своего друга – поэта-курянина Николая Асеева, с которым был давно знаком и даже называл его ласково «Асейчик».

Встреча Асеева с Владимиром Маяковским летом 1913 года, по словам самого Асеева, изменила всю его судьбу: *«Наши взаимоотношения стали не только знакомством, но и содружеством по работе. Маяковский всегда заботился о том, как я живу, что я пишу. Я объездил с ним города Союза – Тулу, Харьков, Киев; совместно с ним*

*держались люди
во времена
глухого Керженца,
но вечно
этого не будет...
Мне кажется,
что власть и почести –
вода солёная
морская:
чем дольше пить,
тем больше хочется,
а жажда
все не отпускает. [1, с. 410-411]*

Вызывает уважение к Асееву-человеку и его однолюбчивость. Рядом с ним была только одна женщина – «несравненная Оксана». И никаких сплетен или намеков! Трудно встретить у других такие строки:

*...Я мало писал про неё:
про плечи её молодые;
про то,
как она справедлива,
доверчива и храбра;
про взоры её голубые,
про волосы золотые,
про руки её,
что сделали в жизни мне
столько добра... [1, с. 508]*

«Несравненная Оксана» вспоминает: «Горячо, страстно переживал он все, затрагивавшее его сердце, его ум и память. То, что его волновало, интересовало, он торопился запечатлеть на бумаге; он словно боялся не успеть высказать людям свои мысли...

В последний день его жизни, когда я пришла в больницу «Высокие горы», Николай Николаевич сел на постели и начал читать стихи. Со стихами уходил он из жизни...» [3, с. 34].

О чем бы ни писал Асеев – его стихи очень человечны, раздумчивы и полны внимания к людям.

Великолепно отражает это состояние души стихотворения «Что такое счастье? Соучастье...» (1957), «Решение» (1960).

О счастье поэт размышлял в стихотворениях «Что такое счастье? Соучастье» и «Решение». Счастьем может быть любой труд, любое деяние, но обязательно – на пользу людям:

*Что такое счастье? Соучастье
в добрых человеческих делах,
в жарком вздохе разделённой страсти,
в жарком хлебе, собранном в полях.
– Да, но разве только в этом счастье?
А для нас, детей своей поры,
овладевших над природой властью,
разве не в полётах сквозь миры?! [1, с. 413]
(«Что такое счастье? Соучастье»)*

*Я твердо знаю: умереть не страшно!
Ну что ж – упал, замолк и охладел.
Была бы только жизнь твоя украшена
сиянием каких-то добрых дел. <...>
Чтобы тебя не вялость, не усталость
к последнему порогу привели
и чтобы после от тебя осталась
не только горсть ископанной земли. [1, с. 392-393]
(«Решение»)*

Библиографический список:

1. Асеев, Николай Николаевич. Стихотворения и поэмы [Текст] / Н. Н. Асеев ; [сост., предисл. и коммент. И. Шайтанов]. – Москва : Художественная литература, 1990. – 511 с.
2. Асеев, Николай Николаевич. Путь в поэзию [Текст] // Родословная поэзии / Н. Н. Асеев. – Москва : Советский писатель, 1990. – С. 23–30.
3. Асеева, К. М. Из воспоминаний / [Текст] К. М. Асеева // Воспоминания о Николае Асееве. – Москва : Советский писатель, 1980. – С. 12–34.

Соколова Т. М.

ИЗДАНИЕ АУДИОКНИГИ «СТИХИЯ НИКОЛАЯ АСЕЕВА» В РАМКАХ ПРОЕКТА КУРСКОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ В. С. АЛЕХИНА «ПЕРЕЧИТАЕМ ВМЕСТЕ»

Аннотация: В статье представлен опыт работы ОКУК «Курская библиотека слепых имени В. С. Алехина» по изданию аудиокниг курских авторов.

Ключевые слова: Асеев Н. Н., библиотека слепых, говорящая книга, проект «Перечитаем вместе», аудиокнига «СТИХиЯ Н. Асеева».

Специальная библиотека слепых имени В. С. Алехина – единственная в области библиотека, которая издает говорящие книги курских авторов и формирует фонд краеведческой литературы в доступных форматах.

Сегодня библиотека ведет систематическую и целенаправленную работу по созданию фонда краеведческой литературы на специальных носителях с целью наиболее полного удовлетворения запросов читателей и пополнения общего фонда библиотеки краеведческой литературой. Издательская деятельность – это попытка библиотеки заполнить пробелы издательского рынка литературы краеведческого характера путем самостоятельного издания необходимых произведений в нужных для пользователей форматах. В 2018 году библиотечная студия «Луч» отметила свое 10-летие. За прошедшие годы студия прошла путь от неопытного новичка до признанного фаворита в издании «говорящих» книг. В копилке студии «ЛУЧ» – заслуженные награды главных книжных конкурсов России. Библиотека находится в постоянном поиске новых форм доведения информации до незрячих и слабовидящих пользователей. Одним из инновационных проектов библиотеки стала серия аудиокниги «Перечитаем вместе!».

В 2015 году в рамках Всероссийской литературной акции «Перечитайте Чехова!» читателями библиотеки было начитано более шести часов звучащего текста произведений А. Чехова.

Опыт в создании «говорящей» книги непрофессиональными дикторами был продолжен и в 2016 году : издана аудиокнига «Перечитаем Карамзина вместе!», где произведения великого русского писателя начитаны сотрудниками и читателями Курской областной специальной библиотеки для слепых имени В. С. Алехина. На сегодняшний день в рамках проекта «Перечитаем вместе» сотрудники, волонтеры и читатели библиотеки Алехина также начитали: аудиоспектакль по повести Николая Карамзина «Бедная Лиза», сборник «Моя любимая книга о природе», книгу А. Солженицына «Крохотки», уникальный сборник «Бобравские сказки».

В 2019 году, готовясь к празднованию 130-летия выдающегося советского поэта Н. Н. Асеева, чье имя носит областная научная библиотека, издательским советом специальной библиотеки слепых имени В. С. Алехина было предложено сотрудникам ОНБ имени

Н. Асеева принять участие в проекте «Перечитаем вместе» и начитать в студии звукозаписи произведения Н. Асеева.

К межбиблиотечной акции присоединились сотрудники и волонтеры специальной библиотеки имени В. Алехина. В июне 2019 года, к юбилею поэта, вышла в свет «говорящая» книга «СТИХиЯ Н. Асеева». В работе над аудиокнигой приняли участие двенадцать сотрудников ОНБ имени Н. Асеева и семеро алехинцев. Общее время звучания книги составило около четырех часов. Прочитано более девяноста стихотворений Н. Асеева. В новую аудиокнигу включено лучшее из написанного Н. Асеевым с 1910 по 1963 годы. По изданию можно подробно проследить весь творческий путь писателя. Мы не ставили перед библиотекарями никаких ограничений в выборе произведений поэта. Каждый выбирал для исполнения те стихи, которые просто легли на душу.

Создавая книгу, библиотекари старались глубже вчитаться в строки Н. Н. Асеева, чтобы лучше понять поэта, соприкоснуться с тайной поэтического творчества и поделиться своими чувствами с читателями библиотек. Мы предложили читателям заново открыть для себя ставшего хрестоматийным Н. Асеева. В Приложении к аудиокниге «СТИХиЯ Н. Асеева» читатели имеют возможность познакомиться со статьей Таисии Абрамовны Тартаковской «Н. Асеев и Курский край», воспоминаниями о писателе Ольги Петровской и жены Ксении Асеевой. Подарком для читателей станут, представленные в «Приложении», записи авторского чтения стихов «Курские края», «Синие гусары», «Двое идут», «Еще за деньги люди держаться» и сборника «Вспомни свои молодые года». «Я лирик по складу своей души, по самой строчечной сути», – писал Николай Асеев, и эти слова как нельзя лучше определяют природу его поэтического дарования. Стихи Асеева «Я не могу без тебя жить», «Свет мой оранжевый на склоне», «Глаза насмешливые сужая» написаны как будто специально для песен. И в наши дни они стали прекрасными песнями. Мы взяли на себя смелость включить в Приложение к аудиокниге «СТИХиЯ Н. Асеева» несколько песен современных композиторов и исполнителей на стихи Н. Асеева.

Поэт революции, представляя курянам Николая Асеева, говорил: «Своими стихами он доставит вам удовольствие. Для вас – несомненный выигрыш». Мы надеемся, что создатели аудиокниги «СТИХиЯ Н. Асеева», обращаясь к читателям 21 века, имеют полное право повторить слова В. Маяковского.

Сегодня издательская деятельность Курской областной библиотеки для слепых имени В. С. Алехина продолжается и набирает силу, а значит, впереди читателей ждет много интересного, необычного. И, конечно же, продолжится работа в рамках межбиблиотечных проектов по созданию уникальных «говорящих» книг.

Малыхина Н. А.

**СОХРАНЕНИЕ, ИЗУЧЕНИЕ И ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА
КУРСКОГО НЕЗРЯЧЕГО ПИСАТЕЛЯ В. С. АЛЕХИНА
В КУРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ СПЕЦИАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКЕ
ДЛЯ СЛЕПЫХ ИМЕНИ В. С. АЛЕХИНА**

Аннотация: В статье представлен опыт работы ОКУК «Курская библиотека слепых имени В. С. Алехина» по сохранению, изучению и популяризации творчества курского незрячего писателя, чье имя она носит.

Ключевые слова: Василий Семенович Алехин, библиотека слепых, Алехинские чтения, говорящая книга, Книга почета «Золотое Слово за Дело благодатное».

Есть в нашем городе место, где слабовидящие и незрячие люди могут отвлечься от повседневной рутины и провести время с пользой – это Курская областная специальная библиотека для слепых имени В. С. Алехина. Имя курского незрячего писателя, члена Союза писателей СССР, члена союза журналистов СССР, члена Всероссийского общества слепых Василия Семеновича Алехина библиотеке было присвоено Постановлением Администрации Курской области от 01.10.2010 г.

За высокий профессионализм и активную работу по приобщению к книге, слову, труду писателя, за изучение и продвижение творчества В. С. Алехина Областная библиотека слепых им. В. С. Алехина внесена в Книгу почета «Золотое Слово за Дело благодатное» Курского регионального отделения Союза писателей России с присвоением почетного звания «Лучшая библиотека имени курского писателя».

Вся жизнь нашего земляка, писателя-фронтовика Василия Семеновича Алехина – это пример стойкости и мудрости. Биография его овеяна легендарным мужеством.

Василий Семенович родился 19 сентября 1925 года в селе Дуброво Воронежской губернии. Участник Великой Отечественной войны, на которой лишился зрения и одной руки. В Курском отделении Союза

писателей СССР Василия Семеновича Алехина, жившего в старинном городе Рыльске Курской области, называют «Наш Островский». И в этом нет никакого преувеличения. В Рыльске писатель обрел имя, как творец ярких книг о войне и не только, организовал литературное объединение, был душой местной организации ВОС.

Сотрудниками библиотеки ведется активная и кропотливая работа по изучению жизни и творчества В. С. Алехина. Его имя знают и помнят читатели областной специальной библиотеки для слепых. Его произведения пользуются спросом и не залеживаются на книжных полках библиотеки.

В собственной библиотечной студии звукозаписи «ЛУЧ» (Любимое Увлекательное Чтение), начиная с 2008 года начитаны в формате МР3 все произведения писателя, и читатели библиотеки имеют возможность услышать их в исполнении артистки Курского драматического театра Нины Олешня.

В 2018 году библиотекой издано мультимедийное Собрание сочинений В. С. Алехина на CD. В Собрание сочинений В. С. Алехина вошли книги, изданные библиотечной студией звукозаписи «Луч» в 2008-2018 годах. Это сборник стихотворений В. С. Алехина, романы «Три дня памяти» и «Сполохи над Сеймом», повесть «Над обрывом» и роман-диалогия «Висожары». Впервые озвучены газетные очерки и рассказы из периодической печати. Время звучания собрания сочинений В. С. Алехина – 95 ч. 46 мин. 05 сек.

Собрание сочинений дополнено мультимедийным Приложением, в котором собраны все наиболее интересные документальные материалы о жизни и творчестве писателя: копии личных документов, фотографии из семейного архива; отчеты о международных Алехинских чтениях, проводимых библиотекой, библиографический указатель, изданный библиотекой к 90-летию со дня рождения писателя. Также представлены произведения участников онлайн-конкурса «Люди алехинского духа» и материалы о Курской областной специальной библиотеке для слепых, носящей имя В. С. Алехина.

Особый интерес представляют документальные фильмы о В. С. Алехине: из серии «Курская жемчужина», снятый ТРК «Сейм» г. Курска, и фильм Рыльской телекомпании, куда вошли прижизненные кадры писателя. В сборник также вошли песни на стихи В. Алехина и книга очерков Н. Пахомова «Несгибаемость» о жизни и творчестве писателя-фронтовика.

Собрание сочинений – плод многолетнего труда, поиска, исследований всех сотрудников специальной библиотеки имени В. С. Алехина. Работа по изучению жизни и творчества писателя продолжается и сегодня.

«Я мечтал оставить светлый след» – этой строкой из стихотворения Василия Алехина в библиотеке для слепых названа постоянно действующая мемориальная экспозиция о жизни и творчестве писателя.

Для удобства незрячих посетителей она оснащена «говорящей» табличкой «Жизнь и творчество В. С. Алехина», раскрывающей содержание данной выставки. Каждый экспонат имеет надпись шрифтом Брайля.

В экспозиции представлены изданные Центрально-Черноземным и Курским книжным издательствами произведения писателя, рукопись книги «Висожары», ксерокопии найденных в архивах подлинных документов, подтверждающих достоверность описанных в романах событий, публикации в средствах массовой информации, личные вещи и фото из архива писателя.

Сотрудники библиотеки постарались собрать наибольшее количество материалов, документов и фотографий о жизни и творчестве В. С. Алехина. Некоторые из них любезно предоставлены нам «Литературно-мемориальным музеем Н. Островского» (г. Сочи).

Отдельное место на выставке отведено личным вещам писателя. Здесь можно увидеть его карманные часы на цепочке, подставку с перьевой ручкой, лупу и набор окуляров в футляре. Особое место в экспозиции занимает печатная машинка «Москва» из семейного архива писателя, переданная библиотеке вдовой писателя З. И. Алехиной, с которой библиотеку связывала крепкая дружба. Сотрудниками записаны воспоминания Зинаиды Ильиничны о муже.

Неоценимую помощь в сборе документов о В. С. Алехине оказали сотрудники заводского «Музея трудовой и боевой славы» ОАО Копейского машиностроительного завода, где начинал свою трудовую деятельность будущий писатель. В связи с 70-летием Победы имя В. С. Алехина включено в книгу «Люди Великого Подвига» о заводчанах – участниках Великой Отечественной войны.

Особое место в экспозиции занимают издания исследовательских материалов, посвященных жизни и творчеству писателя, материалы международных Алехинских чтений. В 2017 году к Алехинским чтениям на основе экспозиции была оформлена витринная выставка в окне библиотеки «Наш курский Островский».

Библиотекой издан биобиблиографический указатель «В. С. Алехин: человек корчагинского духа». Указатель содержит следующие разделы: биографический очерк «Добрая сила мужского сердца», «Михайлово чудо» и «Зинушкина любовь», «Книги В. С. Алехина в стране и за рубежом», «Библиотеке – имя писателя», основные даты жизни и творческой деятельности В. С. Алехина, перечень печатных и озвученных Курской областной специальной библиотекой для слепых имени В. С. Алехина произведений писателя, публикации о писателе в прессе.

Библиотекой создан видеофильм о писателе, формируется специальный раздел на сайте библиотеки, где доступны для скачивания произведения В. С. Алехина. Библиотека принимала активное участие в создании видеофильма «Курская жемчужина. Василий Алехин» на ТРК «Сейм».

Ежегодно в рамках акции «Белая трость» – «Помоги человеку с белой тростью!» проходит Единый областной библиотечный день по обслуживанию инвалидов по зрению с проведением специальных Алехинских уроков, на которых читатели межпоселенческих библиотек знакомятся с жизнью и творчеством «нашего курского Островского».

Благодаря работе библиотеки слепых о курском незрячем писателе теперь знают не только куряне. «Говорящие книги» с произведениями В. С. Алехина активно распространяются в республике Беларусь лауреатом Алехинской премии (утвержденной Курским региональным отделением Союза писателей России), С. Каленчуковой, которая активно сотрудничает с библиотекой.

С 2014 года Курская областная специальная библиотека для слепых имени В. С. Алехина при содействии Комитета по культуре Курской области, Комитета социального обеспечения Курской области и Курского регионального отделения Союза писателей России проводит международные Алехинские чтения, посвященные незрячему курскому писателю.

По «Положению о проведении международных Алехинских чтений», мероприятие проводится один раз в два года. Уже состоялись Алехинские чтения 2014, 2015 и 2017 годов. Следующие Чтения запланированы на 2019 год.

В международных Алехинских чтениях принимают участие специалисты специальных библиотек для слепых России и ближнего зарубежья, инвалиды по зрению, занимающиеся литературным творчеством из Белоруссии, Украины, городов России, писатели, работники культуры, образования, социальной сферы, студенты вузов и

учащиеся школ. Участники Чтений выступают с исследованиями о жизни и творчестве В. С. Алехина, информацией о «людях алехинского духа» своих городов и стран. У участников есть возможность познакомиться с литературным творчеством инвалидов по зрению из различных регионов России, Крыма, Белоруссии, Казахстана и Украины.

Международные Алехинские чтения стали заметным культурным событием в Курской области.

В рамках III Международных Алехинских чтений – 2017 «Я вновь заклинаю живых: не забудьте!», посвященных творчеству незрячего курского писателя В. С. Алехина и 75-й годовщине Победы в Курской битве, Курской библиотекой слепых имени В. С. Алехина среди самодеятельных авторов был объявлен литературный on-line конкурс «Люди алехинского духа». Литературный on-line конкурс проходил на сайте библиотеки <http://blindlibkursk.ru/konkyrs.php>. В качестве основных тем предлагались следующие: «В. С. Алехин: жизнь и творчество»; «Жизнь, вопреки недугу» (о достижениях инвалидов в разных областях); «Проблемы милосердия и толерантности в современном обществе».

В on-line конкурсе приняли участие 145 человек. Всего на конкурс было представлено более 200 литературных произведений из разных уголков России, Белоруссии, Украины, Казахстана, Латвии и Израиля. В составе жюри конкурса: Гребнев Н. И., председатель Курского отделения Союза писателей России, председатель жюри, Рыжков П. А., корреспондент газеты «Городские известия», Пахомов Н. Д., член союза писателей России, Самойлова О. В., директор ОКУК «Курская библиотека слепых имени В. С. Алехина».

По итогам Чтений по творчеству В. С. Алехина в КГУ, был издан сборник материалов выступлений участников международных Алехинских чтений – 2017. Также в сборник включены произведения участников международного литературного on-line конкурса «Люди алехинского духа», посвященные В. С. Алехину. Издание озвучено в библиотечной студии звукозаписи.

Библиотекой имени В. С. Алехина по итогам международных Алехинских чтений уже несколько лет организуются передвижные книжные выставки «Пусть как набат звучат стихи мои...» (п. Кшень, г. Дмитриев и др.). Выставка позволила познакомиться с уникальными изданиями и документами, которые библиотекой были получены в процессе подготовки и проведения Алехинских чтений.

В сентябре 2019 года в г. Курске состоится IV Международные Алехинские чтения – 2019 «Память людскую в сердце у каждого будит

мой стих!», посвященные творчеству незрячего курского писателя В. С. Алехина и 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне.

В рамках этих чтений объявлен международный открытый on-line – конкурс чтецов произведений В. С. Алехина «Звучат алехинские строки». On-line конкурс проходит на сайте библиотеки <http://blindlibkursk.ru/konkyrs.php>.

В конкурсе уже приняли участие около семидесяти представителей разных городов России, Беларуси, Крыма. Особо активно участвуют в конкурсе жители Курской области. Итоги конкурса будут подведены в сентябре 2019 года. Все призеры приглашаются на международные Алехинские чтения – 2019 на очный этап конкурса, который будет проходить в г. Рыльске, на родине В. С. Алехина.

Читатели и гости библиотеки, участники Алехинских чтений каждый раз убеждаются, что вся жизнь Василия Семеновича Алехина – это пример стойкости и мудрости. Светлый, мужественный образ Василия Семеновича Алехина и все его книги – поистине вечно действующий духовный документ эпохи.

Курашова С. В

МУЗЕЙ ПИСАТЕЛЕЙ ГОМЕЛЬЩИНЫ КАК ФОРМА СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ КРАЯ

Аннотация: Статья посвящена истории создания на базе отдела краеведения Гомельской областной библиотеки Литературного музея писателей Гомельщины, посвященного личностям и творческому пути четырех народных писателей Беларуси, лауреатов Государственной премии БССР, уроженцев Гомельской области – Ивана Науменко, Ивана Мележа, Ивана Шамякина и Андрея Макаёнка.

Ключевые слова: Краеведение, проектная деятельность, писатель, литературный музей, библиотека, Гомельская область.

Объединяющим центром всей деятельности Гомельской областной библиотеки по литературному краеведению являются личности и творческий путь четырех народных писателей Беларуси, лауреатов Государственной премии БССР, наших земляков – Ивана Науменко, Ивана Мележа, Ивана Шамякина и Андрея Макаёнка.

Иван Яковлевич Науменко – прозаик и драматург, литературовед; ученый, 10 лет возглавлявший академию наук БССР; доктор

филологических наук, профессор. Главная тема его творчества – Великая Отечественная война. В областной библиотеке раз в два года проходят Международные Науменковские чтения, на которые собираются исследователи белорусской литературы.

Иван Павлович Мележ – прозаик, драматург, публицист. Центральное место в его творчестве занимает трилогия «Полесская хроника», где описывается жизнь полесской деревни 1920-1930-х годов: коллективизация, раскулачивание.

Иван Петрович Шамякин – писатель, сценарист, драматург, общественный деятель. Писал о жизни сельской интеллигенции, романы, посвященные проблемам современной жизни.

Андрей Егорович Макаёнок – драматург, сценарист, переводчик, общественный деятель. Его сатирические пьесы стали эталоном жанра.

Создание Литературного музея писателей Гомельщины продиктовано значительным вкладом этих писателей в белорусское национальное наследие.

Литературный музей писателей Гомельщины ведет свое начало с обращения главного библиотекаря отдела краеведения Нины Васильевны Сериковой к Павлу Ивановичу Науменко, сыну народного писателя Беларуси Ивана Яковлевича Науменко. Собственно, с коробки личных вещей писателя, которую принес Павел Иванович на встречу, и выросла в 2010 году мемориальная выставка «Слова роднага майстра». Тогда это были 3 стеллажа, позже переросшие в полноценную музейную экспозицию.

В 2016 году были открыты еще три экспозиции. Дети Ивана Павловича Мележа передали в дар библиотеке уникальные вещи: портативную печатную машинку, принадлежавшую писателю, зачетную книжку студента БГУ, датированную 1943-1944 гг. и содержащую только отличные отметки, переписку и многое другое. Не менее интересен предметный ряд экспозиции, посвященной Ивану Петровичу Шамякину: книги с автографами, творческая лаборатория написания исторического романа «Петроград-Брест», произведения, изданные на иностранных языках, наградные наручные часы, которые и сегодня ведут отсчет времени, и другие личные вещи.

Наиболее богата музейная коллекция драматурга Андрея Егоровича Макаёнка. Значение его творчества огромно для развития литературы и театрального искусства. Более ста театров в разных уголках планеты ставили спектакли по пьесам Андрея Макаёнка: «Зацюканы апостал» в течение 15 лет шел на сцене Московского театра сатиры; пьеса

«Выбачайце, калі ласка» впервые представленная белорусскому зрителю в 1953 году, сразу же вошла в репертуар 86 театров России, Украины, Латвии, Литвы, Молдавии. Премьерный показ «Лявоніхі на арбіце» состоялся в день полета Юрия Гагарина в космос. Документальное наследие, награды, фотоальбомы, портрет работы Нинель Счастной, автопортрет Андрея Егоровича в дереве – всего около 1000 музейных предметов, как и уникальный архив народного писателя Беларуси, переданы безвозмездно областной библиотеке вдовой драматурга Любовью Ивановной Макаёнок.

Музейные экспозиции вместили только малую часть вещественно-предметной коллекции, рукописного и фотоархива, переданного родственниками писателей в дар областной библиотеке. Поэтому было принято решение о расширении экспозиционного пространства и создании мемориальной комнаты белорусского драматурга Андрея Егоровича Макаёнка.

В 2018 году, в Год малой родины, в Гомельской областной библиотеке был открыт мемориальный зал Андрея Егоровича Макаёнка. В экспозиции зала представлены бесценные раритеты, которые до этого времени нигде ранее не экспонировались: фронтовой дневник будущего писателя (общая школьная тетрадка с переливами стертых чернил) периода 1941-1943 годов, военные награды драматурга, справка о ранении на фронте, переписка, подлинные рукописи, фотоальбомы, афиши, личная библиотека. Рукопись пьесы «Ворагі» – одна из первых в творчестве Макаёнка. Здесь же, в правках и дополнениях, рукописные варианты знаменитых работ: «Зацюканы апостал», «Лявоніха на арбіце», «Таблетку пад язык», «Трыбунал» и многое другое. Особое место в экспозиции занимает личная библиотека писателя. В отдельных томах можно увидеть закладки, сделанные Андреем Егоровичем, что создает ощущение реальности происходящего. Среди экспонатов – документальные свидетельства деятельности Андрея Егоровича в качестве депутата Верховного Совета БССР.

Ценность полученного архива и в том, что вместе с ним библиотека получила редчайшие автографы Петра Михайловича Машерова, известных актеров, которые были заняты в спектаклях по пьесам драматурга: Андрея Миронова, Анатолия Папанова, Веры Васильевой, Спартака Мишулина, Льва Дурова.

В мемориальном зале имеется оборудование для видеодемонстрации документального и художественного наследия драматурга.

Свои двери для первых посетителей мемориальный зал распахнул 28 февраля 2018 года. В презентации приняли участие директора центральных районных библиотек области, представители писательской организации и научного сообщества, студенты.

В том же году мемориальный зал посетила вдова драматурга Любовь Ивановна Макаёнок, а также член-корреспондент НАН Беларуси, доктор филологических наук, профессор Степан Степанович Лавшук. Они познакомились с мемориальным залом и приняли участие в проведении литературного вечера «Андрей Макаёнок. Встреча современников».

Об актуальности и востребованности мемориального зала говорит статистика. В 2018 году было проведено 75 экскурсий, число посетителей составило более 1500 человек.

Литературный музей писателей Гомельщины благодаря работе сотрудников отдела краеведения постоянно пополняется новыми экспонатами. Также областной библиотекой активно используется аналог стационарного – баннерный музей для мероприятий вне стен библиотеки, электронный ресурс «Литературная карта Гомельщины», размещенный на сайте библиотеки и содержащий биобиблиографическую информацию о двухстах персоналиях.

Сотрудниками отдела в литературном музее проводится экскурсионное сопровождение. Многочисленные экскурсии по экспозициям позволяют гомельчанам и гостям города знакомиться с наследием наших прославленных земляков.

В заключение – немного о наших планах. В 2020 году Гомельская областная библиотека планирует выстраивать свою работу, ориентируясь на знаменательную дату – 100 лет со дня рождения Андрея Егоровича Макаёнка. Запланирована к проведению международная конференция «Макаёнковские чтения». В работе у народного любительского театра «Грачи», где играют сотрудники библиотеки, находится пьеса Андрея Егоровича «Выбачайце, калі ласка». Также в отделе краеведения начала работу творческая лаборатория по изучению литературного наследия народного писателя Беларуси Андрея Макаёнка. Студенты Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины пишут свои дипломные работы на основе материалов лаборатории.

Работа Литературного музея писателей Гомельщины показала, что, реализуясь в рамках библиотечного учреждения, он является эффективной формой сохранения культурного наследия региона.

Библиографический список:

1. Викулова, В. П. Музейная экспозиция в библиотеке: типы и методы организации [Текст] / В. П. Викулова // Библиотечное дело. – 2010. – № 21. – С. 32–37.
2. Гомельская областная библиотека: 90 славных лет [Текст] : обзор деятельности за 2018 год / Гомельская областная универсальная библиотека им. В. И. Ленина ; под общ. ред. Т. Л. Барабаншиковой. – Гомель, 2019. – 91 с.
3. Храм мудрости: вчера, сегодня, завтра [Текст] : страницы истории Гомельской областной библиотеки / под общ. ред. М. С. Рафеевой. – Лида : Лидская типография, 2018. – 160 с.

Ильченко Д. В.

ТВОРЧЕСТВО ПОЭТА И ПРОЗАИКА ВИКТОРА ШУТОВА В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ДОНБАССА

Аннотация: В статье рассматриваются направления развития художественных произведений в творчестве народного певца Донбасса Виктора Васильевича Шутова и его становления как писателя. Талантливый творец, основываясь на документальных материалах, создал произведения, ставшие не только его вершинным достижением, но и заметным явлением в литературном пространстве Донбасса.

Ключевые слова: Литература, Донбасс, поэт-передвижник, патриот, библиотека.

Литературное пространство Донбасса ярко выражено в языке и литературном творчестве поэтов и прозаиков Донецкого края. Существует тонкая и сложная связь между художественным произведением и местом, вдохновившим писателя на его создание. Донбасс имеет богатую литературную историю, неразрывно связанную с именем нашего земляка, фронтовика, поэта и журналиста – Виктора Шутова.

Родился Виктор Васильевич Шутов 27 июля 1921 года в Юзовке (Донецк) в шахтерской семье. После окончания школы поступил в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Принимал участие в советско-финской войне. Когда началась Великая Отечественная война, ушел на фронт. Участвовал в освобождении Ленинграда. В 1942 году в Ленинграде, находившемся тогда в блокаде, вышел поэтический сборник, который открывали стихи Виктора Васильевича Шутова.

Когда закончилась война, Виктор Васильевич был старшиной, имел медали «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда». В конце 1946 года демобилизовался. Вернулся в свой родной город – Донецк.

В своем творчестве поэт-фронтовик отражал патриотические начала своего поколения, своих сверстников-воинов, первые его стихи были о блокаде, о любимых, которые верно ждут солдат, – обо всем, что было понятно и близко бойцам.

Дни мирной биографии Виктора Васильевича наполнены образами родной донецкой земли, освобожденной от фашистских оккупантов, с ее радостями и горестями, – всем, чем жил солдат-победитель.

Одна за другой выходят из-под пера Виктора Шутова книги: «Мое поколение» [1], «Трудный пласт» [2], «Земная тяга» [3], «Лирика моего города» [4]. И все чаще передаются по республиканскому и всесоюзному радио песни, написанные на слова Шутова композиторами И. О. Дунаевским, И. Д. Покладом, И. Н. Шамо, Г. А. Сесиашвили: «Город синих терриконов», «Любимый Донбасс», «Шахтерская дружба» и многие другие.

Еще в 1959 году поэт начал работу по розыску имен земляков, которые в страшную пору фашистской оккупации, не щадя жизни, боролись в донецком подполье с врагами. Он публикует очерки в периодической печати, в книгах «Поступь Донбасса» [5], «Разведчик Колодин» [6], выступает по радио и телевидению, работает в архивах Донецка, Ростова, Москвы, Ленинграда, совершает поездки во многие города Советского Союза, встречается и переписывается с бывшими подпольщиками и родственниками погибших, с государственными военными учреждениями. В его личной картотеке насчитывается более 400 имен участников антифашистской борьбы. Благодаря результатам деятельности писателя был поставлен вопрос об увековечении памяти погибших патриотов. Ныне две школы и почти два десятка улиц в Донецке названы именами героев-подпольщиков.

Особенно выразительной и захватывающей была его художественно-документальная проза. Виктор Шутов воскресил забытых, раздвинул границы города, оживив его исторические события, пролив свет на судьбы людей и на многие исторические факты.

Подвижнический многолетний труд писателя привел его к созданию своей наиглавнейшей по общественной значимости документально-художественной книги – «Смерти смотрели в лицо» [7].

Виктор Шутов отмечает: «Историк устанавливает факт. Литератору одного факта недостаточно. Он хочет знать, как начинались и

происходили события, которые скрылись за далью годов. Сделать это невероятно трудно. ... Я вновь и вновь вчитываюсь в архивные документы, они помогают напасть на след очевидцев. Забытое обретает зримые черты, оно становится реальностью. Еще не все, еще что-то скрыто в тумане времени, но беспокойное сердце упрямо: оно хочет знать все, что происходило на отцовской земле в Годы Великих испытаний» [7, с. 4].

Именно эти строки открывают страницы истории донецкого подполья: дерзкие диверсии, рискованные операции патриотов, подлость предателей, зверства фашистов – все это оживает перед читателем. Книга насыщена примерами героической борьбы против гитлеровских оккупантов в годы Великой Отечественной войны.

Поэт вернул десятки забытых, а то и опороченных честных имен своих земляков, восстановил истину о народных мстителях шахтерской земли.

После ухода из жизни Виктора Шутова на донецкой земле в день рождения писателя на протяжении многих лет литературной премией были отмечены талантливые поэты и прозаики, творчество которых прославляет шахтерский край и его тружеников.

Донецкая республиканская универсальная научная библиотека им. Н. К. Крупской на протяжении многих лет была местом встречи выдающегося донбасского писателя со своими читателями и коллегами. И сегодня, продолжая эту добрую традицию, в главной библиотеке ДНР регулярно проходят вечера памяти, творческие встречи, посвященные жизни и деятельности выдающегося писателя. Мероприятия сопровождают книжные выставки и тематические обзоры, раскрывающие уникальный талант автора, произведения которого находят искренний отклик в душах современников.

Виктор Шутов является Почетным гражданином города Донецка, его имя носит одна из улиц шахтерской столицы в Кировском районе. Свой доклад хочу закончить строками из песни «Город синих терриконов» Виктора Шутова:

*Величает поимённо
Всех своих богатырей
Город синих терриконов,
Город звонких тополей.
Может, где-то на планете
Есть и лучшие города,*

*Только мне в Донецке светит
Солнце щедрое всегда.
И сияет озарённый
Ярким золотом лучей
Город синих терриконов,
Город звонких тополей.*

Библиографический список:

1. Шутов, В. В. Мое поколение [Текст] / В. В. Шутов. – Сталино : Обл. изд-во, 1950. – 80 с.
2. Шутов, В. В. Трудный пласт [Текст] / В. В. Шутов. – Киев : Рад. письменник, 1957. – 91 с.
3. Шутов, В. В. Земная тяга [Текст] / В. В. Шутов. – Киев : Держлітвидав України, 1961. – 151 с.
4. Шутов, В. В. Лирика моего города [Текст] / В. В. Шутов – Сталино : Донбасс, 1960. – 92 с.
5. Шутов, В. В. Поступь Донбасса [Текст] / В. В. Шутов. – Донецк : Донбас, 1967. – 255 с.
6. Шутов, В. В. Разведчик Колодин [Текст] / В. В. Шутов. – Донецк : АЛАН, 2002. – 31 с.
7. Шутов, В. В. Смерти смотрели в лицо [Текст] / В. В. Шутов. – Донецк : Донбасс, 1974. – 440 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аниканова Ирина Владимировна, член Курского Союза литераторов при КРО Союза писателей.

Антипенко Тамара Николаевна, журналист, киновед, театральный критик, педагог. Член Союза журналистов России, член Союза курских литераторов при КРО Союза писателей.

Белошапкина Елена Алексеевна, преподаватель иностранных языков ОБПОУ «Курский электромеханический техникум».

Беляева Наталья Викторовна, к. филол. н., доцент кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин Юго-Западного государственного университета.

Бубнов Александр Владимирович, д. филол. н., учитель ГБОУ г. Москвы «Школа № 109».

Грачев Александр Алексеевич, к. и. н., член Союза курских литераторов при КРО Союза писателей России.

Григоржевич Валентина Гавриловна, заведующая Литературным музеем, филиал Курского государственного краеведческого музея.

Доценко Надежда Викторовна, мл. науч. сотрудник Львовского мемориального музея Н. Н. Асеева, филиал Курского государственного краеведческого музея.

Курашова Светлана Викторовна, ученый секретарь ОБУК «Гомельская областная универсальная библиотека им. В. И. Ленина».

Лагутич Михаил Семенович, прозаик, член КРО Союза писателей России.

Малыхина Наталья Акрамовна, заведующая филиалом ОКУК «Курская областная специальная библиотека для слепых имени В. С. Алехина».

Пахомов Николай Дмитриевич, председатель Курского городского отделения Союз курских литераторов, член КРО Союза писателей России.

Романов Сергей Сергеевич, к. филол. н., доцент кафедры литературы Курского государственного университета.

Рябинин Владимир Николаевич, поэт, член КРО Союза писателей России.

Савчук Ирина Владимировна, преподаватель ОБПОУ «Курский электромеханический техникум».

Саушкина Элеонора Игоревна, преподаватель ОБПОУ «Курский электромеханический техникум».

Сидоренко Валентина Михайловна, заведующая Льговским мемориальным музеем Н. Н. Асеева, филиал Курского государственного краеведческого музея.

Соколова Татьяна Михайловна, заместитель директора по основной деятельности ОКУК «Курская областная специальная библиотека для слепых имени В. С. Алехина».

Хаипова Татьяна Витальевна, заведующая Литературно-мемориальным музеем «Дом Учителя» Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея-заповедника.